

ТВОЯ КАПЛЯ КРОВІ

ИНА ГОЛДИН,
ГЕРТРУДА ПЕНТА

Popcorn books. Твоя капля крови

Ина Голдин

Твоя капля крови

«Popcorn books»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Голдин И.

Твоя капля крови / И. Голдин — «Popcorn books»,
2023 — (Popcorn books. Твоя капля крови)

ISBN 978-5-6048362-9-3

Семь лет назад, после подавленного восстания, белогорский князь Стефан Белта был послан к Остландскому двору в качестве заложника, чтобы его отец не поднял новый бунт. В Остланде молодой князь становится другом цесаревича Лотаря, который вскоре вступает на трон и делает Стефана своим советником. Однако, вернувшись в отчий дом, на родину Бялу Гуру, Стефан узнает, что против Остланда готовится новое восстание. Дела осложняет еще и то, что Стефан – вампир и вынужден хранить свой секрет даже от самых близких.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6048362-9-3

© Голдин И., 2023
© Popcorn books, 2023

Содержание

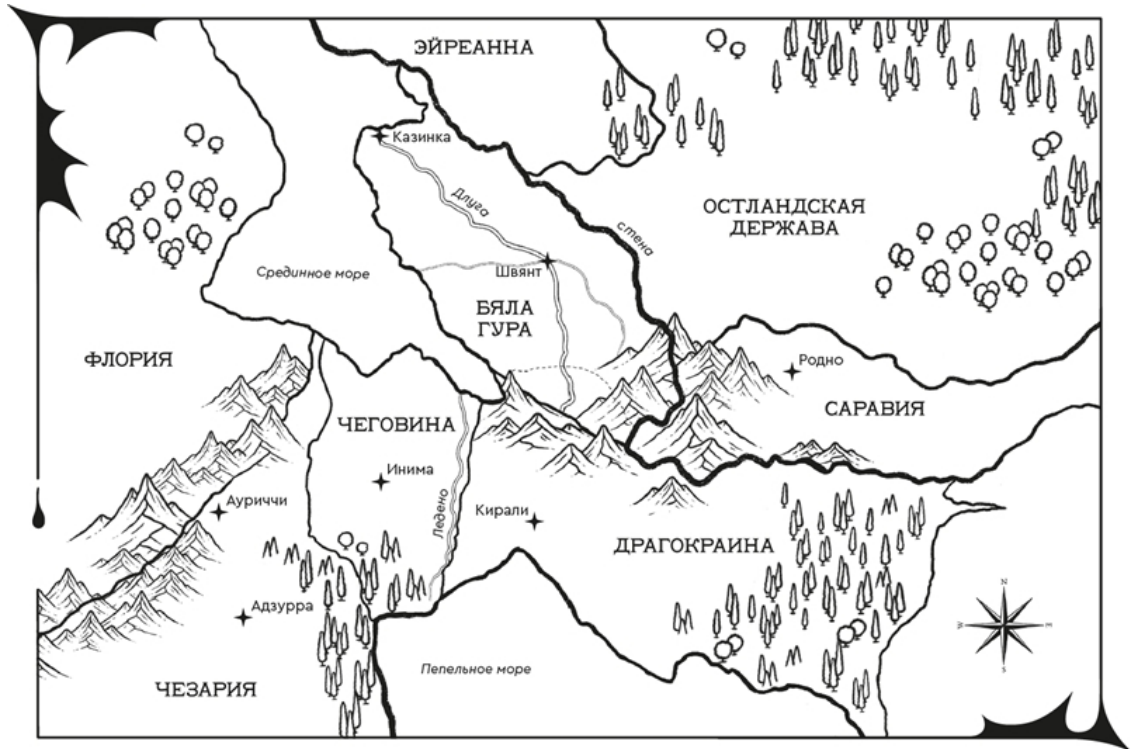
Часть первая	6
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	74
Глава 8	87
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Ина Голдин, Гертруда Пента Твоя капля крови

© Ина Голдин, Гертруда Пента, текст, 2023

© Cover art by Lisa Fricke

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2023

Часть первая Цесарский советник

Пролог

Цесареград, Великая Держава Остланд

– Это письмо, – сказал цесарь Остланда, – вполне может быть подделкой. И его недостаточно, чтобы подорвать наше доверие к правителю Чезарии, нашему давнему другу...

Он держал послание двумя пальцами, чуть на отлете. Советник по иностранным делам стоял, аккуратно глядя цесарю в подбородок.

– Ваше величество, – говорил он ровно, – позволю себе заметить, что это письмо было перехвачено вашей тайной службой. И тайная служба не сомневается, что послание подлинное. Государь, вы слишком щедро расточаете свое расположение. Я не осмелился спорить с вами, когда речь шла о Драгокраине, ибо драго – ваши исторические союзники и братья. Но Чезария, право слово! Капо будет торговать вашей дружбой с той же легкостью, с которой он торгует вином и маслом, и это письмо – тому подтверждение!

– Еще наша матушка, – начал цесарь, – считала союз с Чезарией плодотворным, особенно в случае... продвижения на Запад.

Цесарь все чаще теперь ссылался на мать, и не только Стефану казалось, что это дурной знак.

– А вы, князь Белта, – сказал Лотарь, – напомнили нам об одной старой поговорке. Относительно того волка, который все смотрит в лес, как его ни корми. Нам все больше кажется, что, сколько вас ни корми, останетесь белогорцем и смотреть будете только на Белогорию, в какую бы войну мы ни оказались втянуты. Уж не оттого ли вы так враждебны к нашей дружбе с Капо Чезарии, что там до сих пор укряваются ваши повстанцы?

Стефан моргнул и снова уставился в выбритый цесарский подбородок.

«Нет ничего странного в том, что я забочусь о своей стране. Странно, что его величество не заботится о своей...»

– И нам порой действительно кажется, что мы слишком щедро расточаем нашу дружбу...

Вот и все, понял Стефан Белта. Слишком долго и слишком непонятно ходил он у цесаря в любимчиках. Теперь – отставка, вон из столицы... И хорошо, если разрешат вернуться в Бялу Гуру, а не отправят в Замерзшие земли.

Но Лотарь, Лотарь... ведь не дурак и не слабый правитель, что же с ним творится?

– Ваше величество, – сказал он, – вы знаете мое мнение о походе на Флорию. А союз с Чезарией кажется мне в данных обстоятельствах... безумием.

Над этим в самом деле можно посмеяться: белогорец, бывший пленник – и беспокоится о мире в Державе больше, чем ее законный правитель. Дома всегда говорили: что Остланду беда, то нам на руку. Но Стефан прекрасно понимал, что станет с указом о «домашнем правлении» в княжестве, если они теперь ввяжутся в войну. С тем самым указом, который он чуть не зубами выгрызал из цесарского совета. В лучшем случае о нем просто забудут. В худшем – помянут им белогорцев, чтоб сделать из них верных солдат Державы, и все равно – забудут. И это если победу одержит Остланд. Если же войну выиграет Флория... Сейчас Тристан рад всем, кто не рад цесарю, но после... Там, в княжестве, его друзья верили, что флорийцы желают им помочь. Глупцы, глупцы; такие же, как тот, что сейчас глядел на него до отчаяния прозрачными

голубыми глазами. А вокруг глаз – темные круги... Добрая Матерь, не хватало только, чтоб он запил.

Чезарскому капо Стефан пяти грошей не доверил бы и в мирное время, что уж говорить о военном... И в перехваченном письме от их посла четко, даже без обычных завитушек говорилось о нерушимой дружбе Флории и Чезарии...

Но цесарь не желал ничего видеть и знать.

– Идите, князь, – произнес он. – Пока не сказали еще чего-нибудь... чего мы не сможем вам простить.

Ах да, «безумие» не из тех слов, что можно употреблять в обществе здешней венценосной семьи.

Стефан учтиво поклонился, щелкнул каблуками и вышел.

Двери в кабинете были тонкие; собравшиеся в полутемном кулуаре придворные слышали все. К вечеру уже пойдут шуточки о том, как удобно управлять иностранными делами со Ссылных хуторов.

Они не понимают еще, что скоро Хутора будут единственным спокойным местом в Державе...

Слуги закрыли за ним дверь. Стефан перехватил папку с докладом, легонько поднял брови – жест можно истолковать как хочешь – и пошел по коридору, глядя прямо перед собой. Ему хотелось крови; хотелось как никогда. С юности такого не было, а ведь здесь его будет некому отпаивать...

Платок на шее душил его, он едва добрался до дома и, оказавшись в своих покоях, в изнеможении упал в кресло.

Ох, как же ему хотелось пить. Стефан послал слугу за вином – тот поплелся, будто на ногах у него были колодки. Здешние слуги все нерасторопны; но, вызови он кого-нибудь из дома, и цесарь, и вся столица будут смотреть косо. У остландцев есть прекрасная поговорка: будьте как дома, но не забывайте, что вы в гостях. Будьте в Остланде как дома, князь Белта, но не забывайте, что вы всего лишь заложник, приехавший ко двору, чтоб сохранить жизнь брату и фамильный замок – отцу. Играйте себе в советника, раз уж правителю пришла такая блажь, – но не забывайте, что вы всего лишь разменная монета. И для отца, и для... вашего цесаря, хоть бы флорийцы устроили ему веселую жизнь...

Нет, не хватит ему одного вина, которое на вкус сейчас казалось жидким и безвкусным, как стоялая вода. Стефан вздохнул, подошел к стене и сдвинул образ Доброй Матери. Руки его так дрожали, что он не сразу смог открыть тайник. В спрятанном там бутылке эликсира оставалось на несколько глотков. Стефан налил немного капель в бокал. Вино чуть потемнело, он выпил – залпом, поскольку вкус у зелья был отвратный. Прикрыл глаза.

«Добрая Матерь, сохрани непутевого сына, уведи от плохого пути, пошли ему Свет...»

Через какое-то время голова перестала кружиться, а нестерпимая жажда немного прошла. Заглянул слуга и доложил, что от графа Назари пришла записка.

Записка оказалась элегантной тисненой карточкой-приглашением. На обороте карточки было написано изящным, почти девичьим почерком:

Очень просил бы Вас пожаловать сегодня на мой скромный вечер. Знаю, что Вы не любите досужую болтовню, но, возможно, мне наконец удастся заинтересовать Вас разговором. Ваш искренний друг, граф Ладислас Назари.

У Ладисласа были новости. И, видимо, срочные, раз уж граф сделал приписку.

Граф никогда не внушал Стефану особой симпатии, да и не пытался. Но все обрывки новостей с родины шли через Ладисласа, так же как и контрабандное зелье. Они оба были чужими на этой земле, хоть Ладислас приехал в Остланд не заложником, а послом.

Что ж, прием – что бы там ни было – поможет отвлечься от мрачных мыслей.

Когда он вошел в залу, голова еще слегка кружилась, но чувствовал он себя терпимо, и даже свет, брызгами разлетающийся от хрустальных люстр, не резал глаза. Общество, собирающееся у графа Назари, было сомнительным – насколько посланник мог позволить себе сомнительные знакомства. Всякого рода богема – поэты и художники. Редкие жемчужины, по словам графа, которые он, согласно молве, поднимал из грязи, чистил и которым находил оправу. А еще чужеземцы, такие же как Стефан, занесенные в Державу не слишком добрыми ветрами.

Хозяин салона стоял сейчас в дальнем углу, склонившись к уху одного из молодых дарований, и что-то ему нашепывал. Невысокий, щуплый, в вечном напудренном парике, каких здесь уже не носили, в узком камзоле. Он заметил Стефана, оторвался от своего протеже и быстро увел князя в пустующий курительный кабинет.

– Совершенно случайно, – сказал он, раскуривая трубку, – мне передали для вас послание. Бродяга, странник – вы понимаете.

Он вынул из кармана плотный бумажный квадрат и передал Стефану.

Марек... как же давно от него не было вестей... Стефан вестей и не ждал – не нужно брату так рисковать. Официально тот считался мертвым – умершим от чахотки в тюрьме Швянта через полгода после восстания. Мареку было тогда всего восемнадцать, но его собирались отправить в крепость недалеко от Цесареграда вместе с остальными бунтовщиками. Его избавило от пересылки и казни только обещание старого Белты прислать к остландскому двору старшего сына – как заложника. Сына, который вовремя уехал из Бялой Гуры и среди пойманных повстанцев не числился.

– Да вам, друг мой, кажется, нехорошо... Вы посидите тут немного, ну а я пойду к гостям.

Стефан благодарно кивнул и развернул послание Марека, едва за графом закрылась дверь.

Брат,

я пишу тебе эти строки по дороге домой. Я долго был вдали от родины, но, кажется, пришло время вернуться. Скоро тебе придет письмо, сообщающее о тяжелой болезни отца. Не беспокойся, старик здоров, но ему нужно, чтобы тебя отпустили в Бялу Гуру. Он желает созвать всех старых друзей. Думаю, ты понимаешь, о чем пойдет речь. Я знаю, сколько сил ты потратил, чтобы добиться нашей свободы, но, кажется, иначе, чем железом, мы ее не добьемся. Очень прошу тебя: приезжай. Ты нужен в Бялой Гуре.

Встретимся дома,

Марек.

Стефан сложил письмо, сперва убрал его в карман, затем с сожалением вытащил и кинул в камин.

Им не хватило. Добрая Матерь, им не хватило. Мало им было крови. Мало воронья.

Вот только сам Стефан ни виселиц, ни крови не видел. Его отправили во Флорию за несуществующим оружием для повстанцев, а когда он вернулся... все уже было кончено.

И именно поэтому отказать теперь он не мог.

Обещанное письмо пришло через несколько дней. Лотарь, забыв обиды, выслушал историю о болезни отца с сочувствием. Стефан заставлял себя смотреть ему в глаза.

– Разумеется, поезжайте, Белта. Но обещайте мне, что не станете слишком задерживаться. Вы понимаете, что в нашей ситуации... вы нужны мне, Стефан.

– Я не посмел бы задержаться, ваше величество.

– Что еще за холодное «не посмел бы»? Все еще дуется на меня, князь? Впрочем, сейчас это неважно.

Цесарь погрузил перо в чернильницу на малахитовой подставке, пробежал глазами текст выездной грамоты и размашисто подписал. Он все еще выглядел усталым и каким-то... отсутствующим.

– Я безмерно вам благодарен, ваше величество.

– Мне жаль вашего отца. Надеюсь, вы успеете уладить свои... разногласия.

Он единственный догадывался, что Стефан покинул Бялу Гуру не только из-за желания защитить семью. Князь Белта никогда бы не обмолвился об этом – но умение читать мысли, как сказал когда-то совсем юный Лотарь, является неременным признаком дружбы.

«А теперь, – подумал Стефан, глядя в голубые беззащитные глаза своего цесаря, – я его предаю».

Глава 1

Белогория (Бяла Гура), западная провинция Остланда

В пути его не задерживали. Когда не право рождения, то пожалованная цесарем бумага избавляла князя от всяких проверок. Карета ехала раздражающе медленно, вихляя и подскакивая на испещренной ухабами дороге, мимо безнадежных елей и голых деревенок.

Стефан ожидал увидеть у Стены вереницу повозок, но на дороге было пусто. Верно, за границы Державы выпускали немногих.

Хмурый квадратнолицый державник забрал у него сопроводительные письма и исчез надолго. Стефан, которому все труднее было сдерживать нетерпение, вышел из кареты и задрал голову вверх, рассматривая Стену. Снизу – где-то на два человеческих роста – Стена была настоящей, сложенной из серого камня. Над камнем воздух застлала густая полупрозрачная пелена. Будто бельмо – огромное, настолько видно глазу. Построенная магами Стена, которую ни взять, ни разрушить, ни пересечь без разрешения. Ни с той стороны, ни с этой.

Когда державник вернулся, пожившись, отдал бумаги и махнул рукой, Белта едва сдержался, чтоб не подогнуть возницу. Они остановились в деревушке, кривыми избами наползавшей на бывшую границу. Небо залили знакомые чернила, пахнущие сладковато и пряно, как южный ветер. Стефан, не выдержав жары и гвалта постоянного двора, вышел прогуляться и дошагал до самого края деревни. Он долго стоял у дороги, вглядываясь в бесконечно спокойную ночь, будто надеясь увидеть вдали светящийся купол храма на Белой горе. Храм светился всегда с тех пор, как его построили: белоснежный купол отражал и разливал вокруг солнечный и лунный свет даже в пасмурные дни и безлунные ночи. Говорили, что тускнеет он только в часы бед и войн, когда Матушка оплакивает своих погибших.

Собственное ребячье нетерпение было Стефану смешно, однако, вернувшись на постоялый двор, он понял, что сердце успокоить не удастся. Он разбудил кучера, велел, как отоспится, ехать следом, а сам попросил у хозяина коня. Выведенный во двор каурый нехорошо всхрапнул, заржал и дернулся в сторону, едва Стефан протянул руку к поводьям. Видно, амулет, притупляющий животное чутье, почти растерял свою силу. Хозяин бросил на Стефана недоверчивый взгляд и крючковатыми пальцами сотворил «рогатку». Не иначе, заподозрил в князе самого Гнилого.

Впрочем, для них мы все – гнилое семя...

– Что-то вы ему, ваша светлость, не приглянулись, – не без злорадства заметил хозяин.

После долгих уговоров конек все же позволил себя оседлать.

– Куда ж вы, в самую-то ночь?

Стефан только рассмеялся. В отличие от большинства людей, в темноте он видел прекрасно.

Остаток пути он проделал в седле и позже стал жалеть об этом: с непривычки все разболелось. К имению Белта он подъехал ранним утром, под оглушительный щебет проснувшихся птиц. Над ровными голыми каштанами, вставшими вдоль дороги как в карауле, небо розовело, в яркую щель на горизонте пробивалось солнце. Где-то сипло запела пастушья свирель.

На перекрестке, там, где от дороги отстегивалась другая, ведущая к особняку, ждала его Добрая Матерь.

Стефан спешил, подошел ближе к каменному постаменту, украшенному венками из цветов, и опустился на колени прямо в жухлую траву перед статуей, которая стояла, разведя руки и склонив голову. Стефану всегда казалось, что она и вправду похожа на его мать – веселую добрую Катажину, которую ему никогда не пришлось бы в голову назвать мачехой. Или –

хоть мысль эта была кощунственной – на ту, которую он никогда не знал, ту, что давно лежала на перекрестке дорог, пригвожденная к не желающей принять ее земле.

Стефан молился про себя, чувствуя, как постепенно сползает с плеч, уходит усталость.

Наконец он встал, отряхнул с плаща приставшую траву и, распрямившись, увидел в конце дороги ворота своего дома.

Спешившись во дворе, он ожидал почему-то, что Рудый прибежит его встречать. Но собака, верно, давно издохла, и Стефан замер посреди двора, заполненного дневной суетой. Он озирался по сторонам, как зевака, вдруг ничего не узнавая: ни серой громады отчего дома с гербом над дверями, ни двора, ни людей.

– Пан Стефек! – раздалось где-то сбоку. – Пан Стефек!

Молодая девушка в платье с яркими лентами подбежала к нему и остановилась в полшаге, явно поборов желание броситься ему на шею. – Приехали!

Белта смотрел на нее, не узнавая, пока она, улыбаясь во весь рот, не спросила:

– А пан мне гостинчика не привез?

– Ядзя!

Когда он уезжал, Ядзя, дочка управляющего, была совсем еще маленькой. Она любила встречать братьев, когда они возвращались домой из поездок, и без церемоний лезла к ним в карманы в поисках гостинцев. Так что они с Марекком привыкли в городе покупать яблоко ли, леденец – для Ядзи.

– Будет гостинчик, – пообещал он, все еще не веря, что эта взрослая девушка – маленькая Ядзя. – Следом в повозке едет.

– Спасибо. – Она присела, придерживая широкую юбку, не сводя с него любопытного взгляда, и тут же вскочила. – Хозяйке-то сказать надо! Радость какая!

– Я уже вижу, Ядзя, – донеслось сверху.

Он поднял голову и увидел Юлию – та опиралась на перила каменной лестницы. И его тоскливо, невыносимо потянуло обратно в Остланд; туда, где ветер почти начисто вымел его сердце, где холода заморозили его душу и он ощущал себя животным в спячке, без особых чувств и желаний.

Стефан не видел Юлию столько лет – должна она была подурнеть? Да и сам он – разве мало пережил, разве не стал умнее?

Но вот ведь... Он вернулся – и все вернулось.

Юлия была совсем такой, как в его воспоминаниях. Будто время специально сохранило ее для Стефана, чтоб подразнить. Высокая, статная, с гордой прямой спиной, прозрачно-светлой кожей и чуть отрешенным взглядом. Тем, кто не знал о ее происхождении, и в голову бы не пришло, что старый Белта взял жену из низкого рода.

Она спустилась по широкому каменному крыльцу, подошла совсем близко. Прядь темных волос выбилась из ее прически, падая на беззащитную шею.

– Добро пожаловать домой, Стефан, – сказала она тихо. – Мы не ждали вас так рано. Ваш отец гостил у пана Ольховского. Они собирались приехать к вечеру, но я не знаю, доберутся ли они сюда до завтрашнего утра...

– Он здоров? – быстро спросил Стефан.

– Слава Матери... Пойдемте же в дом. Вы, верно, устали и голодны...

Верно.

Очень устал. И очень голоден.

– А как же Марек?

– Еще не приехал. Вы же представляете, какими околицами ему приходится добираться...

Незнакомый Стефану конюх подошел забрать лошадь; дворовые сбегались поприветствовать пана и поглазеть. Он и трети из них не знал. Он поднялся на крыльцо вслед за Юлией и все не мог оторвать глаз от тонкой темной прядки, бьющейся о ее шею.

В доме пахло ландышами, этот запах перебивал другой, к которому Стефан привык с детства, – темного дерева и сухих трав. Он обнялся с постаревшим Дудеком, служившим еще покойному деду Белте; тот молчал и смотрел на Стефана так, будто тот вернулся с того света. На тощих ногах приковылял полуслепой рыжий пес, ткнулся в колени.

– Рудый! Смотри, узнал меня! – Он потрепал пса по холке, тот неловко попытался лизнуть ему руку. Рудый не боялся подходить к нему, даже когда на Стефане не было амулета. – Дождался все-таки...

В комнатах его все осталось как было, но Стефану странно было прикасаться к своим вещам, неудобно – как к вещам умершего.

Когда он спустился к ужину, дом был все так же пуст. Под высоким сводчатым потолком столовой собирались тени. Юлия уже ждала его, стоя у почерневшего от времени камина. Стефан взглянул на ее белые руки, протянутые к огню, длинные пальцы, хрупкие запястья... Отвел взгляд. С портрета на стене черными пронизывающими глазами смотрел Филипп, первый князь Белта.

– Буря разыгралась, – сказала Юлия. Стефану показалось, что ей понадобилось усилие, чтобы повернуться к нему и посмотреть в глаза. – Думаю, вашему отцу лучше бы заночевать в деревне...

Они оказались вдвоем за длинным дубовым столом. Свечи загоняли темноту в углы, пламя их плясало от сильного сквозняка.

– Жаль, что не получилось устроить вам лучшего приема, – сказала Юлия с другого конца стола. Рудый пришел от камина, где грел свои старые бока, посмотрел жалостливо.

– Я просто рад быть дома, – тихо сказал Стефан. – Лучшего приема мне не надо.

– Я тоже очень рада, что вы смогли приехать домой. – В гулкой тишине голос ее прозвучал почти торжественно, церемонно. Несмотря ни на что, церемонности Стефан от нее не ждал, и ему стало не по себе. Вечер за окнами был густо-черный, не похожий на разбавленные сумерки Цесареграда.

– Расскажите мне новости, – попросил Стефан.

– Да что у нас за новости? Поверьте, за годы, что вас не было, немного изменилось. Да и не мне рассказывать вам главное...

Они замолчали. Буря, кажется, унималась, ветер в трубе стenal уже не так протяжно. Старый Дудек прибрел, пошаркивая, подбросил дров в камин, обернулся к Стефану и одобрительно цокнул языком. Ядзя без всякой просьбы принесла тяжелый шершавый кувшин сливовицы и две рюмки. Юлия, как хозяйка, первая подняла свою.

– За ваше возвращение, Стефан, – сказала она мягко и чуть прикрыла глаза, глотая.

Раньше Стефан поморщился бы, осушив рюмку, а то бы и вовсе прослезился. После остландской рябиновки напиток казался не таким крепким – но резкий, искрящийся вкус вдруг вернул Стефана домой. Он новым, потеплевшим взглядом обвел темные стены, портреты в потускневших золоченых рамах, разошедшийся огонь в камине. Рудый у ног пошевелился и твякнул, будто заметил перемену в настроении хозяина.

– Лучше скажите, как ваше здоровье...

– Все хорошо, – ровно ответил Стефан.

– Мы тревожились за вас. Там ведь... никто не знает о вашем недуге, и помочь некому...

Только в его семье могли, пожалуй, называть это проклятие недугом.

– Да, вот еще, – сказала Юлия. – Как только мы узнали, что вы приезжаете, пан Войцеховский попытался напроситься в гости. Уж как ваш отец его ни отваживал...

Стефан помрачнел.

– Пан Войцеховский все так же молодо выглядит?

Юлия быстро посмотрела на него и потянулась поправить свечу.

– Все так же...

Пан Войцеховский, насколько Стефан помнил, ничуть не постарел с тех пор, как пришел к отцу в гости и увидел маленького Стефко.

«Ты и есть старший сын князя Белты?» – Над ним возвышался очень аккуратный и приглаженный человек, с гладкими щеками и волосами, крепко затянутыми в хвост. – А я буду друг твоей матери. Ласло Войцеховский. Ну, приятно познакомиться».

Стефан тогда уже четко подумал, что этот пан матери вовсе не друг. И еще ему было не по себе, потому что он не мог понять, сколько этому человеку лет. Уже потом он услышал, что Войцеховский называет себя принцем крови. Рода он, без сомнения, был высокого, но принц... Стефан тогда не понял; а странный пан скоро уехал.

Но, видно, вовсе Стефана не забыл...

Много же их явится поглядеть на князя Белту. Будто на диковинную зверушку. Ручную зверушку остландского цесаря.

– Пани Агнешка плакала ночью, – сказала Юлия, потупившись. – Ее в последнее время совсем мало видели. Так, бывало, платье мелькнет на верхней галерее... А недавно я после вечерней молитвы из часовни возвращалась... смотрю, она сидит на лестнице, плачет... Я и спросила – мол, горе будет, пани Агнешка? Она не ответила, пропала. А потом всю ночь рыдала – все слуги слышали. Стефан... Вы думаете, все повторится?

– Почему нет, – ответил он жестче, чем хотелось. – Семь лет прошло, мертвых давно оплакали, зато дети их подросли...

– Пора новые гробы сколачивать, – с горечью кивнула Юлия. Оба они замолчали, Стефан подумал, что, возможно, приехал зря.

– Оборотень еще, княжич, – проскрипел от камина старый Дудек. – В деревне порвал уже троих, мужики выходили его искать, да не нашли, охотники лес объездили – как провалился, гнилое семя...

– Ваш отец уже не в том возрасте, чтобы травить оборотней, – сказала Юлия, будто извиняясь.

– Я этим займусь, – сказал Стефан. – Это, в конце концов, и моя обязанность.

Вся его жизнь в Остланде казалась далеким прошлым. А в настоящем было: влажный ночной лес, лихорадочные огни, лай собак и запах охоты в воздухе.

Запах крови.

Они выехали, когда отзвучали над поместьем последние вечерние колокола. Кто-то из крестьян сказал, что видели, будто волк побежал к окраине, к старой церкви. Церковь эту разрушили во время давней войны, а когда собрались отстраивать, на священника упал колокол и убил. Это сочли плохим знаком, ушли в другое место и заложили новую. А в развалинах старой, говорили, водилась нечисть. В темноте от развалин исходил неясный зеленоватый свет. Стефан жестом утихомирил охотников, вслушался, вдыхался в воздух. Раньше собак он понял, что след, пахнувший луной, уводит в лес. Свежий след...

– Вперед! – Ночь ударила в лицо. – Туда пошел, не упусти!

Они гнали оборотня долго, пока не окружили. Ветви на пути ломались с треском. Волк, пометавшись в плотном кольце охотников и псов, оскалился, бросился на ближнюю собаку, разодрал ей горло. И тут же кинулся на охотника, стащив его с коня и подмяв под себя.

– Стреляйте! Стреляйте, сукины дети! – заорал кто-то. Грохотнуло; в волка не попали. Стефан спрыгнул с коня, сжимая в руке нож с посеребренным лезвием, содрал волка с его жертвы; оба покатались по траве. Огромная сизо-бурая туша извивалась под ним, пытаясь высвободиться, зубами волк вцепился в руку Стефана, и тот едва не выпустил нож. Пришлось

перехватить за лезвие. Наконец он сдавил оборотню горло так, что тот уже не мог пошевелиться и только сучил задними лапами. Луна на небе мигнула, и Стефан обнаружил вдруг, что перед ним не волк, а худой и абсолютно голый человек. Желтые глаза смотрели умоляюще.

– Пощади... Ты такой же...

Глаза у него были усталые, отчаянные.

– Одна луна, одна кровь... не убивай...

Вокруг стало тихо. Стефан сказал ему в самое ухо:

– Не вздумай возвращаться в деревню. Узнаю – не пощажу.

И ослабил хватку.

Волк извернулся, вырвался и дернул в чашу. Охотники загикали было, но Стефан жестом остановил их.

– Зачем отпустили?

Он обвел взглядом недоуменные, почти враждебные лица своих людей.

– Он не вернется, – твердым голосом сказал князь Белта. – Вы его больше не увидите.

Поднял глаза к небу, к белой круглолицей луне.

Вот кто тебе мать, а не Добрая Матерь. Молись – не молись...

– Княжич, да он вас поранил!

– Нет, – сказал Стефан. – Я сам случайно схватился за лезвие...

Он крепко сжимал кулак, чтобы никто не увидел на ладони глубокий ожог от серебра.

Глава 2

Отец приехал утром; Стефан сквозь сон услышал его голос и, не придя еще в себя, потерял вдруг ощущение времени и места. Показалось, что он снова юн, никуда не уезжал из дому, а Остланд – так, приснился.

Но отец... он должен быть зол...

Потом Стефан пришел в себя. Обвел взглядом спальню, одновременно родную и непривычную. Ветка старой ивы стучалась о стекло, точно как раньше. Облившее стены солнце уже загустело и потемнело – сколько же он проспал? А казалось, что за эти годы он вовсе отвык поздно вставать...

Звать слуг Стефан не стал. Первым делом он закрыл ставни; свет уж слишком бил в глаза. В Цесареграде, пожалуй, одно хорошо – солнце не докучает, его там вовсе нет...

Оказалось, что время близится к полудню; домашние давно уже позавтракали. Отцовский голос гремел из гостиной. Стефан медленно спускался по выщербленной временем лестнице, против воли замедляя шаги.

Первым, кого он увидел, оказался не отец, а пан Ольховский. Здоровый, добрый детина, он, казалось, ни на йоту не изменился за эти годы.

– Ты погляди только! Стефко! А ну иди сюда, песий сын! Сколько ж я тебя не видел... Погляди, какой красавец!

Он был вешником семьи Белта, но, в отличие от многих колдунов, таинственности на себя не напускал и занятие свое наукой не называл. Стефан до сих пор помнил огромные прозрачные леденцы, которые вешниц доставал для них с братом прямо из воздуха – забыв о запрете Ученого совета.

Только выбравшись из объятий пана Ольховского, Стефан позволил себе посмотреть на отца. Раньше он не сознавал, насколько похож на него, а теперь будто натолкнулся взглядом на зеркало – только кривое. Стефан не помнил отца таким старым. Что-то надломило его, украло остатки сил. Было чему – Марек, которого носит где-то по миру; разграбленная страна; и молодая – слишком молодая – супруга...

Стефан хотел подойти ближе, обнять его – если б только старик сделал к нему хоть один шаг, если бы хоть как-то показал, что рад его видеть. Но отец скрипуче проговорил:

– А, Стефан... Говорят, ты вчера оборотня отпустил...

Он как на стену налетел. Выпрямился – руки по швам, будто перед цесарем.

– Не отпустил, а прогнал, с вашего позволения. – Уж старый Белта должен знать почему. – Я очень рад видеть вас после долгой разлуки, батюшка.

Учтивый кивок. Только что каблуками не щелкнул. А ведь думал, что едет – домой.

– Я беспокоился о вашем здоровье...

– Умирать я пока не собираюсь. Но, похоже, не только тебя взволновали слухи. Некоторые старые друзья решили меня навестить.

Говорить, что не лучшая идея – собирать ополчение в собственном доме, который и так вернули со скрипом... наверное, бесполезно. Впрочем, здесь не столица; там такое не сошло бы им с рук, но в городе отцу появляться запрещено.

Больше сказать оказалось нечего, и в гостиной тяжело замолчали. В высокие окна било солнце, и Стефан смаргивал слезы, пока отец не позвонил – прибежал слуга и задернул шторы.

Пан Ольховский переводил взгляд с отца на сына – видимо, пытался понять, то ли оставить их наедине, то ли, наоборот, задержаться. В конце концов выбрал второе и забросал Стефана вопросами о Державе и цесаре, а потом потащил в конюшню – показывать нового дражанского жеребца.

Юлия стояла в дверях, когда он вернулся.

– Вам так и не дали позавтракать, – сказала она, глядя мимо. Если приподнять рукав на ее левом запястье, там будет тонкий шрам от пореза. От этого воспоминания Стефану стало горько. – Я распоряджусь...

– Не стоит, теперь уж я дождусь обеда.

Юлия не уходила.

– Ваш отец, – она чуть поджала губы, – у него в последнее время приступы хандры, что не так уж странно. Иногда он может показаться чересчур суровым...

Стефан облизнул губы.

– Он... он был суров – с вами?

– Нет. – Она подняла голову, и он встретился глазами с тем решительным, почти мужским взглядом, который ему так нравился. – Нет,нисколько. Я лишь хотела сказать, что если отец показался вам не слишком гостеприимным – повинен в этом не он, а приступ дурного настроения...

– Я знаю, Юленька, знаю. – У девочки еще хватает духу его утешать, как будто не он сорвался от лиха подальше в Остланд, бросив ее наедине со стариком. – Не тревожьтесь об этом.

Она коротко улыбнулась – и охнула:

– Что с рукой, Стефан?

Ожог ныл куда меньше, чем накануне; Стефан успел о нем позабыть.

– Это волк? Мать добрая... Дайте, я посмотрю...

Тонкие прохладные пальцы скользнули по рукаву, по сжатому кулаку. Он не выдержал, отдернул руку.

– Спасибо, не нужно...

Она пожала плечами, поправила шаль и неслышно ушла вглубь дома.

Гости начали съезжаться после обеда, и первым, слава Матери, появился Марек. Он залез во двор на бешеном вороном коне, сам похожий на бродягу из тех, что шляются по дорогам таборами. Соскочил наземь, кинулся к Стефану, обхватил, долго не мог ничего вымолвить, только сопел, как в детстве.

– Марек, Марек... Сколько же лет, где ты был, мерзавец, и весточки от него не дождешься...

– Весточку ему. – Марек отпустил его наконец, счастливо засмеялся; глаза сверкали на загорелом измазанном лице. – В Цесареград? Чтобы тебя тут же обвинили в связи с беглым бунтовщиком? Да и мертвым к тому же! Что они сделали с твоей умной головой, Стефко?

– Отцу-то мог писать и почаще... Как же ты добрался?

Брат был весь в поту и пыли; от него пахло лошадью, дорогой, чужим ветром. Стефан не видел его с того дня, как Марек, шутливо отдав честь, умчался в ставку Войты.

Генерала Войту казнили вместе с остальными.

– Как я только не добирался... – начал Марек, но тут на крыльцо вышел старый Белта, и брат побежал, перескакивая через ступеньки, как совсем ребенком бегал, чтоб уткнуться отцу в колени. Старый князь обнял его и долго прижимал к себе; Стефан заметил, что руки у него трясутся.

Радостные вполосенные слуги натаскали воды, и Марек долго отмывался, а потом пришел к брату – взъерошенный, в штанах и рубашке, оставшихся еще с мирных времен.

– Забавно. – Он вытянул руки: манжеты оказались куда выше запястий. – Я не знал, что все еще расту... Тебе не показалось, Стефко, будто все как-то уменьшилось? Дом, комнаты... все.

– Так всегда бывает, когда возвращаешься из путешествия.

Брат встал у окна, накручивая на палец мокрую прядь – привычка, оставшаяся с детства. Отмытый от пыли, он почему-то выглядел старше. По скудным вестям из дома Стефан знал только, что брат был во Флории, пытался выпросить у короля денег на следующее восстание.

– Я не поблагодарил тебя.

– За что, во имя Матери?

– Я ведь даже не знал сначала, – проговорил Марек. – Не знал, почему всех перевели в Цесареград, а меня оставили... А потом пришлось бежать, так что я... Стефко, как ты это выдержал?

– Поистине ужасная участь. – Стефан откинулся на спинку дивана. – Жить во дворце и танцевать на балах. Учítывая, что на самом деле мое место было на плахе...

– Не городи чушь! Ты поехал туда, к ним, чтоб спасти меня, чтоб... Он же продал тебя, Стефко, просто продал – чтоб имение не отобрали!

– Не смей так об отце! – вскипел Стефан. – Он не просил меня ехать, я сам...

– Конечно, сам. Ты старший, ты всегда все делаешь сам. Как бы я ни любил его... ты сам знаешь, старик к тебе несправедлив.

– Не нужно, Марек, – устало проговорил князь. – Ты ничего не знаешь.

– Я ничего не... – Брат уронил руки. – Да что же это.

– Не нужно.

– Ну почему из всех – именно она... Все, я молчу. Не буду. Вон, смотри, Галаты пожаловали...

Гости всё подъезжали, и к ужину собралась уже целая компания. Стефан с братом, как в детстве, смотрели сверху на въезжающие во двор кареты, благо солнце пошло на убыль. Прибыл хромой генерал Вуйнович, который уже для предыдущего восстания был неприлично стар; Рудольф Бойко, профессор Университета, виршеплет и скандалист; какой-то расфуфыренный юноша, которого Стефан не знал и пытался теперь угадать: кто-то из Марецких? Из Стацинских?

– Что за сброд отец назвал? – подивился Стефан. Марек поглядел недобро.

– Ну да... После блистательного цесареградского общества они, конечно, кажутся тебе сбродом...

– О Матерь милостивая... Я же не о том, Марек! Но, пес вас всех побери... они же не для того сюда съехались, чтоб пожелать отцу доброго здоровья! Вы собираетесь воевать – я правильно понимаю?

– Мы достаточно ждали!

– Значит, вот кто будет поднимать восстание?

– Я понимаю, о чем ты думаешь, – понурился брат. – Но это только те, кто может приехать к отцу, не вызвав больших подозрений. Есть и другие.

Стефан неверяще покачал головой.

– Вы безумцы. Старик выжил из ума, и ты туда же.

– Не горячись, – попросил брат. – Я знал, что ты это скажешь. Но, Стефко, сейчас цесарь не смотрит в нашу сторону, и Шестиугольник за нас! Если промедлить теперь, потом будет поздно!

– Да. – Он поджал губы. – Яворский, я помню, говорил так же. Думаю, о результате напоминать не нужно...

– Ты не понимаешь. Времени у нас ровно до того, как твой цесарь огородит нас Стеной.

Стефан и сам понимал, что после этого о свободной Бялой Гуре придется забыть. Даже если войска флорийца сумеют пробить Стену, у них будет полное право принять княжество за часть Остланда.

– Марек, Марек, – сказал он. – Я шесть лет ходил на цыпочках вокруг Лотаря, чтобы он позволил нам жить спокойно.

– Я знаю. – Брат положил ему руку на плечо. – Я плохо сказал, прости...

Следующую гостью Стефан, наверное, предпочел бы не встречать. Трусом он не был, но смотреть ей в глаза – боялся.

Она приехала верхом, в мужском седле – маленькая, миловидная; с первого взгляда и не поймешь, сколько ей лет, тем более что седые волосы аккуратно уложены в короткую прическу. Когда князь Белта видел ее в последний раз, она еще не взяла за привычку носить мужской костюм. Любую другую посчитали бы на ее месте экстравагантной, но про Барбару Яворскую этого сказать никто не осмеливался. Как Стефан успел понять, она стала так одеваться после гибели воеводы. Между собой неудачливые повстанцы называли ее просто Вдовой.

Тот, с кем Стефан был по-настоящему рад увидеться, приехал уже под самый ужин. В студенчестве они со Станом Кордой дружили и спустили вдвоем целое состояние в кабачке пани Гамулецкой. Потом Стефана сдернуло с учебы восстание, а Стан уехал в Чезарию. Князь Белта переписывался с ним по разрешению цесаря, и тот даже предлагал пригласить Корду в столицу, но они со Стефаном решили: безопасней оставаться от Державы подальше.

А теперь он, значит, вернулся.

– Пойдем, – только успел сказать Стефан, – отец не любит, когда опаздывают к ужину.

Трапеза прошла на удивление мирно. Подали мясо медведя, которого пан Ольховский завалил собственными руками и которого теперь нахваливал на все лады. На «остландского гостя» косились, но пока отделялись общими вопросами – какая-де в Цесареграде погода и что думает Лотарь о войне с Флорией. Общий разговор обтекал Стефана, будто шел на чужом языке; говорили о людях, которых он успел позабыть, и о делах, которых он не знал. Вполуха прислушиваясь к беседе, Стефан вилоккой выбирал темные сгустки крови из медвежатины. Марек с горящими глазами, забывая есть, рассказывал о Флории, где скрывался все это время, – так, что все взгляды обращались к нему и оживлялись, будто им возвращали надежду.

Короли Флории, без сомнения, были людьми разумными. Они давно уже не стремились к войнам; некогда заключив Договор Шестиугольника, они оградили себя от нападков соседей и добились долгого мира, лишь изредка взрывавшегося местными междоусобицами. Но об Остланде в Договоре упомянуто не было, и до недавней поры Флория избегала всяких ссор, молчаливо придерживаясь давней Восточной Конвенции. В Конвенции было сказано, что цесарь может делать что хочет, пока не заходит за Ледено. Оттого, что за Ледено – Чеговина, а она уже прямо граничит с Чезарией.

В первые годы правления Лотаря Держава даже пыталась поправить отношения с Шестиугольником, завести послов и хоть как-то наладить торговлю. Но перемирие недолго длилось; драго, «дражайшие соседи и братья», заявили претензию на Чеговину. Страна, которую так удачно защитила Восточная Конвенция и которая, в отличие от Остланда, спокойно торговала со всеми шестью Углами, за это время успела раздобыть. Стала слишком лакомым куском, чтоб соблюдать договоренности. Драгокраина попросила помощи в «восстановлении законных границ», и Лотарь, как ни отговаривал его Стефан, послал туда «добровольцев». Такое случилось и раньше, но на сей раз Флория не стерпела. И означало это, что у нее есть возможность – не терпеть.

Лет семь назад князь Белта, возможно, сам бы подталкивал цесаря к этой войне. Яворский говорил когда-то: «Там, где большие державы дружат, маленькие страны исчезают».

И в Бялой Гуре, кажется, по сей час так думают...

После обеда они прошли в курительную. Вдова Яворского вытянула трубку, видно оставшуюся от мужа, и устроилась в кресле в углу. Пан Ольховский зачерпнул сухой травы из кисета, втянул носом, мощно чихнул.

Первым заговорил Марек:

– Король Тристан готовится к войне. Он понимает, что война будет не из легких, и ему не улыбается воевать на территории Шестиугольника.

– И поэтому он хочет воевать на нашей?

– Нет, почему? – очень спокойно возразил Марек. – Флория выступит скоро и пойдет на Драгокраину.

– Отчего ты так уверен?

На Стефана посмотрели.

– Я говорил с советниками короля Тристана. Видишь, – он улыбнулся, – меня тоже принимают при дворе!

– В качестве кого? – тихо спросил Стефан.

– В качестве командующего белогорскими полками во Флории, – отчеканил старый Белта.

Стефан покачал головой. Марек глянул на него виновато и продолжил:

– Пока цесарь будет воевать там, мы можем попытаться освободить Бялу Гуру. Но единственных наших сил не хватит, надо, чтоб поднялось все княжество!

– Поднимется! – выкрикнул Бойко. Вдова Яворская чуть заметно поморщилась.

– Поднимется, – кивнул Стефан, – и вы утопите Бялу Гуру в крови. И дадите цесарю хороший повод решить белогорский вопрос в манере его покойной матери...

Цесарина нашла верный способ утихомирить свои колонии: отнимать имения у восставших и отдавать своим любимцам. Еще пара-тройка бунтов – и белогорских владений здесь вообще не останется.

– Ты совсем в нас не веришь, Стефко.

– Сколько у тебя войска, командующий? – жестко спросил князь Белта. В Остланде, конечно, знали о том, что во Флории собирают белогорское войско, но того, что руководит им Марек, ему бы и во сне не привиделось. Стефан представлял себе, что это за полки: калеки, недобитые воины Яворского, юнцы, сбежавшие на Шестиугольник искать приключений... Паноптикум, а не армия.

– Три легиона. Почти семь тысяч.

– Семь тысяч? В Цесареграде в охране дворца и то занято больше. – Положим, он преувеличивает. Ненамного.

– Кажется, князь Белта, Держава произвела на вас большое впечатление. И научила страху.

– Это нормально – бояться за свою отчизну, особенно после всего, что она уже пережила...

– Вы до сих пор думаете, что освобождения Бялой Гуры можно добиться мирным путем? Или вы настолько верите вашему другу цесарю...

Вашему другу цесарю.

А ведь когда-то он в самом деле верил, что они друзья.

* * *

Стефан вспомнил тот весенний вечер – мрачный, как обычно в Цесареграде, – душную бальную залу, коптящие свечи. Молодой княжич Белта тогда только приехал ко двору, и придворные шарахались от него: им при взгляде на Стефана мерещились залитые кровью поля и сожженные деревни. А самому Стефану больше всего хотелось вцепиться кому-нибудь в горло.

Он укрылся в глубине зала и думал, будет ли совсем неприлично, если он так и простоит до конца бала. Цесарина, уже слишком старая, чтобы танцевать, все равно не пропускала ни одного бала. Сидела, благосклонно поглядывая на танцующих, переговаривалась вполголоса со стоящими у трона придворными – в два-три раза ее моложе. Идущий от грузного тела запах пота, смешанный с запахом лавандовой воды, казалось, пропитал весь зал. Раскрашенная, напомаженная, она могла бы показаться забавной, но Стефан не обманывался: бешеные псы, которые рвали в клочья его страну, лежали теперь у ее ног.

В тот день цесарина отыскала свой излюбленный предмет для насмешек – собственного сына. Наследник краснел и сжимал кулаки; двор услужливо смеялся. Только Стефан, забывшись, смотрел на нескладного молодого человека с сочувствием.

– А что это князю Белте не смешно? – За ней и весь двор принялся именовать Стефана «князем», так, будто отца вовсе не существовало.

Следовало промолчать, но он не сдержался:

– Я не так давно имел честь быть приглашенным к вашему двору, ваше величество. Я еще плохо знаю язык и не понимаю ваших шуток...

Цесарина нахмурилась, но произнесла с натужной улыбкой:

– Простим князя. Он только прибыл из провинции, а у провинциалов другой юмор.

Снова смех. Теперь был черед Стефана краснеть и сжимать кулаки.

В их первую встречу, тогда, в коридоре, – Стефан посчитал ее случайной – наследник отчитал его злым шепотом:

– Зачем вы вмешались, Белта? От ее насмешек страдаю только я, а вздумай она разозлиться на вас, мигом пошлет десяток ваших соотечественников куда похолоднее. Вы этого хотите?

– Вы беспокоитесь о моих соотечественниках, ваше высочество? Но ведь они ваши враги...

– Враги моей матери, – уточнил Лотарь. – А мне их жаль, потому что я хорошо представляю, каково им...

Тут в коридор вышел один из наставников молодого цесаря, и разговор прервался. За Лотарем все время кто-то ходил: то приставленные матушкой учителя, то охранники. Жил он в Левом крыле дворца, подальше от покоев цесарины. Говорили, что Левое крыло раньше использовалось для высокородных пленников – так что по справедливости его полагалось бы занимать Стефану. Но князь Белта подчас чувствовал себя куда вольнее наследника. Ему разрешалось покидать дворец, когда он был свободен от обязанностей; наследнику же на каждую отлучку требовалось разрешение матери. Никому это не казалось странным: цесарина приучила двор говорить, что Лотарь – ничемная душа, слабак, весь в отца. Отец его и в самом деле был слаб – по меньшей мере, женитьбы он не пережил.

Друзья наследника на первый, да и на второй взгляд выглядели бездельниками и пустозвонами. Видимо, только таким цесарина и позволяла сблизиться с сыном. А может, не друзья то были вовсе, а соглядатаи...

С той встречи они стали чаще видеться. Всякий раз, как им случалось оказаться вместе на приеме, Лотарь сбегал от вечных своих «наставников», чтобы перемолвиться со Стефаном хоть парой слов. Если мать не видела, беседы выходили и подольше. Стефан понимал, что наследника просто тянет рассмотреть чужеземную диковинку, но в конце концов и сам начал ждать этих встреч.

Как-то раз Лотарь пригласил князя Белту прокатиться с ним по парку.

– Матушка сегодня в настроении! – объявил он, лучась от радости. – Поглядите, какого коня она мне прислала!

Белоснежный тонконогий конь и впрямь был красавцем. Время от времени у цесарины просыпалось материнское чувство, которое она спешила заглушить подарками.

– Она сказала – отчего бы не проехаться с твоим новым другом!

Да ведь он ее любит, подумал тогда Стефан. Любит, что бы она с ним ни делала...

Едва они оказались в цесарском парке, Лотарь дал шпор коню, и они скакали галопом, пока не ушли от охраны.

– Матушке не нравится, когда я уезжаю один, – сказал он, раскрасневшись от быстрой езды. – Но ведь теперь я не один, а с вами.

Стефан не стал говорить, что вряд ли является надежной компанией в глазах его матери.

Парк был большим, мокрым, мрачным. Здесь, в окрестностях Цесареграда, дождь размывал сезоны, туман разъедал – и не поймешь, лето или зима на дворе, все одинаково серое. Они ехали медленно, говоря о пустяках; потом Лотарь стал расспрашивать о семье Стефана, о доме. А потом – как с места в карьер:

– Я бы так хотел все изменить, Стефан. Не только мое положение, хоть оно и жалко. Я хочу изменить жизнь моей страны. Матушка желает, чтоб мы наводили страх на соседей, но мы же и сами себя боимся...

Он прижал воротник у тощего горла.

– Иногда я гляжу на то, как она обращается с людьми, и мне страшно, Белта, мне страшно... И ведь это не ее вина, это абсолютная власть отравляет каждого, кто поднимается на трон. Они не понимают, что это не будет длиться вечно. Вы знаете, что такое свобода, – вот вы и восстали. Наш народ свободы уже не помнит, но когда ему надоест терпеть... Это будет страшнее любого бунта.

– Что же вы хотели бы изменить, ваше высочество? – осторожно спросил Стефан.

– Первое, что я желал бы сделать, – ограничить власть цесаря над страной.

– Вашу собственную власть? – не поверил Стефан.

Лотарь зябко повел плечами.

– Мою в первую очередь. Я не хочу стать похожим на матушку... и на покойного отца. Насмотрелся, благодарим покорно.

Князь Белта ушам своим не верил. Или наследник решил таким образом его проверить – явно по наущению матери, иначе с чего бы ей разрешать сыну прогулку с «новым другом»? Но что тут проверять, кто может не понимать воззрений бывшего порученца Яворского? Да они не станут яснее, даже подведи он пушку к дворцовым воротам, распевая «Не погаснет свет на Белой Горе». Или же... цесарина вырастила у себя под боком тихого ясноглазого революционера. И тогда неудивительно, что Лотарь ищет дружбы с белогорским заложником – он, наверное, единственный при дворе точно не доложит матушке...

– Значит, когда вы придете к власти, нас ждут большие реформы, ваше высочество?

Тот хихикнул, и у Стефана снова возникло ощущение, будто он чего-то не знает.

– Мне нравится это «когда» в ваших устах, князь.

Да ведь он всерьез уверен, что мать не пустит его на трон, заморит раньше...

Кого ты жалеешь, Стефко, опомнись.

– Я бы хотел, – Лотарь теперь глядел в горизонт, будто сама мечта давала ему сил смотреть прямо, – я бы хотел реформ... в том числе и в делах вашей страны, князь. И Белогория, и Эйреанна, и Саравия вполне могут существовать на условиях домашнего правления – под нашим протекторатом. Нет нужды выбирать такой... разрушительный образ властвования.

При словах «домашнее правление» и «протекторат» князь Белта наострил уши и едва не сделал стойку наподобие охотничьего пса. Брось, сказал он себе, это всего лишь юношеские мечты, и потом, мальчишка и впрямь может не дожить до трона...

Но если есть хоть малейший шанс, что Лотарь, надев корону, решит воплотить мечты в жизнь – значит, надо, чтоб он ее надел.

– Расскажите о восстании, – ни с того ни с сего попросил Лотарь.

– Полно, уместно ли нам говорить на эту тему?

Но в конце концов под жадным взглядом наследника он рассказал и о восстании, и о многом другом – сперва тщательно подбирая слова, потом – менее тщательно.

Неделю спустя после той прогулки цесарина уехала с высоким визитом, а сына с собой не взяла. Это было благословенное время; в отсутствие матери за наследником не так следили, и им случалось просидеть за разговорами за полночь.

Странно было здесь, в чужой стране, найти дружбу, какой ее принято описывать, – искреннюю привязанность к человеку, основанную не на застарелой скуке и не на памяти о совместных боях, а на том почти детском, ненасытном любопытстве к другому, которое только избранные могут в нас пробудить.

Даже и в запое этой дружбы Стефан понимал, что строят они, скорее всего, воздушные замки, – но в его положении и такие замки лучше, чем ничего.

Он таскал наследнику запрещенные книги, которые получал через Назари. Как-то раз, принимая очередной трактат, Лотарь засмеялся:

– Вот будет курьез, если маменька увидит...

– Что же она сделает? – спросил Стефан будто бы шутливо – хотя шутить тут было не над чем.

– Ну... Надеюсь, вы позаботились о теплой одежде? На Ссылных хуторах бывает холодно...

– Пара фуфаек должна найтись, ваше высочество... А вы? Что она сделает с вами?

– Отправит в приют святого Лотаря, моего покровителя, – хмыкнул наследник, и веселье в комнате вмиг погасло. Он казался совсем маленьким, съезжившимся в кресле. – Она давно говорит, что мне следует поправить здоровье... Приют святого Лотаря как раз находится на море, морской воздух помогает при грудных болезнях... Я не вернусь оттуда, Стефан.

С этого дня он больше не носил наследнику книг, предпочитая пересказывать на словах.

Он не спрашивал Лотаря, отчего мать так сурова с ним: знал, что дворцовая молва рано или поздно донесет все, что нужно. Так и вышло: кто-то проговорился, что при рождении Лотаря астролог предрек цесарине гибель от руки собственного сына. Звездам правительница верила.

Скоро она вернулась во дворец. Какое-то время она не обращала на странную дружбу внимания, но теперь удостоила ее взглядом – и насупила брови.

– Может быть, нам не стоит так часто появляться вместе? – озаботился Стефан. – Уже пошли пересуды.

– Вот и вы ее испугались, – с горечью сказал Лотарь. – А я-то думал...

Выглядел он в последнее время совсем больным, бледным, даже глаза будто выцвели. Однажды Лотарь похвастался, что один из наставников подарил ему книгу о ядах; и теперь, случись что, он точно будет знать, чем отравлен.

– Ваше высочество, мне чего бояться? Не я завел дружбу с бывшим бунтовщиком и врагом Остланда...

Наследник улыбнулся – так светло, так... по-королевски.

– Ну мне вы не враг, верно? И я полагаю, что в моем возрасте могу сам выбирать друзей...

Стефан только плечами пожал. Наследнику и впрямь было одиноко; жена его, дочь дражанского господаря, сдружилась со свекровью и золовкой и все свое время проводила рядом с ними – понимала, что из Лотаря плохой покровитель. Оставалась лишь «золотая молодежь» – но как будешь дружить с тем, кто в любой момент может донести?

Он все же не зря боялся. Для начала их просто развели по разным углам замка. Стефан оказался под домашним арестом, как сразу по приезде. Ссылка ему вряд ли грозила – заложника должны были держать поближе к трону. А вот оказаться в крепости, где он не сможет более дурно влиять на наследника, князь Белта мог вполне.

Но никаких более серьезных мер цесарина принять не успела. Она скончалась глубокой ночью, вернувшись в свои покои после бала.

Стефан той ночью сидел у себя, радуясь, что не нужно никуда идти. Читал выпрошенный у графа Назари флорийский роман, время от времени бросал взгляды за окно – вышла масляная, несвежая луна. И удивился, когда в дверь постучали и перепуганный Лотарев слуга доложил, что господин требует князя к себе.

Выходить запрещалось; но слуга был бледен и запыхался от бега по коридорам, и Стефан сразу подумал о худшем.

Впрочем, до Левого крыла они добрались без препятствий. Ночь вдруг вспыхнула пожаром, занялась тревогой. Всполошенные придворные дамы бегали по коридору без всякой цели, просто унимая панику; один за другим зажигались факелы. В общей суматохе Стефана никто не заметил; только у самых покоев наследника охрана пыталась заступить путь – но слуга что-то им шепнул, и гвардейцы опустили алебарды.

Лотарь явно не ложился, лицо его было осунувшимся и сосредоточенным, и Стефан, всю дорогу думавший о книге ядов, понял, что не ошибся.

– Как хорошо, что вы здесь, Белта, – сказал он. – Не дело это – разводить нас по углам, как детей. Мы уже вышли из этого возраста.

Он отошел к столу, сел, забарабанил пальцами по бумагам. На самой верхней стояла размашистая подпись цесарины.

– Выпейте со мной, Белта. Уж вы-то теперь должны выпить...

Стефан никогда не думал, что сможет испытывать такую открытую мстительную радость из-за смерти человека. Не думал, что будет почти восхищаться матереубийцей. Но сейчас он испытывал лишь темное торжество, будто все, что он не давал себе здесь не только высказать – почувствовать, – собралось, выплеснулось на поверхность души.

– Она танцевала, – сказал цесарь дрогнувшим голосом. – В ее возрасте... глупо. Нельзя танцевать.

Стефан заметил наконец его остановившийся взгляд, дрожащие руки, рассеянно трогающие то один предмет, то другой, словно желая убедиться в их реальности.

Князь Белта подлил ему в бокал рябиновки, прищурился, чтобы увидеть, что именно написано в бумагах.

– Она сказала, что мне нужно поправить здоровье, – чуть извиняющимся тоном объяснил Лотарь. Собственно, в указе об этом и говорилось: «Сейчас же покинуть Цесареград и удалиться для поправки здоровья в приют святого Лотаря...»

В этот момент Левое крыло ожило, зазвучало. Стук каблуков, возбужденные голоса.

– Ваше... высочество, на вашем месте я бы немедленно сжег эти бумаги, – сказал Стефан. Он чувствовал себя странно – при чужом дворе вдруг оказаться заговорщиком. Новоиспеченный цесарь Остландский его, казалось, не слышал вовсе.

– Я сказал ей, Белта, – проговорил он с призрачной улыбкой, – я сказал: страх погубит вас, матушка, а не я... Так ведь и оказалось.

Выходит, они виделись наедине. Какие-то остатки материнского чувства заставили ее самой сообщить Лотарю об изгнании, а не передавать через слуг или, хуже, объявить при всем дворце. Они виделись наедине, последняя аудиенция, мать и сын – и золотые решетки дворца вокруг. У наследника был только один шанс, и он им воспользовался... Или не он сам? Вряд ли цесарина стала бы брать питье из его рук. Кто-нибудь из слуг, из тех, кому грозило сопровождать Лотаря в ссылку...

– Ваше... величество! – Левое крыло ожило – впервые за столько лет, и жизнь подступила вплотную к дверям. Сам себе удивляясь, Стефан схватил со стола указ, изорвал и бросил в камин. Цесарь только проводил его глазами. Стефан отошел от камина и встал у кресла Лотаря.

Через несколько мгновений в дверь постучали. На пороге стояло несколько придворных, все приближенные... видимо, теперь уже покойной. За ними – дрожат, мечутся пятна факелов...

– Ваше... – начал один из них, скользнув взглядом по камзолу Лотаря, и замялся, не зная, как обращаться. – Ваше высочество... Мы пришли к вам, чтобы сообщить...

– Не трудитесь, – чужим, постаревшим голосом произнес Лотарь. – Она умерла, я знаю.

– Откуда же?

«Матерь добрая, да что ж он делает?»

Кажется, и Лотарь унаследовал семейное безумие, и вот теперь оно проявляется.

– Как же, ваше высочество? Откуда? – настойчиво спросил придворный – высокий, широкоплечий, он был в числе тех, кого цесарина держала близко к постели.

Они просочились по одному в кабинет. Их много, и все вооружены, а его цесарь сейчас и шпаги не удержит...

Кажется, он тогда в первый раз подумал о Лотаре как о «своем цесаре».

Весь этот люд был чрезвычайно встревожен, возмущен, а Лотаря по наущению матушки не любили. Сейчас вспомнят, что у наследника есть сестра, а цесарина всегда мечтала о «бабьей власти».

– Я позволил себе сообщить государю, что его мать при смерти, – сказал Стефан, осторожно становясь между Лотарем и вошедшими. – Меня позвали доложить о том, что творится во дворце, и, к сожалению, я не мог скрывать правду...

– В-вы?

– Так ли важно, кто оказался вестником? – все тот же чужой голос из-за спины. – Скажите скорее, ошибся ли князь Белта, могу ли я надеяться...

В тишине слышно было, как огонь догрызает обрывки указа.

– Нет, – тяжело сказал высокий. – Ваше величество, ваша мать только что скончалась.

Потом Стефан не раз думал, что никогда не узнает наверняка – сделал ли Лотарь то, что было предсказано. Или не было никакого яда, а был обыкновенный страх, та самая ледяная рука, что схватила за сердце – и остановила... Так или иначе, чудом было, что Лотарю удалось справиться с ней в одиночку.

Произвол, насколько успел заметить Белта, в стране царил страшный. Те порядки, которые цесарина завела в поверженной Бялой Гуре, оказалось, были лишь отражением бесчинств, которые она творила на родине. Однако никто не смел выступить против: со своими врагами остландские цесари расправлялись без жалости, не давая им собраться и стать единой силой. Что до народа, тот по большинству своему любил ее: вместе с голодом, полной закрытостью от мира и постоянным страхом она подарила им ощущение собственного величия и превосходства.

Когда ее сын поднялся на трон, все не поменялось – сокрушилось. Чувствуя себя пленником, вышедшим из темницы, Лотарь отворил темницы и для других. Он снова открыл запрещенные еще до цесарины Академии; погнал с постов заостеневших советников и набрал новых. Это было похоже на штормовую весну, которая в одночасье топит снег, взламывает лед и пробуждает деревья.

Тогда он и предложил Стефану пост советника по иностранным делам.

– Разумеется, нам есть кому доверить эту должность. Но, как ни смешно, вы единственный здесь, кто видел дальше Стены. Нам понадобится договариваться с другими державами, понадобится... вы.

Князь Белта, после того как его цесарь выпустил из крепости белогорских мятежников, на многое был готов ради друга. Но от такого назначения он потерял дар речи.

– Государь, – сказал он, когда вновь обрел способность говорить, – вы же представляете себе, как я буду исполнять свои обязанности...

– Мы знаем, – благосклонно кивнул Лотарь. «Мы» ему шло. – Именно потому, что мы знаем, чего от вас ожидать, мы и желаем вас видеть на этом посту.

В светлых глазах цесаря появилась лукавинка, и Стефану пришлось напомнить себе, что этот мальчишка куда умнее, чем приучился казаться.

– К тому же, – сказал мальчишка, – вам будет удобно вести переговоры с нашими... недавно присоединенными территориями.

Первое время в новой должности Стефан был будто в тумане, только и мог думать о том, как вычурны бывают пути судьбы. Потом пришел в себя, взялся за перо и стал потихоньку составлять прожект «домашнего правления» для Бялой Гуры.

А теперь Лотарь, кажется, и думать забыл о том прожекте... Дело не в неискренности; в начале своего правления цесарь действительно хотел сделать как лучше. Но в этой стране у людей, которые пытаются делать как лучше, получается как всегда...

* * *

– Все монархи одинаково достойны доверия там, где речь идет о нашем княжестве. – Стефан ждал: может, отец вмешается. Но тот молчал, только глядел вороньими глазами из-под густых бровей.

– Все-таки очень интересно, как князю удалось занять в Державе такое выгодное положение... – Бойко поскреб острую рыжую бородку. Как казалось Стефану, из студенческого возраста он так и не вышел.

– Очень выгодное, – кивнул Стефан, – особенно когда мне приходится умолять цесаря не закрывать Университет только из-за того, что студизосусы... что-то написали на стене. Очевидно, там считают, что неприличные вирши – лучший способ борьбы за свободу...

Глаза Бойко полыхнули желтым, как у кота.

– Любая борьба праведна, а перо подчас бывает острее меча!

– Вам ли не знать, – сунулся один из гостей, – вы всю жизнь только пером и сражались!

А вот это было вовсе не к месту. Бойко пошел рыжими пятнами, в цвет бородке, схватился за саблю.

– Дети, – мелодично проговорила вдова Яворского, – не ссорьтесь.

Стефан удержал улыбку.

– Неважно, как мне удалось занять такую позицию. Важно, что благодаря ей я смог доказать цесарю, что Белогории необходимо самоуправление. Я работал над прожектом, который позволил бы нам иметь собственный Совет, когда все наши дела не будут более проходить через Остланд и Бяла Гура станет более-менее независимой...

– Скорее менее, чем более, верно? – резко сказал Марек. – Стефко, как ты себе это представляешь? Кому позволят войти в этот Совет? Остландским ставленникам, продажным насквозь? Ты такого правительства хочешь для своей страны?

«Вот так. Оказывается, мой брат – фанатик. А я не знал...»

– Не перебивай, – тихо, но четко велел старый Белта.

– Простите, господа, Стефан прав. – Слава Матери, Корда по-прежнему на его стороне. – Такое «домашнее правление», иначе автономия, позволит прежде всего избавиться от державных наместников. Иначе нам будет... очень сложно действовать.

Вошла Ядзя, принесла поднос с вином и настойкой, зажгла еще свечей. За окнами кончился вечер, глухая ночь охватила имение – а никто и не заметил.

– Все это правда... – проскрипел генерал Вуйнович. – Однако я лично сомневаюсь не в идее, а в мотиве... Уж не потому ли князь Белта так настаивает на самоуправлении, что сам хочет стать наместником? Думаю, это более чем вероятно, учитывая особое расположение к нему цесаря. Да и править он будет в согласии с принципами Державы, у него было много времени, чтобы их освоить...

Раздражение начинало колотиться в висках. Горло вмиг пересохло. Это плохо, очень плохо – это предвестники приступа.

– Это не являлось моей целью, – терпеливо сказал Стефан.

Нельзя злиться. Они его соотечественники, те, кто сполна расплатился за неудачный мятеж, пока сам он посещал театры и приемы.

Но в глазах уже мутилось, и виделась ему не люди – виделась добыча. Ему стало жарко, он почти слышал, как в жилах тех, кто рядом, бьется кровь: протяни руку – и ощутишь ее пальцами, за такой непрочной перегородкой из плоти и кожи... Он глубоко вдохнул, жалея, что оставил бутылку с эликсиром в спальне.

– Мне душно, – проговорила Вдова. – От ваших споров тут стало жарко, мне нужно на воздух... Стефан, проводите меня.

Он не без труда поднялся, позволил ей опереться на свою руку, думая, как забавно будет, если сам он сейчас лишится чувств... или, что хуже, вцепится Вдове в горло, что твой оборотень...

Но стоило им выйти за дверь, как стало легче. Стефан несколько раз глубоко вдохнул, и жажда стала переносимой. Спокойная темнота обволокла двор, оставив лишь бляшки отраженного света на камнях. Сладкий свежий ветер обдувал лицо.

Да что ж это такое? Отчего приступы стали такими частыми? Спасибо Доброй Матери, еще никто не заметил...

– Вам не стоит принимать это так близко к сердцу, – сказала Яворская. – Все это от зависти, князь...

– Зависти? – Он криво улыбнулся. Хотя... разве его положению действительно нельзя позавидовать? Светло, тепло, у самого цесаря за пазухой...

– Вы на своем посту можете что-то делать для Бялой Гуры. И делаете. А мы... – Яворская махнула рукой и снова вытянула трубку. – Большинство из нас только ухаживает за могилами да грозит небу кулаком. Вы не представляете, как изводит бессилие.

Изводит, и потому даже безнадежное восстание лучше, чем никакого. Только оно ни к чему не приведет – разве что станет больше могил, за которыми надо смотреть. Но ей он этого сказать не мог.

Если бы он не поверил тогда Яворскому. Если б не подчинился приказу... Но Стефан не понял. Юный, дурной порученец – ведь мчался как оглашенный, коня загнал, верил, что добудет для своего воеводы оружие и подмогу... Не понял, что его просто пожалели.

– Я ничем не смог помочь Бялой Гуре, – проговорил он медленно. – Цесарь не подпишет этот указ. Держава не сегодня завтра ввяжется в войну, я не смогу его остановить, он уже не слушает меня – если когда-то слушал по-настоящему. А мы...

– Я не буду указывать вам на ваши заслуги. Я скажу вам только: Ян знал, что делал. И если вам до сих пор... нужно его прощение, вы можете получить его – от меня.

Где-то залаяли собаки. Из гостиной донесся взрыв возмущенных голосов, потом снова все затихло. Вдова вдруг надрывно закашлялась.

– Знаете, я стала курить, когда он погиб. Курить, принимать заговорщиков, носить мужское платье... Мне кажется, я живу сейчас за двоих. Понимаете? Это тяжело. И когда я думаю, что кто-то еще несет этот груз, мне становится легче...

На Стефана нашло ощущение неизбежного. Что бы он ни сделал, он не изменит этой давней жажды крови – куда сильнее, чем его собственная... Они считают, что достаточно опомнились, чтобы мстить.

Маленькая шершавая ладонь легла на его рукав.

– Ну что, отдышались, пойдём обратно?

Стефан сглотнул комок в горле, позволил себе накрыть рукой холодные пальцы.

– Разумеется, пойдёмте, вы замерзли...

Луна совсем разбухла, залила двор призрачным сероватым светом. Гостей развели по комнатам, уложили; умолкло все, даже вечно лающие собаки. Похоже, во всем доме только Стефану не спалось.

Нет, не только.

– Посмотри, какая ночь! – Марек подошел, обнял его за плечи. Стефан высвободился. – Хорошо. Я должен был сказать раньше...

– Зачем же. Я ведь могу разболтать моему другу цесарю...

– Ради Матери. Ну что, мне нужно было с порога кричать – здравствуй, я командант?

– Кто будет командовать, если тебя пристрелят по дороге домой?

– Не пристрелят. Ну, Стефко... Полно, не сердись. Я думал, отец тебе объяснил...

– Толку на тебя сердиться, – вздохнул Белта. – А отец объяснить не мог, все письма, что проходят через Стену, вскрываются...

Марек повеселел.

– Эти идиоты! Как будто они не знают, что ты за Бялу Гуру душу продашь! Пес бы их взял! Я-то знаю, что ты с нами... Ведь с нами, Стефко?

С кем же еще?

Ему даже не понадобится ничего делать – просто с чуть меньшим рвением убеждать Лотаря не вступать в войну. А хоть и с тем же жаром – цесарь все равно уже не слушает.

– Нет, все-таки не бывает во Флории таких ночей. И в Остланде не бывает, уж наверняка, да, брат? Мы с Ядзей уговорились на лодке кататься, поехали с нами. Видел, какая она стала?

– Я-то видел... Оставь ее, Марек. Заморочишь девушке голову и уедешь... командант. А ей куда потом?

– Да я ж не за тем... Ну поедём! Ты все равно не спишь и спать не будешь, я тебя знаю!

– Да зачем вам в лодке третий?

– Стефан! – Брат из жизнерадостного юнца снова превратился в того взрослого, жесткого человека, которого он видел утром. Такой вполне может вести легионы. – Я не видел тебя семь лет. И скоро нам опять расставаться, и тогда...

– Ну хорошо. Я иду. Ступай за Ядзей. Учти, выдерет тебя управляющий – я вмешиваться не буду...

Он снова застыл, глядя в небо; потом спохватился, решил, что для катания лучше бы захватить плащи – на лодке они рискуют вымокнуть, а ветер еще весенний, стылый.

– Прекрасная сегодня луна, не правда ли, – раздалось за спиной. – В такие ночи и понимаешь, зачем живешь...

Князь Белта обернулся. Невдалеке – но так, что рассмотреть его четко не получалось, – стоял высокий стройный человек с волосами, тщательно уложенными в хвост.

Пан Войцеховский все же пожаловал.

Глава 3

Первое чувство, которое Стефан испытал при виде Войцеховского, было сродни той болезненной неловкости, с которой, он знал, смирившиеся и освоившиеся белогорцы в Остланде встречали своих соотечественников. Вместе с досадой и подспудным раскаянием – странное ощущение родства.

Они мне не родня, напомнил себе Стефан. И рука его против воли потянулась к образку Доброй Матери на груди.

Войцеховский выступил из темноты в желтоватое пятно света.

– Я не слышал вашей кареты, – проговорил Стефан. – Когда вы приехали?

– Вы были слишком погружены в свои мысли... – Он улыбнулся. Его бледное лицо слегка сияло, будто отражало лунный свет. – Я не останусь надолго. Ваш отец вряд ли пригласит меня в дом. Но мне необходимо было увидеть вас, князь Белта.

– Чем же я заслужил такое внимание? – тихо спросил Стефан. В этот момент на дорожку перед ними выбежали, приглушенно смеясь, Марек и Ядзя. Ну дети и дети, какие там войска... Брат увидел гостя и оборвал смех, выпрямился, взглянул вопросительно.

– Захватите плащи, – велел Стефан. – Я потом вас догоню.

Брат не двигался. Застыл, сжимая плечо Ядзи, переводил взгляд со Стефана на Войцеховского и обратно.

– Марек, – сказал Белта, – иди.

В конце концов тот послушался; кроны деревьев шелестнули над головами, замолчали.

– Поверьте, мне неловко отбирать у вас время, которое должно быть отдано семье... Но видите ли, я тоже в некотором роде ваш родственник.

Он глядел на Стефана со странной мягкостью, будто тот все еще был ребенком в бархатном костюмчике.

– Я был братом вашей матери, – сказал он.

Сердце екнуло, будто в предчувствии близкой беды.

– Вы, должно быть, ошиблись, – сухо сказал Белта. – У моей покойной матери не было братьев.

– Я говорю не о ней, – с той же мягкостью возразил Войцеховский. – Не о Катажине из Маковецких. Я говорю о вашей настоящей матери, Беате.

Стефан невольно отступил на полшага. Что ж, отец, если ты считал, что секрет хранится надежно...

– Я всегда знал, – просто сказал Войцеховский. Будто услышал его мысли. – К сожалению, я не смог присутствовать ни на свадьбе, ни на именовании – по причинам, которые, полагаю, не нужно вам объяснять...

Луну заволкло, из сердца ночи дохнуло резким, могильным холодом. Стефан хотел было позвать гостя в дом – и спохватился. Впрочем, этот наверняка не мерзнет...

– Может быть, покажете мне окрестности? – предложил Войцеховский, заметив его неловкость. Стефан кивнул и побрел меж деревьев к реке, увлекая спутника за собой.

– Я не знал, что... что у нее были братья. – Глупо, но что прикажете говорить?

– Не в том смысле, что вы понимаете, но общая кровь роднит нас всех. Вам ли рассказывать о силе крови... И у вас, князь Белта, куда больше братьев и сестер, чем вы можете предположить...

– Я не один из вас, – резко сказал Стефан.

– Вы так полагаете. – Речь «родственника» сделалась размеренной, менторской; вот-вот добавит: «сын мой». – Конечно, в Остланде вы были, насколько возможно, отгорожены от...

всего этого. Так же как и от менее приятных знакомств. Но вы зря думаете, что можете отгораживаться вечно.

Угрозы в его голосе не было, только сочувствие.

– Вам ведь где-то двадцать семь сейчас? – спросил он между прочим. – Тогда вам должно быть все труднее справляться с приступами. И все мучительнее находиться на солнце... Поверьте, будет только хуже...

– Как вы... Откуда вы знаете?

– Вы тоже должны это знать. – Войцеховский остановился, прислонился спиной к стволу старого вяза. – Приближается возраст, в котором была инициирована ваша мать.

Стефан вздрогнул. Только сейчас до него по-настоящему дошло, что он говорит с нечистой. Лицо у Войцеховского было непривычно четким.

– Что же, вы теперь и меня хотите... инициировать?

– Я хотел лишь, чтоб вы знали: есть люди, которым ваша судьба небезразлична. И которые с удовольствием примут вас в свой круг, стоит вам только захотеть, княжич Белта.

– Я благодарен за заботу, пан Войцеховский, но, боюсь, вы... не за того меня принимаете. Вряд ли я могу быть причислен к вашему кругу.

Они вышли к речке. Берег полого спускался к воде, и у самой кромки Стефан разглядел поросший мхом камень, на котором любил сидеть, когда был маленьким. Плакучие ивы волокли растрепанные ветви по воде.

– Кто сделал это с моей матерью? – спросил он наконец.

– Кто посвятил ее?

– При всем уважении, это вряд ли имеет отношение к святости.

– Так ли важно, как это называть? Что важнее... если тот, кто рожден от создания ночи и человека, не проходит вовремя посвящения, он скоро умирает. Гниет заживо. Сгорает на солнце. Это закон, княжич Белта. Подумайте об этом.

Спине стало холодно, поползли первые утренние сквозняки.

– Мне, пожалуй, пора. – Войцеховский широко, совершенно по-человечески зевнул. – В Остланд таким, как я, попасть трудно, нужно, чтобы кто-нибудь пригласил за Стену. – Бело-снежная рука с острыми ногтями легла Стефану на предплечье. – Но, пока я здесь, я полностью к вашим услугам... Только одного прошу: отнеситесь серьезно к тому, что я сказал.

С этими словами он крутанулся вокруг себя, взмыл в воздух и прямо у Стефана на глазах распался на сонм летучих мышей. Мыши, крича и кружась, набрали высоту и пропали вовсе.

С реки доносился скрип весел, мерное всхлипывание воды и старинная песня про князя, променявшего владения на чьи-то черны очи.

«Перебудит всю округу», – машинально подумал Стефан – сам будто пробудившись ото сна. Он вспомнил, что хотел взять плащ, но домой не пошел, а свернул в часовню. Опустился на колени, осенил себя знаком, начал было молиться и запнулся. И не мог ничего сказать, только глядел в колеблющееся за дымом двух свечей лицо Матери и пытался представить себе, как смотрела на него настоящая мать. Беата.

Они с отцом поженились тайно – князьям Белта не нравилась выскочка, дочь туманного рода, которого не сыщешь в книгах, без живой родни, пусть и с приданым. Но отца – как рассказывали слуги по вечерам, часто осеняя себя знаком и поглядывая в темноту заиндевевших окон, – будто кто околдовал. Да слугам и самим, грех сказать, полюбилась веселая горянка с черными косами – оттого и покрывали влюбленных как могли, и лгали родителям. А потом Белта подговорил доброго отца и обвенчался с Беатой в пустой церкви. После уж поздно было – родители сперва хотели проклясть, потом лишиться наследства, потом побушевали и смирились. И не до того стало: Бяла Гура занялась очередным восстанием, и Белта куда чаще смотрел в

глаза смерти, чем в глаза жены. Оттого, говорили, и наследник появился поздно – но сейчас Стефан думал, что мать его знала о проклятии, оттого долго и не уступала...

Должно быть, ее возраст пришел скоро после появления Стефана на свет. И ей не хотелось гнить заживо – а кому захочется? Может, она и не так боялась отречься от Света, оттого что весь свет для нее сошелся на муже.

А затем случилось то, о чем Стефану долго не рассказывали. До первого тяжелого приступа.

Добрая Матерь глядела теперь устало: «И что с тобой делать, горе мое?»

«Помоги мне, – сказал он, а слова молитвы забылись намертво. – Помоги мне. Не дай сбиться с дороги».

Тихо было в маленькой часовне, пахнувшей отлакированным деревом и ладаном. Трещали две одинаковые свечи.

Лодка как раз причаливала, когда он добрался до берега. Стефан помог взобраться изрядно намокшей и уже сонной Ядзе. Протянул руку брату. Вдвоем они проводили девушку до дому, намокая в росе. Ядзя помахала им рукой, приложила палец к губам и бесшумно, ступая на цыпочках пробралась внутрь.

– Лодки, – сказал он Мареку. – Песенки... Обидишь девочку – сам драться вызову, Мать мне свидетель.

– Да какое там.

– Что, во Флории у тебя никого не осталось?

– Ну-у... – протянул Марек.

– Повеса ты и бесстыдник, – заключил Белта.

– Брата обижаешь... Да ты и сам виноват. Я думал, ты пораньше избавишься от Войцеховского. Чего он от тебя хотел?

– Насколько я смог понять, набивался в родственники. Он сказал, что знал... мою настоящую мать.

Марек покосился, но больше ничего спрашивать не стал. Запнулся за корягу, помянул пса. Стефан привычно взял его за руку.

– Надеюсь, никто не видел нас из окна. Иначе решат, что я прямо у отцовского дома встречаюсь со шпионом...

– Стефан, кроме шуток... Ты думаешь, цесарь никого за тобой не послал?

Резонный вопрос. Он ведь смотрел – оглядывался всю дорогу и, если бы кто-то ехал за ним, обязательно бы почувствовал. Странно, с одной стороны. А с другой...

– Цесарь мне доверяет, – сказал он без особой убежденности.

– До сих пор?

Они тоже старались не слишком шуметь, ступая по половицам. Тут все было как раньше, и как раньше – привычная опаска, что вот сейчас отец появится на лестнице и спросит скрипуче: «И где же вас, голубчиков, носило?»

В доме резкие предутренние тени лежали на полу, на столе. Со второго этажа слышался могучий храп пана Ольховского.

– Он действительно доверяет тебе настолько, чтобы отпустить в Бялу Гуру и не проверить, с кем ты там встречался и зачем?

Марек подобрался к буфету, позвякал, вытащил бутылку ликера.

– Следить могут разве что слуги, – сказал Стефан. – Но я взял только кучера, а ему кружка меда куда интереснее наших тайн...

– Если цесарь об этом прознает, мы покойники...

Это он понимал прекрасно. И первым в покойники попадет Марек, которого и так должны были казнить лет семь лет назад. Оттого Стефан и удивлялся отцовской авантюре.

Впрочем, старый Белта не стал бы звать ни его, ни Марека, если бы за помещьем следили. Здесь не Остланд; соглядатаев, если когда и были такие, отец наверняка прикормил и подкупил – цесарь спит, не видит. Да и загляни сейчас в дом Белта шпион, что бы он узрел? Больных стариков, вдову и кучку молодежи, которой оружие в руки дать будет стыдно.

Вот такие у нас теперь заговорщики. Такая теперь свободная Бяла Гура.

Стефан снова проснулся поздно и удивился, что его не подняли раньше. Но, видно, отец решил не будить их с Мареком: брат, который в дороге вряд ли часто спал, так и не вышел из комнаты до вечера.

Стефан никому не сказал о ночном визите, но за обедом несколько раз ловил на себе подозрительный взгляд Вуйновича. Генерал следил за ним глазами, как, бывало, следят портреты, и от этого было точно так же не по себе. Наверняка Вуйнович, которого мучила подагра, бодрствовал и видел его гостя. Стефан мог только надеяться, что старик не заметил ухода Войцеховского – зрелище могло оказаться слишком эффектным для больного сердца. Вуйнович и так расстегнул воротник старого мундира и время от времени тер левое плечо. Пожаловался, что душно, – пришлось открыть окна, и весеннее солнце хлынуло в столовую вместе с ветром.

После Стефан слонялся по комнатам, не зная, чем себя занять. Ему представили наконец вчерашнего расфуфыренного – он оказался последним из Стацинских, младшим сыном, которого миновали тюрьма и эшафот. Видно, из-за боязни, что его не примут всерьез, мальчик нацепил все самое лучшее. Взгляд его Стефану отчего-то не понравился и не понравились серебряные украшения, которые тот на себя нацепил.

Отец закрылся у себя в кабинете. Стефан постоял у двери, послушал, рука сама поднялась постучать, но он не осмелился. Может быть, думал он, бездумно облокотившись на перила лестницы, за тот раз ему придется расплачиваться всю жизнь. С одной стороны, это кажется несправедливым, с другой – какой грех страшнее предательства?

Можно, конечно, сказать себе, что был юн и глуп.

Можно – что влюблен.

* * *

Стефан до сих пор помнил запах ее волос и ощущение – ее руки на своей. Он тогда собирался ехать в столицу, просить за Марека. Велел Дудеку вытащить свой лучший костюм, и в тот момент, когда он стоял над сундуком, рассеянно наблюдая за слугой, до Стефана дошло, что они проиграли. Полностью, окончательно. Он молча опустил в кресло, да так и сидел там, глядя в стену. Он не заметил, как тихо ушел Дудек, и не слышал, как вошла Юлия. Очнулся, только когда она позвала его по имени. Вскочил.

Она стояла перед ним – прямая, тонкая, в темном платье.

– Вы не пошли на службу, – сказала она с мягким упреком. – Как и ваш отец...

– Простите, – проговорил он. – Нам сейчас трудно найти, за что благодарить Мать...

Старый Белта вообще почти не выходил из кабинета с тех пор, как узнал об аресте Марека.

– Что ж, я отблагодарила ее за нас всех. Я поставила свечку Матери за то, что она была милостива и вернула вас домой...

Стефан не знал, как объяснить ей: настоящей милостью для него было бы умереть рядом с Яворским. Или хотя бы оказаться в тюрьме вместе с братом.

– Перестаньте сейчас же! – звенящим голосом сказала Юлия. – Подумайте о вашем отце. Вы хотели бы, чтоб у него сердце сейчас болело за обоих сыновей? По-моему, ему уже достаточно...

Отец прекрасно знал, что его сыновья готовы умереть за Бялу Гуру. Он этого от них и ожидал. От обоих.

– А я... – сказала она тихо. – Вы думаете, мне хотелось бы вас оплакивать?

Глядя в сторону, она провела по его руке ладонью в тонкой черной перчатке. То ли успокаивала, то ли желала убедиться, что он в самом деле здесь – и жив.

Стефан сглотнул. Гулко, тяжело ударило сердце. Он замер, боясь спугнуть это легкое касание. Он так устал... Это усталость, без сомнения, заставила его качнуться к ней, коснуться губами пробора в темных волосах, замереть так, прикрыв глаза. А она все продолжала гладить его предплечье, и Стефан, повинувшись той же самой смутной усталости, стиснул ее пальцы, судорожно прижал к своей щеке, к виску. Он знал, что не должен, нельзя, но сил воевать у него уже не осталось – даже с самим собой.

– Юлия, – еле вымолвил он. – Юленька...

А она молчала, стояла, покорно склонив голову и не убирая руки. И Стефан на эти несколько мгновений забыл все: и Яворского, и Марека, и отца.

Отца, который стоял в дверном проеме и смотрел на них.

Потом Стефан со стыдом вспоминал ту минуту, когда он увидел старого Белту в дверях – и отшатнулся от Юлии, бездумно, по-предательски. А она не сдвинулась с места, только выпрямилась, вздернула подбородок с отчаянной, беспомощной гордостью. Стефану захотелось снова рвануться к ней, прикрыть, защитить. Но он не двинулся с места.

Отец увел его к себе в кабинет, и Стефан стоял там, давясь словами. Но оказалось, что старому князю его объяснения не нужны. Тот получил новости из Остланда: цесарина готова была смягчить их приговор, если Белта пришлет старшего сына к ее двору. С тем условием, что за попытку снова поднять Бялу Гуру гость заплатит собственной жизнью.

И Стефан сказал, что, разумеется, поедет, и велел тотчас же закладывать карету.

* * *

Уже вечером Стефан сунул голову в комнату Марека. Поморщился от ядовито-красного заходящего солнца, что лило свет в открытые ставни. Брату оно не мешало, хоть и било прямо в лицо, он прикрыл глаза локтем, да так и спал. В углу у ножки кровати лежал крашенный деревянный коник. И что он здесь делает? Наверное, какая-то из собак притащила в зубах, встречая...

Стефан тронул Марека за плечо. Тот мгновенно сел на кровати, глянул ясно.

– Что?

– Ничего, тише. Ужин...

– А... ужин... – Марек чуть расслабился, поднялся с кровати, потянулся. – Вот ведь пес, как поздно...

Стефан поднял коника с пола, показал. Брат улыбнулся – одновременно радостно и болезненно.

За столом разговор сперва шел легкий, на отвлеченные темы. Будто и правда – провинциальные гости, съехавшиеся, чтоб повеселить старого князя. Говорили о прошлом, но былых баталий не вспоминали. Юлия улыбалась гостям, и в улыбке этой сквозила какая-то жалость – а может, ему чудилось. Стефан честно старался не смотреть на нее, то опуская взгляд в тарелку, то задерживая его на присутствующих: на Вдове, на пане Ольховском, который ел так, будто завтра ему предстояло погибнуть. На генерале Вуйновиче, который вдруг хлопнул ладонью по столу и прямо спросил у Марека:

– Так что ты собираешься делать со своими легионами, мальчик?

Марек сглотнул «мальчика», не поморщившись. Положил вилку, будто только этого вопроса и ждал. В беседе тут же образовалась пробойна.

– Когда флориец начнет войну, – проговорил он, – мы попытаемся воспользоваться суетой на юге и попробуем высадиться на севере.

– Ну-ка, стойте...

Вешниц опустил на блюдо недоеденную куриную ногу, вытер руки и глянул на старого Белту. Тот кивнул. Пан Ольховский тяжело выбрался из-за стола, вынул из кармана мелок и повел по полу линию, кряхтя и ругаясь себе под нос и так же под нос бормоча заклинания. Наконец он замкнул круг, вернулся к покинутой курице и взялся за нее все с тем же аппетитом.

– С моря, значит, хочешь подойти. А корабли у вас откуда?

Марек чуть смутился.

– Нет еще кораблей. Но будут.

– И на какие деньги ты их собираешься фрахтовать? Опять на флорийские?

– Король Флории щедр, – с вызовом сказал Марек.

– А не взыщет ли он потом за свою щедрость?

– Что будет потом, того я не знаю. Об этом у пана Ольховского можно спросить. Я только знаю, что сейчас без его величества у нас бы не было ни мундиров, ни оружия, я уж не говорю об убежище.

– Ну пусть так... И куда ты с этими кораблями пойдешь?

– Это все, конечно, еще вилами по воде писано... Но мы думали, что высаживаться лучше всего в Казинке. Там и берег не такой крутой, и крепость старая, и вокруг леса... А главное, гарнизон нам по зубам.

– Вот и видно, что ведут твое войско одни юнцы...

– Уж кто собрал, тот и ведет, – себе под нос огрызнулся брат. Отец нахмурился.

Марек провел ладонью по лицу.

– Извините, генерал. Я знаю, как... смешно, должно быть, выглядит мое звание. Мне просто легче, чем другим, было разговаривать с королем, потому что он знает наш род.

Вуйнович неожиданно расхохотался. Смех его был больше похож на кашель.

– Юзеф, Юзеф, у вас два сына, и оба дружны с монархами. Почему нам так не повезло лет сто назад?

Отец позволил себе тонкую, невидную почти улыбку.

– Ну вот, положим, вы высадитесь на Казинке, возьмете крепость, двинетесь дальше по тем самым лесам. – Вуйнович прочертил вилкой по столу, не жалея дорогую мозаику. – А дальше у вас вот здесь – Берг, а вот тут – Соколово Гнездо. А Казинку ту из Гнезда видно, как я сейчас тебя вижу. Пока ты свои корабли пришвартуешь, державники успеют еще и подмогу позвать и встретят ваши легионы... с цветами.

Марек слегка покраснел.

– Ну хорошо ты, но остальные – кто там с тобой – они должны об этом знать.

– Бросьте, Петар, – тихо сказал отец. – Вы в том Гнезде три месяца сидели, и у вас, наверное, берег до сих пор перед глазами, а они...

Сколько их там было, остальных? А ведь Марек прав, иначе, чем по морю, теперь в Бялу Гуру не войдешь. Разве только напрямик через Драгокраину, что было бы проще и короче, но кто же пустит... А флориец, раз уж он готов расщедриться на корабли, рассчитывает, что легионы оттянут на себя остландские войска.

Прибрел Рудый. Лениво погрыз брошенную кость, положил Стефану на колени рыжую в пролысынах голову и задремал.

– А если глаза отвести?

– На суше, – проговорил пан Ольховский, расправляясь с куском колбасы, – оно, конечно, можно. А море стихия чистая и колдовства над собой не позволяет. С ним только цезарцы умеют управляться, да и то – разве шторм насладить...

– Если уж заходить с той стороны... – Вуйнович снова повел вилкой по столешнице, и отец кивнул Дудеку, чтоб принесли карту. – Так тогда не в Казинку лезть, простите, господа.

Он торопливо раскатал на столе старую карту с обтрепанными краями, сдвинув блюда.

– Не в Казинку, а вот сюда. Знаешь эту бухту, командант? Вот она с берега не просматривается... если не знаешь, куда смотреть. Если бы подойти с этой стороны... и высадиться вот здесь... то тогда прошли бы вот здесь вдоль холмов и заняли Гнездо. Там не так много солдат, державники думают, раз холмы, так не пройдешь. А потом уж двигаться потихоньку вглубь.

Капельки желтой слюны брызгали на карту. Ужин был забыт.

– Когда мы начнем продвигаться, нам понадобится помощь. В городах, на хуторах... Нужно поднять народ. Я, собственно, и приехал узнать, можем ли мы вообще рассчитывать на поддержку.

– Нужно уже сейчас вооружать деревни. – Генерал нетерпеливо бряцал вилкой. – Я же говорил вам, Юзеф...

– Я боюсь, – проснулся вдруг Рудольф Бойко, до того молчавший, – что вы слишком рассчитываете на народ. Однако крестьянам, в отличие от нас, все равно, кто их угнетает. Они от наших панов терпели, теперь от державников терпят – а разницы не видят... Многие из них, я уверен, даже не знают, чья сейчас в Бялой Гуре власть. И если крестьянин захочет воевать, он пойдет в лесную вольницу и там будет счастливее, чем под чьим-то начальством. Ошибка думать, что он станет сражаться за вас просто потому, что вы говорите на том же языке и молитесь в том же храме.

– Напрасно вы так о них, – мягко сказала Вдова. – Когда я осталась без мужа, все мои люди встали на мою защиту, и что бы я делала без них?

– Верно, Рудольф, – сказал старый Белта. – Вы своих крестьян заложили вместе с отцовским именем, так за что им вас любить? А землю... землю свою они любят. За нее и вступятся. Кроме нас и них, вступить некому. А лесная вольница... что же в ней плохого, в вольнице? – Старик улыбнулся, даже глаза потеплели.

– И они уж точно лучше пойдут под наше начальство, чем в остландские рекруты!

Странное, нервное оживление, общее для всех сидящих за столом, осветило лица, сделало их похожими.

– Если повторить, что сделал Яворский...

– Да, освободить хотя бы большие города вдоль Княжеского тракта, вам было бы легче дойти до столицы...

Стефану стало страшно. Отец знал кого приглашать – с высоты остландского трона они смотрятся жалко, но за каждым из них, если будет нужно, пойдут люди. Он не сомневался в Мареке – тот сумеет довести свои легионы, хоть по морю, хоть по воздуху. Да и в том, что города поднимутся, сомневаться вряд ли следовало. Поднимались уже, и не один раз.

И все – с одним результатом.

Он понимал, что разговор нужно остановить, растолковать наконец-то – что не получилось у армии Яворского, уж точно не выйдет у семи тысяч легионеров и кучки ополченцев. Но он будто попал в заколдованное царство, где по чьему-то велению замерло время и все застыли в той же ненависти, в той же жажде освобождения, в той же уверенности в своих силах, что и лет десять назад. И в этом царстве восстание, вычерченное на обеденном столе и старой карте, становилось реальностью...

Куда больше Стефана пугал собственный восторг – как в детстве перед грозой, когда сердце сжималось в радостном ожидании. Пугала радость от того, что не все еще потеряно и

не все еще сдались. Видно, восстания той же породы, что его недуг: если это у тебя в крови – не излечишься.

– Мужчины, мужчины, – проговорила вдруг Яворская. – Вы уж и медведя убили, и шкуру поделили, и вырученные деньги прогуляли, простите... Но ведь войны еще нет, и неизвестно точно, будет ли.

Она обернулась к Стефану.

– Так что там у нас с войной?

Он заговорил медленно, обдумывая каждое слово:

– Если верить тому, что мне известно как советнику цесаря... до нее один шаг. В Драгокраину отправлены войска, и секрета из этого у нас никто не делает.

Когда-то решение Лотаря казалось чистой блажью, но теперь Стефан готов был благодарить за эту блажь и Добрую Матерь, и остландского Разорванного бога, и всех мелких божеств, которых только чтят. За те годы, что он прослужил советником, Стефан узнал нужных людей в Саравии и Чеговине, осыпал подарками дражанских послов, пока они не стали принимать его за своего, и через Назари наладил худо-бедно связь с Шестиугольником. Цесарь был прав: назначь он Стефана на любой другой пост, тому бы не простили его происхождения; но в Пристенье белогорцу – одному из своих – доверяли больше.

Поэтому Стефан не сомневался в правдивости отчетов, приходивших из-за Стены, как и в том, что некоторые вести он получает раньше всех остальных. Но знал он и то, что тайная полиция, вышедшая из небытия после нескольких лихорадочных лет свободы, не все письма допускает к адресату и не все сведения пропускает в Совет.

Рудый шевельнулся, поднял морду с колен и поглядел на Стефана честными глазами уличного сироты, который не ел неделю. Белта скормил ему еще кусок курицы. Он трусливо надеялся, что собака не умрет до его отъезда.

– В Саравии уже набрали рекрутов и усилили границу. Впрочем, саравы сами будут только рады побиться с чеговинцами, на их помощь мы можем не рассчитывать...

Война была на пороге – только не совсем та, что нужна Бялой Гуре.

Выступать первым Остланд не собирался. Следовало подождать, пока Тристан со своим войском хорошо увязнет в Чеговине, и только тогда начинать. Вот только флориец сам не спешил выступать: дражанцы давно уж вошли в Чеговину, а король Тристан только слал господарю гневные ноты.

– Может быть, и нам не следует торопиться, – сказал Стефан. – Ведь все остальные не торопятся.

– Ты приехал, чтобы отговорить нас от этого, так ведь, сын?

Отец смотрел на него, наклонившись вперед и подперев подбородок рукой. В первый раз с приезда Стефана он назвал его сыном.

– Вы не ошибаетесь, отец, – тихо ответил Белта. – Я ехал сюда с убеждением, что ваша затея безумие, с этим убеждением и остаюсь. Но речь не о том.

– О чем же? – спросил Вуйнович. В глазах его читалось обычное презрение вояки к любому, кто не желает сражаться.

– Меня беспокоит, – сказал он неожиданно для самого себя, – что флориец не начинает войну. Зачем ему наши легионы, если он не станет сражаться с цесарем? А еще меня беспокоит, что цесарь зачем-то решил подписать договор о дружбе с Чезарией...

– С кем? – изумился Марек.

– Поверь, я сказал то же самое... Тем более что наша тайная полиция перехватила уже несколько депеш от чезарского посла, и нигде в них не говорится о разрыве с Флорией, скорей наоборот...

Бойко поморщился на слове «наша», да и не он один.

– Предупреждений цесарь не слушает, такое впечатление, что он добровольно роет себе могилу...

– Так и пусть роет!

– Может быть. Но я не знаю, по какой причине он решил сговориться с Чезарией, и мне не нравится, что мы должны действовать вслепую.

Только сейчас Стефан понял, насколько это в самом деле его тревожило – подспудно, потому что рассказать об этом он никому не мог и для себя облечь в слова не получалось. Это – и то, что цесарь отпустил своего советника к отцу-бунтовщику, не озаботившись приставить слежку.

– Я бы не хотел, чтоб мы принимали необдуманные решения... не зная всего.

– Так отчего же вам не узнать? – звонко спросил последний из Стацинских.

Хороший вопрос.

– Оттого, видимо, – сказал он Стацинскому, – что, несмотря на мою... высокую должность, в Остланде я остаюсь белогорским заложником, который, по выражению цесаря, все равно смотрит в лес. И я не уверен, что получаю все необходимые сведения.

Такой горечи в собственном голосе он тоже не ожидал.

– Как же так может быть? – не унимался юнец. – Ведь столько говорили о вашей горячей привязанности к цесарю Остланда, так что можно было усомниться в истинной натуре такой... привязанности.

На секунду воцарилось недоуменное молчание. Потом грохнуло.

– Да как вы смеете! – Марек вскочил, загремев стулом, остальные зашумели.

– Тише! – Белта осадил брата и снова повернулся к юнцу. – Мне не кажется, что сейчас время и место, чтоб обсуждать мои отношения с цесарем. Но я буду рад все объяснить вам лично... когда вам будет угодно.

– С удовольствием выслушаю ваш рассказ, – проговорил тот, не отрывая от Стефана напряженного взгляда.

Юлия ахнула, поднесла ладонь ко рту. Яворская досадливо покачала головой.

– Господа, ну что же вы...

Стефан сел, раздосадованный собственной несдержанностью, – но, с другой стороны, мальчишка будто напрашивался.

Хуже всего – после этого не объяснишь уже, почему он не ждал от цесаря союза с Чезарией. Что бы Лотарь ни унаследовал от матушки, он никогда не был глупцом и не желал зла собственному народу. Но они разве будут слушать, Лотарь для них пугало, которое только и годится, чтоб водрузить его на шест и сжечь на Майских праздниках...

После ухода расфуфыренного разговор стал скованным. Снова забряцало столовое серебро, зазвенели бокалы – гости вспомнили об остывшем ужине. Юлия подозвала слуг и велела подавать десерт. Внесли еще канделябры, стало светлей. Расставили блюда с маковцом, смородиновым пирогом, яблоками в карамели. Пахло сладким, пахло миром.

– Что ж, я считаю, что разумно выждать, – проговорил отец, принимаясь за чай. – Если этот союз окажется правдой, то нам придется искать другой путь, чтоб переправлять оружие. И не мешало бы знать об этом прежде, чем оружие нам понадобится.

– Я отговаривал цесаря от войны, – сказал Стефан. – Да и от дружбы с цезарями... Но он не удивится, если я пойду на уступки.

– Ты говорил, что фефарь тебя больфе не флуфает. – Рот у Марека был набит смородиновым пирогом.

– Говорил. Но я по-прежнему его советник. И потом, его величество любит, чтобы с ним соглашались. Если я перестану ему перечить, он наверняка смягчится.

Сказал – и тут же стало неловко, будто он высмеивал друга на публике.

– Значит, нам теперь ждать от тебя вестей... – подытожил отец.

– Простите, господа... но, если я правильно понимаю ситуацию, сегодняшнее собрание можно рассматривать как Княжеский совет?

Стан Корда осторожно поставил чашку на блюдце, вытер смородину с губ и оглядел собравшихся.

– Чтобы дальнейшие наши действия были легитимны, решения должны приниматься Советом...

Стан, как обычно, вспомнил то, о чем другие и думать забыли.

– Если я не ошибаюсь, – на памяти Стефана друг не ошибся ни разу, – свод законов Велимира говорит, что в случаях, когда по какой-то причине сбор Большого Княжеского совета невозможен, срочные решения могут приниматься Малым советом при условии, что он насчитывает не менее семи благородных и что князь во главе его занимает в Большом совете первую скамью...

Эту историю помнил даже сам Стефан: Велимиру так хотелось княжескую булаву, что он, недосчитав голосов, наспех придумал новый закон. Что ж, вот теперь пригодится...

– Насколько я вижу, – размеренно продолжал Корда, – эти условия сегодня соблюдены, так что, если присутствующие не имеют ничего против...

– Жаль, нет художника, – шепнул Стефан брату.

– М-м?

– Художника. Запечатлеть историческое событие, собрание Совета. Интересно, как бы картина называлась? «Столовый совет» или «Совет за чаем»?

Марек поперхнулся пирогом.

Тишь. Темнота. Ставни теперь открыты, в окна из немыслимой дали смотрят звезды – как огоньки далекой деревни, мимо которой пронесешься в карете, так и не узнав названия.

Это законы ночи, князь Белта... Отнеситесь к моим словам серьезно...

Стефан обернулся, услышав скрип двери. Зашел Марек с хилой свечкой в руке.

– Так и знал, что не спишь.

– Спать перед поединком – дурной тон.

Дуэль назначили на раннее утро; Марек и Корда вызвались в свидетели. Стацинский выбрал сабли. Стефан ожидал, что юноша немного притихнет, но его перспектива драки только раззадорила.

– Не нравится мне этот поединок, – сказал Марек, уstraиваясь в кресле.

– Кому нравится...

Глупо и горько до нелепости: сдерживаться столько лет в Остланде, чтоб, едва приехав домой, нарваться на драку со своим же соотечественником.

– Странно это, – проговорил Марек. Он при скудном свете пытался набить трубку – отцовскую, как разглядел Стефан.

– Это во Флории тебя научили курить?

– М-м... Я говорю, странно. Он за все время пару раз рот раскрыл, и то – чтобы нарваться на дуэль...

– Интересно. – Уж не собирается ли этот мальчик таким образом сорвать восстание – перебив на дуэли заговорщиков? Надо бы выяснить, действительно ли он родственник Стацинским... и кто привел его к отцу под крышу.

Стефан отошел от окна, сел на диван. Марек, подобрав под себя ноги, сосредоточенно курил, неприятно пахнущий дым расплзался по комнате.

– А ты у нас и швец, и жнец, и на дуде игрец... Ты и оружие в Чезарии нашел?

– Нашел, – коротко сказал Марек. Кажется, он хотел что-то добавить, но передумал.

Если только договор с цесарем не перекроет этому оружию путь, как и опасался отец.

– Конечно, – раздумчиво проговорил брат, будто продолжая начатый спор, – я думал насчет кораблей. Вуйнович прав, мы и так сильно зависим от флорийца. Не захочет драться – и мы никуда не двинемся. Вздумается ему, он отправит нас куда-нибудь в горы Саравии, решив, что там мы ему нужнее...

– Вы теперь под его начальством?

Брат пожал плечами.

– Так-то нет, считается, что мы его короне не служим. Но клятва добровольцев, Стефан...

Марек опустил трубку и поглядел на брата.

– Ты ведь давал присягу. Уж ты-то знаешь...

Если у короля Тристана есть хоть сколько-то здравого смысла, он поймет, что восставшая Бяла Гура ему нужнее, чем семь тысяч не слишком хорошо обученных бойцов.

Но только во всей этой аванюре здравого смысла не так много.

...Если тот, кто рожден от создания ночи и человека, не проходит вовремя посвящения, он скоро умирает. Гниет заживо.

«Вряд ли, – подумал Стефан, – у меня будет время заживо сгнить...»

Глава 4

Рассвет был холодным и туманным – почерневшую башню старой церкви наполовину размыло. Розовое раннее солнце будто пятнами проступало сквозь серую завесь. Тишина стояла почти бездыханная. На обожженной земле возле развалин трава так и не выросла, оттого и говорили, что место здесь проклятое. В самый раз для поединков.

– Господа, – зевнув, сказал Стан Корда, – в последний раз предлагаю вам примириться. Пожмите друг другу руки... и пойдемте уже обратно спать.

Он набросил на плечи меховую доху, в это время года неуместную, но и под ней дрожал и ежился.

– Что ж ты вызвался в свидетели, когда знал, что поединки проходят на заре? – засмеялся Стефан.

– Оттого, что все должно быть сделано по правилам. Пан Стацинский, вы вчера откровенно нахамили. Извинитесь сегодня с той же откровенностью, и, я уверен, князь забудет об этом недоразумении.

Юнец упрямо покачал головой. Куда только делся роскошный наряд – теперь молодой Стацинский был одет до неприличного просто: штаны да рубашка, несмотря на холод. Только серебряная цепочка по-прежнему висела на шее. И в глазах – не подростковая дерзость, не бравада, а нечто другое.

Нечто большее.

«Что же я ему сделал?» – недоумевал Стефан. Возлюбленную увести никак не мог – когда он уезжал в Остланд, любимыми женщинами Стацинского были мама и нянька. С отцом его и братьями они сражались в разных отрядах, и Стефана можно обвинить во многом, но не в их смерти...

Впору усмотреть здесь мистику, будто этот юноша явился доделать то, что недоделал цесарский эшафот. С другой стороны – разве полкняжества не считает Белту предателем? А в таком возрасте – какая разница, кому мстить за то, что остался на земле один? До кого дотянешься...

– Стефан, – упреждающе сказал брат.

– Я знаю, Марек, в самом деле...

Князь Белта поединки не любил и участвовал в них редко. За годы, проведенные в Остланде, он дрался всего раз и после долго клял себя за несдержанность. Потом, слава Матери, Лотарь стал цесарем, и открыто задевать его фаворита опасались. Что не мешало им считать, будто князя Белту не слишком беспокоят вопросы чести. Тех, кто знал его подростком, это могло удивить – лет в шестнадцать Стефан слыл неплохим драчуном и умудрялся побеждать соперников куда старше и сильнее себя. Не за счет умений – учитель фехтования, обожавший Марека, на технику его брата больше ворчал. Но каким-то образом Стефану удавалось предвосхищать каждый шаг соперника, ставить защиту раньше, чем тот успевал не то что ударить – подумать об ударе. По-другому он просто не умел – так человек, привыкший быстро ходить, может замедлить шаг на несколько минут, но стоит ему забыться, как он снова несется вперед. Стефан сам этому удивлялся, зная, что на самом деле фехтовальщик из него посредственный, и списывал все на удачу. Пока однажды отец не позвал его в кабинет и не объяснил сухо, что это преимущество того же рода, что и умение видеть в темноте. Еще одно последствие «недуга», и пользоваться этим честному человеку недостойно.

Стефан тогда от отца вышел как оглушенный. Старый Белта о другом не сказал, но он-то понял: пользоваться такой удачей – значит принимать помощь не от Света, а от... вовсе противоположного. Он тогда долго молился и чуть было совсем не поклялся отказаться от оружия.

Не успел, а во время восстания это преимущество пригодилось, и некогда было разбирать – грешно оно или нет...

Он и сейчас не собирался драться – по-настоящему. Напугать, оцарапать, добиться все-таки, с чего юноше вздумалось дерзить.

Когда досадливо покачал головой и велел:

– Начинайте, господа.

Солнце прорвало пелену, засветилось раскаленной докрасна монетой. Юнец отсалютовал, глядя прямо на Стефана, зеленые, чуть навывкате глаза блеснули хитрецей. Все-таки как глупо – вернуться в княжество, чтоб на своей земле драться со своими...

Сошлись. Лязгнуло. Щебетнули спугнутые шумом птицы. Стацинский бросился вперед со всей юношеской прытью. Стефан присматривался, парировал удары и думал, как быстрее это закончить. Мальчишка разгорячился, движения ускорились. Несколько раз он широко взмахнул саблей, целясь в голову, – Стефан выставил лезвие и еле успел уклониться от удара снизу в горло. Ушел, отбил выпад снизу, успел встретить лезвие у бедра – и понял, что юнец его теснит. Атаковал сам – целил в ногу, зная, что юнец не успеет отбить удар.

Зазвенело.

Успел.

Вспомнился мэтр Ферье: «У вас, Стефан, абсолютно отсутствует воображение, и если найдется кто-то быстрее вас...»

Выходит, нашелся.

Стефан даже не понял, когда недоразумение превратилось в серьезный поединок.

Стацинский двигался со смертоносной быстротой, отражая любой удар едва не раньше, чем Стефан успевал о нем подумать, – как сам он делал прежде. Страх не было – пока, только в такт колотящемуся сердцу билась мысль: «Где его так научили? Кто его научил?»

Так не учат ни в семьях, ни в казармах. Чтобы драться так, нужно тренироваться с детства, в специальной школе, куда отбирают одаренных и муштруют с единственной целью...

В грудь. В голову. Опять в горло. Лицо мальчишки стало закрытым, механически-сосредоточенным. Стефан понял уже, что попался – и как дешево! Погибнет сейчас, и придраться будет не к чему, ведь сам вызвал...

Вот, однако же, выйдет курьез.

Теперь уж Стефан напал, а Стацинский встал в защиту и только саблей помахивал. А ведь казался таким тщедушным... Первое удивление схлынуло, он приноровился к ритму – но рука стала уставать, не привыкли вы, княжич Белта, драться по-честному, без преимуществ... Стефан смахнул со лба мокрые волосы, выдохнул, развернулся, пытаясь достать мальчишку в плечо... Открылся, и сабля пропорол рубашку на груди.

Мать добрая, как же больно. Будто не лезвием прочертили, а огнем обожгли. Как в тот раз, когда он схватился за кинжал... Стефан пошатнулся, еле удержался на ногах, в глазах пятна, как если б он смотрел на солнце.

– Что, больно, князь? – В голосе Стацинского не торжество, интерес. – Готов поспорить, что да...

Может, из-за боли, может, оттого, что вспомнился оборотень, но все вдруг прояснилось. Стало понятно и серебро на шее мальчишки, и его дерзость. И от мысли, что юнец не шпион, что дело, скорей всего, вообще не касается Бялой Гуры, он едва не рассмеялся от облегчения. Стефан отогнал боль, снова вспомнил мэтра Ферье и применил единственный трюк, которому научился: примерился будто бы бить в грудь, а сам в последний момент повернул запястье: сабля ушла вниз, по полукругу, с силой ударила. Мальчишка, вопреки ожиданию, клинок не выпустил, но отступил неуклюже, заслониться не успел и схлопотал удар в плечо. Он уронил саблю, но устоял на ногах, а в прорехе, оставленной лезвием, видно было, как толчками бьется темная, сладкая кровь, пропитывая рубашку. В голове загудело, Стефан попытался отвести

глаза – и не мог, глядел на ровный черный разрез, ничего не чувствуя, кроме жажды и поднимающегося жара. Он хотел пить; был болен и так хотел пить...

Юнец отступил, привалился спиной к старому засохшему дереву. Стефан, как одержимый, шагнул за ним. Жажда застила мысли, он оскалился раздраженно на серебряную цепочку – мешает... И увидел совсем рядом глаза Стацинского и ничего в них, кроме оглушающего страха. Глаза ребенка, над которым, облизываясь, нависло чудовище.

Потом Стефан надеялся, что этот страх заставил его отступить – а не серебро и не Стан Корда, который крикнул, увидев, как Стацинский сползает спиной по дереву:

– Стойте, господа! Противник на земле!

Он без церемоний оттолкнул Белту, склонился над лежащим, проверяя, в сознании ли он. Стацинский лежал недвижно, горло его чуть подергивалось. Стефан, покачиваясь, отошел в сторону, вяло отмахнулся от Марека, который кинулся поддержать.

– Стефко, покажи...

– Ничего, – сказал Белта. В голове постепенно прояснялось. Нужно уйти, пока он еще может как-то себя сдерживать. Марек что-то говорил – ругался, кажется. Корда обернулся.

– Он без сознания. Надеюсь, Стефан, твоя честь удовлетворена?

– А? Да... Без сомнения.

«Честь – да. А вот жажда...»

Брат не унимался:

– Дай же взглянуть...

– Нет. Не сейчас.

Слава Матери, Марек, кажется, понял, что «не сейчас» означает «не при чужих», и больше не настаивал. Корда уже возился с корпией, перетягивал рану.

– Жить будет, – сказал он, поднимаясь и отряхивая колени. – Признаться, Стефан, я было усомнился в исходе поединка. Я много видел дуэлей, но здесь... Пропасть, я не успевал следить за саблями! Стефан?

– М-м?

– Помогите мне донести его до кареты, – попросил Корда. Они с Марексом подняли Стацинского с земли. Стефан заставил себя подойти, поддержать беспомощно свисающую голову. Улучил момент, когда они пытались поудобней разместить раненого на подушках, и, прихватив цепочку рукавом, выпростал из-под рубашки тяжелый медальон. Он напоминал княжескую монету с неизвестным гербом: встающее из-за горизонта солнце с шестью лучами и на его фоне – меч.

Пес знает что...

Стефан помедлил, вдыхая тяжелый, пьянящий запах крови. Отступил. Корда захлопнул дверцу, повернулся к нему.

– Думаю, рана не опасна, не было б заражения... Он сильно тебя задел?

– Нет, – сказал Белта, до которого слова доносились через шум в ушах. – Езжайте.

Не хватало только, чтоб и Корда увидел ожог...

Марек заступился:

– Не тормози его, с ним бывает. Пускай побудет один, мы поедем со Стацинским, оставим Стефко экипаж...

Корда поморщился: все шло не по правилам. Он поднял с земли брошенные клинки, протянул Стефану:

– Который твой?

– Этот. – Он взял саблю Стацинского. Корда, благослови его Мать, в оружии разобрался куда хуже, чем в дуэльных правилах. Потом можно будет сказать, что перепутал...

Наконец они уехали; кучер в оставшейся карете клевал носом. Тени были жидкими, свет сероватым. Стефан побрел, не особо разбирая дороги, внутрь развалин. От церкви уцелела

только колокольня, вздымающаяся вверх. Рядом – в беспорядке валяющиеся камни, обломки стен, мусор. Стефан присел на один из обломков, положил рядом чужую саблю.

Если б они задержались, он бы, наверное, выволок раненого из кареты и закончил то, что начал, вылакав чистую горячую кровь. И ведь воевал уже, видел всего этого предостаточно... не было такого. Значит, Войцеховский прав, теперь будет только хуже...

Отпусти... Ты такой же...

Оборотень знал, что говорил. Они оба звери.

По камням ловко проскакала ворона, скосила на Стефана умный черный глаз.

– Иди-ка сюда, – подозвал Стефан. – Иди...

Птица подошла, будто по приказу, замерла вопросительно. Стефан протянул руку – пальцы сомкнулись на горле, ворона запоздало рванулась, потом затихла, видно притворившись мертвой. Сердце в хрупком тельце ходило ходуном.

Тоже кровь. Тоже жизнь.

А пить так хочется...

Как вам это, ваше величество? Советник по иностранным делам, который убивает птиц, чтоб хоть чуть-чуть утолить жажду...

Не думай о цесаре.

Мягкий, четкий голос – будто над самым ухом:

Не думай о цесаре. Не думай ни о ком. Что они знают о жажде? Ты болен, тебе нужно напиток...

Голос приносил облегчение, как прохладный ветерок. Облегчение – и желание повиноваться.

Сделай это, Стефан, это даже не человек, птица, ее кровь не так сладка, но все равно несет жизнь...

Сделай это... Тебе больно, тебе нужно утешиться.

Пей...

– Прочь!

Его крик вспугнул эхо, засевшее в разрушенных стенах. Отпущенная на волю ворона панически взмахнула крыльями, завалилась набок, похромала и тяжело снялась с места. Пропала.

...Зверь, как тот оборотень. Может быть, следовало дать Стацинскому себя убить.

Облака рассеялись, золотистое, радостное солнце озарило старую церковь, и дорогу, и поля, засеянные рожью. Стефан поднял глаза к свету и сидел так долго, несмотря на чудовищную резь в глазах. Потом вытер слезы, поднял саблю и рассмотрел ее. Хороший клинок, кажется дражанской работы: только в Драгокраине украшали лезвия насечкой. Золотой... или серебряной. Стефан осторожно тронул лезвие – и тут же отдернул руку, потряс в воздухе, остужая пальцы. Мать его знает, что это за сплав, но без серебра не обошлось.

Скорее всего, клинок и предназначен для таких, как Стефан. Что там говорил Войцеховский? «В Остланде вы были, насколько возможно, отгорожены от всего этого. Так же как и от менее приятных знакомств». Нужно порасспрашивать Стацинского об этих знакомствах, когда тот придет в себя. Теперь, когда Белта слегка опомнился, ему стало совестно: много нужно мужества, чтобы справиться с юнцом.

Он поднялся, искал зачем-то глазами ворону, не нашел и побрел к карете. Поднять оставленный на земле плащ удалось только с третьей попытки: когда он нагнулся, в груди болело, словно ему по меньшей мере пропоролли легкое.

Стефан попросил у кучера фляжку, вылотал половину, напомнив себе больше никогда не забывать эликсир. В карете он привалился к стенке и всю дорогу пробыл в каком-то странном забытии, где звал его все тот же голос: то ли Беаты, то ли Юлии...

Юлия, как оказалось, поджидала его – стоило подняться на крыльцо и толкнуть дверь в темную, тихую переднюю, как она выскользнула из столовой. Одетая, будто уже собралась в церковь, только до отъезда на утреннюю службу еще добрых два часа...

– Стефан, как вы? – Даже ее шепот в этой стеклянной тишине казался громким. – Мать Предобрая, где вы были, остальные давно вернулись...

– Задержался, – пробормотал Белта. Встала до свету, слушала шаги... Неужто она за него волновалась?

– Да вы ранены. – Она смотрела строго. Стефан по пути застегнул плащ, чтоб не видно было ожога и разорванной рубашки. – Ну что? Будто я не вижу. Дайте мне взглянуть...

Искушение было – хуже, чем жажда. Открыться ей, позволить хлопотать вокруг него, позволить прикоснуться... И все под благим предлогом, он ведь и в самом деле ранен. И боль уйдет тогда, и страх пройдет, и сомнения...

Она подняла было руки к застежке плаща – и уронила.

– Стефан! – раздалось вдруг с лестницы. Оба подскочили, будто их застали за непристойным. – Стефан, ты вернулся?

С лестницы, где он стоял, отец не мог их видеть. Стефан прижал пальцы к губам, Юлия кивнула и скрылась в пустынной столовой. Но взгляд ее он поймал и удержал: ласковый, серьезный.

– Стефко! – гремел старый Белта.

– Иду... Не будите же весь дом, отец...

Он поднялся, хватаясь за перила. Старый князь тоже был полностью одет, в руке дымилась трубка. Он оглядел Стефана с головы до ног.

– Краше в гроб кладут.

– Кажется, – сказал Стефан, – туда я еще не готов...

Отец махнул трубкой в сторону кабинета:

– Пойдем-ка...

Кабинет, кажется, не изменился вовсе, только будто уменьшился в размерах, точно как говорил Марек. Все те же сабли, развешанные по серым стенам, портреты всех Белта, начиная с князя Филиппа, – каждый смотрит внимательно, под их взглядами никогда не останешься один. Несмотря на утренний час, в тяжелых, тронутых патиной канделябрах догорали свечи.

– Садись, – сказал старый Белта и без церемоний стащил с него плащ, бросил на вытертый кожаный диван. Прицокнул языком, увидев расплзшееся по рубашке пятно. – Женщин будить не станем, от них один визг и никакого толку... Погоди-ка...

Он открыл дверцу древнего серванта из красного дерева, чуть покосившегося от времени. Там он хранил свои ликеры, и там же оседало и накапливалось достояние семейства Белта. Отец вытащил толстую хрустальную бутылку.

– Чем хорошо это средство, так это тем, что его можно пользоваться одинаково и внутрь и наружу...

Он ловко плеснул настойки в темную медную стопку – ровно до краев.

– Пей, герой...

Стефан послушно поднес рюмку к губам, глотнул. Горло обожгло.

– Хорош, нечего сказать. Второй день дома – и уже нарвался на дуэль. Ну каков!

В голосе его сквозила явная гордость. «Нашел, право, чем гордиться», – с неожиданным раздражением подумал Стефан.

– Простите, отец. Но я не мог оставить это оскорбление без ответа.

– Ну хорошо, что ты проучил мальчишку. Его отнесли в Марийкин флигель, пусть лежит... Хотел я еще вчера указать ему на дверь, так подумал: его потом ищи-свищи, и не узнаем, чем ты ему так не пришелся.

Старый Белта сам плеснул в таз воды из графина, смочил платок, осторожно отлепил рубашку. Ссадину на груди едва ли можно было назвать раной – но края запеклись, и выглядело это скверно.

– Это чем он тебя? – Голос у старого князя стал очень спокойным. – Серебром?

Скрывать не было смысла. Стефан кивнул. Отец молчал все время, пока промывал рану, пока рылся в серванте среди пыльных бутылей, склянок и остатков сервизов разных эпох, разыскивая флакон с бальзамом. Стефан, откинувшись на спинку кресла, глядел в темные недра серванта – там тоже оставалось все по-прежнему, только в детстве все казалось куда более таинственным. Думалось, что там прячут сокровища, и никогда не хватало времени разглядеть их по-настоящему.

Может быть, это и есть сокровища. То, что привязывает к дому сильнее, чем прибитый над дверью герб. Прохудившийся серебряный кубок, из которого пил еще князь Филипп; молочник с отбитой ручкой, оставшийся от когда еще умершей тетки Цецилии, трофейный остландский кинжал, которым теперь и бумагу не порежешь. Свадебная посуда, из которой угощались молодые Юзек Белта и его супруга...

Отец нашел наконец флакон, откупорил. Запах был знаком с детства: Стефан всегда считал, что средство сделано из дохлых улиток или чего похлеще. Князь Белта сухо сказал не воротить нос, ухватил сына узловатыми пальцами за плечо и быстро нанес бальзам на рану. Когда-то, если Стефану случалось расшибить коленку или свалиться с дерева, отец вот так же, без церемоний, усаживал его в кресло, отчитывал и бинтовал колено или смазывал ободранную руку.

– Простите меня, – вырвалось вдруг. Стефан сам от себя не ожидал, но, сказав, понял: только эти слова и правильны. – Простите меня, отец.

Старый князь на секунду застыл, рука комкала платок.

– Матерь с тобой, мальчик. – Он быстро сотворил знак над головой Стефана. – Ну что ты...

Отошел к серванту, чтоб поставить флакон на место, засуетился, зазвенел стеклом. Молочник тетки Цецилии покатился на пол, чудом не разбился. Сама Цецилия взирала на это с густого черного фона, поджав бледные губы. Стефан поднялся было, чтоб помочь.

– Сядь! – прикрикнул старый князь. – Ранен, вот и сиди. Уж как-нибудь без тебя управлюсь.

Стефан с благодарностью опустил обратно в кресло. Закрыв глаза. Часы закрипели и тяжело, с длинным эхом отбили семь. По легкому запаху дыма он догадался, что отец задул свечи. Почувствовал, как его укрывают накидкой; отцовская рука коснулась щеки.

– Ну? Спишь?

Ответить не хватило сил.

Службу Матушкину Стефан позорно проспал. Отец, уходя, закрыл ставни, но по гулкой тишине в доме было ясно, что все уехали в храм. Боль почти прошла, да и жажда тоже. Стефана охватило щекочущее чувство вседозволенности, сохранившееся с детства, с тех редких дней, когда ему случалось остаться в кабинете одному. Он толкнул скрытую за портьерой дверь в библиотеку. Старая, потрескавшаяся земная сфера пылилась на окне, разноцветные пятна света, осевшие с витражей, рисовали на ней новые континенты. В шкафах – от пола до потолка – толклись, теснились книги. Это была едва четверть всего книжного собрания, остальное – в городском палаце... то бишь в палаце коменданта столицы. И сохранилось ли здесь то, что нужно, – поди узнай...

Набрав стопку книг, он вернулся к себе в комнату и несколько часов, не отрываясь, перелистывал один том за другим, чихая от накопившейся меж страницами пыли и отчаиваясь постепенно найти необходимое.

...От превращения в вампира помогает «отчитывание», то есть чтение вслух Священной Книги возле гроба умершего в течение трех ночей после смерти. Пятки покойного можно разрезать и сунуть под кожу иглу или иной острый предмет, чтобы ему было сложно ходить по земле. Дорогу от кладбища до дома также рекомендуется посыпать маковым семенем: вампир начнет собирать его, а тут и петухи пропоют. Кроме того, помогают чеснок, боярышник, шиповник, огонь лампады...

– Тыфу ты, – выругался Стефан, захлопнув фолиант. Нет, вряд ли он так найдет что-то стоящее, надо идти на поклон к пану Ольховскому... Спросить, например, откуда они знали, как помогать ему при приступах. И где взяли рецепт эликсира. И как вышло, что никто не болтал о странной женитьбе князя... а если и болтали, то ездили к нему все равно.

По меньшей мере в Книге семей он не отыскал герба с солнцем – ни у Стацинских, ни у любой другой фамилии. И ни один из найденных церковных орденов тоже не носил такой эмблемы.

Из-за раны Стефану не сиделось на месте, хотелось двигаться, что-то делать. Он убрал книги на место, без цели побродил по дому. Больше всего ему хотелось поговорить со Стацинским – но неловко беспокоить раненого, да и тот, скорее всего, спит. В конце концов он велел запрячь коня и принести цветов. Самое время ее навестить.

Погост был мирным, аккуратным, ухоженным. Тихие дорожки, светлые кружевные домики склепов, белые поминальные деревья. И застывшая посреди фигура Доброй Матери. И ничего нет страшного, чтобы прилечь здесь и отдохнуть, утомившись от жизни...

«Вот только тебя, скорее всего, будут хоронить за оградой...»

Он думал, что один на кладбище, пока не увидел знакомую спину. Марек стоял у склепа, склонив голову, и, кажется, что-то рассказывал. Стефан замедлил шаг, но поздно: брат осекся и обернулся.

– Ну и что ты здесь делаешь? Ты должен лежать дома...

Белта отмахнулся:

– Ты же знаешь, как на мне заживает...

Рана еще болела, но даже на лошадь он взобрался без труда.

– Мы... мы давно к ней не приходили, да?

Стефан сложил у склепа охапку свежих цветов и вспомнил почему-то, что никогда не звал ее матерью. Всегда – Катажиной, даже когда не знал еще, что не сын ей. Впрочем, и Марек звал ее так... но Марек все за ним повторял.

– А они?

– Служба кончилась. Я тоже на нее не пошел, но меня и не ждали.

Стефан кивнул. Не хватало еще, чтобы стали судачить о давно умершем сыне князя Белты, который внезапно воскрес и появился на храмовой скамье.

– Я хотел навестить Катажину.

Марек опустил голову и глядел, как ветерок теребит цветы. Будь Катажина жива – теперь бы ахала и всплескивала руками на Стефанову рану; а то и на дуэль бы не пустила. Он скучал по ней, но знал, что брат скучает больше. Оттого и отошел сейчас – бродил по тропинкам, рассеянно глядя на плиты и усыпальницы, и после бурного утра ощущал необычный покой – будто часть той безмятежности, что дарована мертвым, снизошла и на него. Стефан миновал было скромный склеп с горестно застывшим ангелом, но остановился посреди дорожки, вернулся посмотреть.

«Семья Стацинских, – гласила полустертая надпись. – Дело утешает в горе».

То ли семейный девиз, то ли последнее напутствие для живых... Стефан опустил на колени, раздвинул траву, читая имена. Последний усопший лежал здесь без малого семьдесят лет. Значит, отец и братья юного дарования похоронены не здесь... если вообще осталось что хоронить после той бойни. Однако же странно, что усыпальница у Стацинских здесь: насколько

он знал, жили они в Волчьей Воле, а это в доброй сотне миль, там большая церковь и свой погост...

Стефан выпрямился не без труда и тогда только заметил, что от склепа бежит по траве вытоптанная дорожка к самой ограде кладбища. Стефан, будто что его толкнуло, прошел по ней до глухой каменной стены, всей в завесах плюща. Наверное, летом он и не рассмотрел бы дверцу для сторожа – а через переплетение голых ветвей ее было видно хорошо. Правда, похоже, что ей давно не пользовались. Но когда Белта толкнул ее, дверца подалась. Ругая себя за неуместное любопытство, он наклонил голову и пролез под плющом. С этой стороны кладбища он ни разу не был – стена выходила в дикое поле, где ершились густые кустарники и среди клочьев прошлогодней травы проступали уже зеленые островки с желтой сыпью мать-и-мачехи. Совсем близко пастушья дудка выпевала печальную мелодию, но не было видно, кто играет. Стефан заоглядывался, запнулся и едва не полетел наземь; снова разболелась рана. Выругавшись, он глянул под ноги и понял, что споткнулся о могилу.

На пристанище самоубийцы это не было похоже. Стефан видел такие могилы – обычно невысокий, стыдливо насыпанный холмик, рядом с которым иногда осмеливались посадить святое дерево. Здесь же... здесь было хуже. Плита была повернута на запад – а не на восток, как нужно, и сама могила завалена камнями. Будто те, кто хоронил, боялись, что покойный может встать... Князь Белта обошел плиту, чтоб разглядеть надпись, но то ли буквы стерлись... то ли их стерли нарочно, чтоб мертвец не узнал себя и не помнил, к кому идти.

Не нужно читать старые книги, чтоб знать, кто здесь лежит. В отличие от Беаты, этого покойника не донесли до перекрестья дорог, но Стефан был уверен: ему наверняка проткнули сердце колом.

У перевернутой плиты лежал чуть увядший букет ландышей. И глуховатая мелодия по-прежнему неслась ниоткуда.

– Стефко! Я тебя везде ищу, ты как под землю сгинул! – Марек выглядел сердитым и растерянным.

– Не под землю, всего лишь за стену...

– Что ты там искал?

– Просто, – сказал Стефан, – прогуливался.

– Или опять с Войцеховским встречался? Ему здесь самое место...

– Нет... Послушай, а ты не знаешь, почему склеп Стацинских здесь, а не в Волчьей Воле?

Или это какие-то другие Стацинские?

Марек пожал плечами:

– Так ведь, кажется, они жили здесь раньше... Спроси лучше у отца или у генерала, он их хорошо знал. Стефко, стой. – Брат ухватил его за рукав. – Я хотел сказать тебе... Я завтра уезжаю.

– Завтра? – Он остановился. Могилы забылись, поединок – тоже. – Завтра? Да ты же только приехал!

Марек опустил голову.

– Если то, что ты сказал, подтвердится... Если цесарь действительно договорится с Чезарией – мы рискуем потерять все оружие. Нам просто не дадут его вывезти – и что тогда? Вилами драться будем? Мне надо ехать.

– Стой-ка. Ты собрался теперь выкупать оружие? И везти его в Бялу Гуру?

– Этим занимаюсь не только я.

– Да вы точно обезумели! Вас задержат на первой же заставе!

– Хватит, Стефан. Мне уже не восемнадцать!

Они вышли за ворота кладбища. Их с братом лошади стояли у коновязи, лениво пома- хивая хвостами.

– Пстой. – Стефан понизил голос. Мертвые не подслушивают, а вот живые... – Ты хоть понимаешь, что вы обречены? Что это ваше восстание...

Он осекся, глядя на брата. У того глаза стали совсем темными, лицо – закрытое, как на ключ. Он фанатик, а фанатики ничего не понимают. Им не докажешь.

– Я думал, – сказал брат, чеканя слова, – это наше восстание, Стефан.

– Будь добр, не кричи на всю площадь. – Он отвязал коня, хотел вскочить в седло, но опять забыл о ране. – Ах ты, пес... – Согнулся, часто задышал, пережидая боль.

Марек хотел помочь ему, но Стефан высвободился и сам худо-бедно взобрался в седло. Выехали они из города молча; за спинами светло, звонко загудели колокола.

– Отца пожалей, – сказал он Мареку, когда они свернули на дорогу, ведущую в имение. – Больше тебе некого послать? Ты вроде бы командуешь легионами...

– Ты не знаешь этих людей, Стефан. Если они имеют дело с одним человеком, они не станут даже говорить с другим. А письму попросту не поверят.

– С кем ты связался, ради Матери?

Брат не ответил.

В поместье они вернулись в тяжелом молчании, и прервать его у Стефана не было сил, а у Марека, видимо, желания. Белта рассчитывал найти дома пана Ольховского, но тот заехал к себе и раньше вечера быть не обещал.

Зато в гостиной ждал его Вуйнович. Генерал, как оказалось, желал извиниться.

– Ты уж прости меня, мальчик, – сказал он, повернувшись от камина. – Зря я вез его сюда. Только откуда ж я, старый дурак, знал, что он такое выкинет?

– Ну, Матерь с вами, – урезонил Стефан. – Будто вы не были молоды и не искали ссор...

– Я никогда не бросался пустыми обвинениями, – отрезал старик. – Ты, я думаю, тоже.

– Ну я могу только надеяться, что урок пойдет ему на пользу.

Стефан взял у Дудека стопку сливовицы, а генерал со вздохом отказался – сердце таких возлияний уже не допускает. И снова – этот подозрительный, «портретный» взгляд.

– Рад, что ты не держишь на него зла.

– Знаете, – проговорил Стефан, – о моих отношениях с цесарем я слышал... многое. И, к сожалению, обычно находился в ситуации, где не вправе был искать удовлетворения. А этот юноша... излишне горяч, но в нашем деле это едва ли станет помехой. Однако ему можно доверять – ведь иначе вы не привели бы его сюда?

– Его отец был моим другом. Ты же знаешь – о нем и его сыновьях. Все трое – в один день... Мне повезло, не пришлось сообщать об этом вдове. Державники взяли это на себя.

– Пани Стацинская еще жива?

– Жива и здравствует и не хотела отдавать мне сына. Он воспитывался далеко от нее, в закрытой церковной школе. Правильный выбор, я думаю, у монахов его не стали бы искать.

– Интересно, что за школа, где учат такому владению саблей...

Генерал показался озадаченным.

– Честно признаюсь, никогда не спрашивал...

Стефан догадывался, что у генерала и вдовой пани находились другие темы для разговора. Не суди – и не судим будешь...

– Феликса мне представили недавно. Он показался мне похожим на своего отца. Храбрый мальчик. Он захотел участвовать в нашем деле, и, честно говоря, меня это не удивило. Но я никак не ожидал, что он окажется хамом...

Генерал выглядел расстроенным, снова теребил воротник мундира – и Стефан понял, что этого Феликса Вуйнович будет защищать как родного сына. Тем более что своих сыновей у генерала нет.

– Надеюсь, с ним будет все хорошо... Я хотел бы навестить...

– Я только ходил к нему; он спал, когда я вышел. Но, думаю, чуть позже Феликс прекрасно сможет говорить с тобой... и я очень надеюсь, что он тоже принесет извинения.

Стефан собрался во флигель после обеда, но в коридоре остановился, услышав клавесин. Видимо, Юлию упростили поиграть, и теперь звуки клавесина, как мягкое старинное кружево, обволакивали дом. Стефан, заслушавшись, подошел к дверям гостиной – и услышал, как она поет.

*Спи, дитя, не нужно плакать,
Козодой поет у двери,
А на кладбище за полем
Две могилы под крылами
Ангела – в тени зеленой
Дерева, что, будто руки,
Ветви в стороны раскинув,
Стережет покой последний
Неизбежной вечной спальни...*

Он узнал старинную грустную балладу – а там, в поле, не узнал, но сейчас ему казалось, что именно эту мелодию играла пастушья свирель...

*Две могилы у ограды
Самой, чтоб не расставаться,
Разделенные забором,
Отгороженные души...*

Стефан простоял так все время, пока песня не закончилась; а потом в гостиной сказали:
– Мать с вами, пани Юлия, что ж вы выбрали такую грустную песню?
– Сама не знаю, – ответила она, закрывая крышку клавесина. – Честное слово, не знаю...

Глава 5

Песня Юлии пробудила в нем смутное беспокойство. Стефан поглядел в небо, выйдя на крыльцо, но оно было нежно-голубым и грозы не обещало. А предчувствие ее все равно копилось где-то в сердце.

Марийкиным флигелем называли добротное двухэтажное строение, по имени обитавшей в нем когда-то экономки-долгожительницы. С крыльца его не было видно, так хорошо флигель прятали толстые стволы и буйно разросшиеся ветви платанов. Отец хоть и не стал выгонять Стацинского, но и находиться с ним под одной крышей не захотел.

У высокого, чуть покосившегося крыльца генерал Вуйнович распекал слугу, приставленного ходить за раненым. Слуге, судя по лицу, казалось, что он при Креславле, под огнем: вот-вот упадет в траву и прикроет голову руками.

– Да не знаю я, пан генерал, – донесся до Стефана его жалобный голос. – Я ж только пообедать отошел, а он спал... Вернулся – нет, как краснолюды унесли...

– В таком возрасте краснолюды уже не уносят, – сказал Белта, приблизившись. – Думаю, пан Стацинский просто не захотел далее пользоваться нашим гостеприимством...

Слуга в его присутствии немного осмелел.

– А меня, пан генерал, не за тем ведь ставили, чтоб я за ним следил, как за пленником. Может, их милости вздумалось воздухом подышать, прогуляться...

– Прогуляться? – переспросил Вуйнович, которому самому воздуха явно не хватало. Он вздохнул судорожно, широко разинув рот. – По-твоему, в таком состоянии гуляют?

Обернулся к Стефану, барабана пальцами по пуговицам мундира.

– Я не знаю, что произошло, – сказал он хмуро. – Утром мне не казалось, что он собирается уезжать. Ты, разумеется, считаешь его трусом...

– Нет, – честно сказал Стефан. – И вы бы не считали, если бы видели его сегодня утром.

Вуйнович был прав в одном – с таким ранением можно сесть в седло, можно даже доехать... до ближайшей деревни. Если только юнец не принадлежит к той же породе, что и сам Стефан.

– Я попрошу отца, чтоб послал кого-нибудь посмотреть. Будет прискорбно, если он свалится с коня или попадет в болото...

– Спасибо.

Когда Стефан уже собрался искать отца, думая про себя, что вряд ли скоро увидит Стацинского, генерал сказал ему в спину:

– Не знаю, почему мне кажется, что ты лучше моего знаешь, куда он мог уехать.

– Да что вы, я понятия не имею...

Куда – он и в самом деле не знал. А вот почему – догадывался.

Стацинского не нашли. Хозяин таверны по дороге сказал слуге, что видел чрезвычайно бледного господина, который подкрепился сливовицей и умчался по дороге на Швянт. Стефан доложил об этом Вуйновичу, тот махнул рукой и еще раз извинился. И ел его глазами остаток дня, будто Белта сам устроил мальчишке побег. В старости люди часто бывают подозрительны и беспокойны без повода.

У Стефана же было достаточно поводов для беспокойства, и отъезд Стацинского был среди них не первым. Жаль, что нельзя расспросить о медальоне и о той могиле. Ну что ж, в следующий раз. Без следующего раза не обойдется.

Марек, как всегда и бывало в их ссорах, подошел к нему первым. Положил руку на плечо.

– Прости, брат. Я опять тебе наговорил. Не хочу, чтоб мы так расстались.

Стефан увел его наверх, усадил в заскрипевшее кресло.

– Марек, послушай меня. Ты же сам понимаешь, что восставать имеет смысл только в случае войны? Иначе не инсurreкция это будет, а избиение младенцев.

– Я знаю, – напряженно сказал Марек, глядя на брата снизу вверх. – Я тебе об этом и говорил.

– Хорошо. Допустим, вы повезете сюда оружие. На границе вас перехватят, не сомневайтесь. Усилить стражу в несколько раз они уже успели. Тех, кого поймают, казнят. А теперь представь себе, что будет, когда весть об этом донесется до столицы... или хотя бы до Университета. Особенно если ты будешь среди тех, кого схватят. Сын князя Белты, с соколом на гербе.

Марек жестом остановил его:

– Под княжеской фамилией я уже умирал, второй раз не собираюсь. Я не такой подлец, чтоб подставлять под удар отца... и особенно тебя. Вот мои бумаги, и вот мое теперешнее имя.

Он порылся за пазухой и извлек сложенный вчетверо дорожный пропуск на имя Фортунато Пирло, доброго горожанина Луриччи, нарочного дома «Черроне и сыновья».

– Настоящий? – Стефан поднял брови.

– Разумеется. Это здесь пан Ольховский может очертить меня кругом... а бумагу лучше иметь не выколдованную.

Дожили. Сын князя Белта мотается по дорогам под именем чезарского торговца.

– Речь сейчас не об этом. Как вы собираетесь везти оружие?

И снова это закрытое лицо. Стефан и сам понимал, что некоторых вещей ему лучше не знать, но сейчас молчание брата его задело. Он отошел к потухшему камину. Духи, высеченные на чугунной плитке, безуспешно пытались разжечь огонь.

– Если вы сейчас попадетесь, с нами расправятся раньше, чем мы успеем подняться.

– А если завтра чезарцы задружатся с твоим цесарем – нас прихлопнут как мух!

Прихлопнуть в самом деле могли. Чезарцы не настолько щепетильны, чтоб при изменившемся ветре беречь чужой груз, тем более если груз этот – повод для войны. Стефан вздохнул:

– Хорошо. Что бы там у вас ни хранилось – это надо вывезти из Чезарии. Но ни в коем случае не ввозить в Бялу Гуру.

Марек нахмурил брови так сильно, что морщина посреди лба стала похожа на шрам.

– Я и сам это знаю. Но во Флорию мы это не повезем, там довольно нашего добра. Может быть – в Чеговину, туда сейчас отовсюду свозят оружие, лишнюю партию могут и не заметить.

– А они потом вспомнят, что это было наше оружие?

Хоть бы он одумался... Да ведь даже если одумается – разве мало причин, по которым Бяла Гура может вспыхнуть и прогореть вхолостую, не дожидаясь поддержки? Если, не дай бог, добрый цесарь захочет набрать здесь добрых солдат для своей Державы... Конечно, Лотарь неглуп и не считает белогорцев настолько благонадежными. И у него есть саравы, которые с удовольствием пойдут бить чеговинцев и без жалования...

– Отец сказал, что даст деньги на корабли, – вдруг сказал Марек.

Стефан засмеялся. Старый Белта ни в чем не мог отказать младшему сыну. Просит коника – значит, будет коник; захотел солдатиков – будет полк разноцветных гусар с блестящими саблями.

А сын вот вырос. Солдатики нужны настоящие.

– Стефан... Ты думаешь, у нас есть такие деньги?

Хороший вопрос. Конечно, Белта – одна из первых семей Бялой Гуры, князя с первой скамьи Совета, и даже после конфискации, когда отобрали палац в Швянте, у них кое-что осталось. Теперь отец живет скромно – куда скромней, чем они привыкли, не отличишь от средней руки помещика. Оттого ли, что беден, – или оттого, что копит деньги на другое?

– Я знаю об этом не больше твоего, – вздохнул Стефан. – Я ведь еще реже переписывался с отцом, да и не стал бы он о таком сообщать в Остланд...

– Я спросил его прямо. А он, как обычно, завел разговор о княгине Магде.

Стефан возвел глаза к небу. О княгине Магде они с братом наслушались еще в детстве. Согласно одной из легенд, когда у княжества не хватало денег на оборону, благотельная княгиня продала собственные украшения, чтобы помочь армии. Значит, и отец собирается этим заняться – продавать фамильные драгоценности... Стефану вспомнились отчего-то поджатые губы и неодобрительный взгляд тетки Цецилии.

– Я не знаю, что он делает. – Марек помрачнел. – Нам нужны эти корабли, но я не хочу, чтоб он вот так разбазаривал твое наследство.

– Какое наследство?

– Семейное. Даже если отец и захочет что-то оставить мне, не слишком удобно завещать деньги мертвецу...

– Не удобнее, чем бастарду, – заметил Стефан.

Марек приподнялся в кресле.

– Не смей. Не смей вот этого, слышишь?

– Ты же сам знаешь...

– Не знаю и знать не хочу. – Брат покраснел от злости.

Стефан даже растерялся.

– Ну хорошо, Матерь с тобой, не кипятись... Но уж о моем наследстве беспокоиться не надо. Мне неплохо платят на цесарской службе...

– А когда тебя уволят с этой службы и лишат привилегий? – Голос у брата стал жестким.

– Что ж, я не думаю, что на Ссылных хуторах буду сильно нуждаться. Говорят, там ведут довольно простую жизнь...

Марек уронил голову на руки.

– С тобой невозможно говорить серьезно, Стефко!

– Ну не о деньгах же, – сказал Белта. Он шагнул к Мареку, на секунду прижал его голову к животу, погладил по макушке, отпустил. Собрался было уйти, но брат сказал резко:

– Постой. Теперь я тебя спрошу. Что со Стацинским?

– А что с ним? – Стефан изобразил равнодушие, хоть и знал, что брат на это не купится. – Ему стало стыдно, и он удрал. Я надеюсь, что стыдится он оскорбления, а не того, что проиграл дуэль, но с этими юнцами никогда не знаешь...

– Он едва не убил тебя, – устало сказал Марек. – Я еще не видел, чтоб кто-то дрался с тобой – так.

– Но ведь не убил, – медленно проговорил Стефан и сел наконец сам – на диванный валик.

Что, больно, князь? Готов поспорить, что да...

Он будто и не желал смерти Стефана. Просто хотел проверить догадку...

Кто-то въехал во двор, из-за окна донесся стук копыт и чуть спустя – звучный голос пана Ольховского, призывающий конюшего.

На лестнице Стефан столкнулся с Юлией. Она сменила прическу после поездки в церковь, уложила тяжелую косу вокруг головы и стала похожа на старинную мраморную статую: такая же статя – и такая же хрупкость. Стефан подумал, что душа у него, наверное, никогда не перестанет замирать, при виде ее – останавливаться, с ходу налетев на ее красоту, на эти огромные серые глаза.

– Вы бы отдохнули, Стефан, – сказала она с легкой досадой. – Что за суета... Вот так раненые пошли, один попросту сбежал, и другому не сидится...

– Я отдохнул во время мессы, – признался Стефан. – Надеюсь, добрый отец не счел это за неуважение.

– Я молилась за вас, – сказала Юлия, и он будто вернулся на десять лет назад. – У нас, женщин, незавидная участь. Вы делаете глупости, подвергаете себя опасности – а нам остается лишь молиться.

Стефан не мог смотреть ей в глаза и уставился на перила лестницы; на ее руку с тонкими пальцами и покрасневшими, будто от холода, костяшками. На ее обручальное кольцо...

«Зачем ты просил прощения сегодня? Какой в этом смысл?»

– Не беспокойтесь за меня, Юлия. Все уже зажило.

Он лгал. Душа саднила всякий раз, как он видел ее, и еще больше – когда не мог ее видеть. И теперь стало только хуже, потому что он знал: ни времени, ни разлуке этого не стереть.

– Ну да. Разумеется.

Стефан наконец посмотрел ей в глаза – там не было ничего, кроме сочувствия к его боли. Это одновременно принесло облегчение и разозлило, потому что он надеялся увидеть там, в самой глубине, что ей тоже больно.

Мать добрая. Насколько все же скверным бывает человек...

Стефан поклонился ей суше, чем следовало, и Юлия прошла дальше по ступенькам, молчаливая и покорная, будто призрак.

Будто провидение подгадало – когда Стефан спустился в гостиную, пан Ольховский был там один. Судя по доносившимся из-за окна голосам, гостей увели в сад, хотя ранней весной смотреть там было нечего. Вешниц уныло сидел в кресле, куда едва вмещался, барабанил себя хлыстом по сапогам и Стефановой компании обрадовался. По меньшей мере поначалу.

Белта начал издали:

– Пан Ольховский, вы ведь проверяли меня на глаз, когда я приехал?

– Я всех проверял. Не бойся, нет на тебе ни глаза, ни следа...

– Лишний раз бы не помешало. Я боюсь. Вам это игрушки, а, не дай бог, власти прознают, что тут за беседы ведут... У Самборских за меньшее дом сожгли.

– Игрушки, значит, – хмыкнул вешниц.

Стефан промолчал.

– А насчет бесед... Ты только обижаться не изволь, панич. Это ты семь лет назад был первый повстанец на деревне. А сейчас... Сейчас ты правая рука цесаря, чуть не первая должность в Остланде. Кто ж в присутствии остландского министра будет запрещенные речи говорить?

Наверное, и следовало обидеться, но Стефан молил Матушку, чтоб это было правдой, чтоб само его присутствие могло оградить их от лишних подозрений.

К тому же это дает надежду, что их больше и у отца собрались далеко не все. А только те, кто доверяет... действительному цесарскому советнику.

– Но если нет следа, то как они меня нашли? – спросил он больше у себя, чем у вешница.

– О ком ты, панич?

Пан Ольховский время от времени поглядывал на часы. Верно, приближалось время ужина. Гости возвращались из сада; по лестнице рассыпались веселые, возбужденные голоса.

– Я вот что еще хотел спросить, – заторопился Стефан, видя, как вешниц оживился. – Тогда, давно, после приступа, помните, вы читали мне книгу? Я искал ее сегодня и не нашел. Неужели она осталась в палате?

– И что тебе опять в этих книгах, – вздохнул пан Ольховский. – Что, не все еще узнал?

– Я хочу знать, кто я такой. Что я такое.

– Все вокруг знают, кто ты.

– Должно быть, я один не знаю.

– Ты Стефан Белта, сын Юзефа Белты, и ни ты, ни твой отец, слава Матери, герб не оскрамили. Вот и все, что людям надо знать... и все, о чем тебе нужно помнить.

– Меня сегодня хотели убить, – он выпрямился, – а я с трудом понял – за что.

– Этот малец?

– Малец, – кивнул Стефан. – Пан Ольховский, знаете вы такую эмблему – меч на фоне закатного солнца? Или рассветного... кто его знает.

Вешниц помрачнел.

– Где ты его видел?

– На шее... у «мальца».

Пан Ольховский прошелся по гостиной, зачем-то пошуровал и без того хорошо горящие дрова в камине. Опустился грузно в кресло у противоположного конца стола.

– Это лучше у святых отцов спрашивать. Не по моей это части. Но такие вот медальоны... Их от вурдалаков носят. Чтобы знать, когда таковой поблизости, и защититься.

– А что это за знак?

Пан Ольховский снова помедлил. Покачал головой:

– Не знаю. Говорю ж, у церковников надо узнавать. Их какой-нибудь орден.

Он явно лгал, и Стефану стало неприятно, потому что с ним вешниц был неискренен в первый раз.

– Я уже не ребенок. И солнце это я помню. Я не так много понял в той книжке, но иллюстрации там были хорошие.

Задвигались с механическим скрежетом – будто кто отпирал дверь – дивные позолоченные птицы на старинных часах. Долгим значительным боем они отбили восемь. И сразу за ними раздался гонг, на секунду повиснув в гостиной эхом.

– Вот и ужин, – с нажимом сказал пан Ольховский.

Стефан сделал вид, что не услышал:

– Жаль, что я помню оттуда только отрывки. Почему отец отобрал ее тогда? Да и еще и на вас рассердился, что дали мне почитать...

– Отец твой взял с меня слово, – сказал вешниц, поднимаясь, – ни с тобой, ни с кем еще об этом не говорить. А я своего слова не преступаю... А-а, к псам! – рассердился он вдруг и со злости хлопнул ладонью по спинке стула. Стул упал, загремев. Пан Ольховский, кряхтя, поднял его, шуганул сунувшегося в дверь испуганного слугу, сказал: – Медальон этот носят слуги ордена Святого Анджея. Помнишь, кто такой?

– Тот, который был отшельником и говорил с птицами? – рискнул Стефан.

– Тот, кто защитил Добрую Мать от волков, – укоризненно сказал вешниц. – Ты бы, панич, прежде той книжки добрые книги почитал...

– Так что это за орден?

– Кто говорит, что он есть, – голос колдуна зазвучал таинственно – будто снова рассказывал страшную сказку десятилетнему Стефеку, – а кто, что его нет. Орден этот в церковных книгах не записан и нигде не числится. Но говорят, что люди святого Анджея по всему миру борются с нечистью...

Нечисть. Это прозвучало обыденно и жестоко.

– С какой именно? – спросил Стефан.

– Со всякой, но более всего – с оборотнями и вурдалаками.

Дверь гостиной распахнулась, в проеме стоял отец и хмурился – будто в точности слышал их разговор.

– Вы двое, ужинать не собираетесь?

За едой на сей раз наступило затишье. О восстании почти не говорили. Вуйнович сидел мрачный, едва ковыряя еду вилок, и на участливые вопросы Юлии отнекивался с неуклюжей галантностью. О поединке тоже не сказали ни слова, хотя в другое время это дало бы нескончаемый повод для разговоров. Отец до неприличного тихо беседовал со Вдовой. До Стефана несколько раз донеслось слово «порт». Яворская, должно быть, тоже помнила о святой Магде.

Говорили, что Вдова живет на родительское наследство – от воеводы ей ничего не осталось. Отец ее был когда-то человеком богатым, но говорили, что она много расходует на содержание сирот, оставшихся после восстания, – и салона, где собирались люди не самых продержавных настроений. Яворскую давно следовало бы занести в ту же добрую книгу, что и святую Магду...

Стефан устроился рядом со Станом Кордой.

– Можно поговорить с тобой как со стряпчим?

Тот хмыкнул.

– Сегодня меня уже второй Белта об этом спрашивает.

– Отец?

Корда кивнул, с увлечением разделявая жареного кролика.

– Как у нас дела? – прямо спросил Стефан.

Корда взглянул искоса.

– Не так плохо, как может показаться. Но я предупредил князя, что неразумно будет пытаться проплатить мировую революцию.

– Так я и думал...

– Полагаю, его светлость заговорит с тобой об этом сам. А нет – тогда и я не смогу многого тебе сказать. Я не вправе обсуждать завещание без разрешения князя.

– Завещание? – Стефан невольно бросил взгляд на отца. Тот выглядел вполне здоровым... но все-таки зря они выдумали историю с болезнью, не хватало еще накликать...

Корда попытался его успокоить:

– Если я правильно понимаю, князь желает сейчас распорядиться большими деньгами.

Для этого он и приводит дела в порядок...

– Боюсь, если отец нацелился на мировую революцию, завещать ему будет нечего...

Корда вздохнул, почесал переносицу.

– Между нами, денежный вопрос представляется мне важнее того, где будут высаживаться легионы.

Стан был прав, хотя тот же Вуйнович поморщится от мысли, что иногда ради свободы приходится побираться. Но серьезные разговоры этим вечером так и не заладились. После ужина отец снова попросил Юлию сыграть, и дом будто переместился в прошлое – безмятежное, колышущееся, как тюлевая занавеска на ветру. И старый Белта глядел на Юлию будто из-за этой занавески, взглядом мечтательным и слепым, как если бы на ее месте он видел другую. Но Катажина не умела играть на клавесине, она и близко к нему не подходила.

Юлия не пела больше грустных баллад, одну за одной она отстукивала на клавишах веселые мелодии и сама раскраснелась и развеселилась. Танцев не устроили только потому, что дам не хватало, и даже Вдове вальсировать было несподручно – в мужском-то платье...

Марек в общей суете ускользнул наверх – собираться в дорогу. Когда Стефан поднялся в его комнату, слуга развешивал отчищенный и отглаженный дорожный костюм. Самый простой, из плотной ткани, которая выдержит любое путешествие, – но со щегольским жилетом под курткой и кружевным платком, чтоб повязать на шею. В такой одежде Марека легко будет спутать с любым курьером из чезарского торгового дома. Весь багаж брата уместился в двух седельных сумках.

Новая, совсем неизвестная жизнь была, как видно, брату по вкусу. Если Стефан даже во времена бурной дружбы с цесарем свое положение в Остланде воспринимал только как временное и все равно неосознанно ждал окончания ссылки – Марек в свое изгнание нырнул с головой; для старого дома и отца с братом там оставалось не так уж много места. Стефан думал теперь с досадой, что они не успели как следует ни о чем поговорить, чтоб хоть как-то заполнить странную пустоту, которая теперь их разделяла. Он стоял в дверном проеме и наблюдал за братом – как тот, увлеченно насвистывая и мешая слугам, проверяет, всё ли те положили в сумки. Ему вспомнилась их дурацкая детская игра, когда открывали наугад любую книжку и

вслепую отмечали пальцами строчку, спрашивая: «Что у меня есть? Что у меня будет?» Вот и Марек сейчас как та книга: открой наугад, спроси: «Что у тебя есть?» – и ответ покажется таким же нелепым и таинственным.

Брат отослал слугу наполнить на завтра фляжки. Стефан вступил в комнату, уже сейчас кажущуюся опустевшей, хотя Марек почти не взял вещей из дома.

– Я не повезу его сюда, – сказал брат. – Постараюсь договориться, чтобы отправили к чеговинской границе...

– Знаешь, – проговорил Стефан, – иногда мне жаль, что нельзя остановить время. Если бы оно могло замереть сейчас, пока мы дома и ты не уехал... Впрочем, тебе это вмиг бы наскучило.

– Да и ты бы вряд ли продержался дольше моего. Тебе бы скоро постыло сидеть и поедать глазами Юлию...

Стефан передернул плечами.

– Я правильно понимаю, Стефко, что в Остланде у тебя никого нет?

– Нет, – ответил он резко. У него там и в самом деле никого не было – кроме нескольких девиц из известного дома на Малой набережной, которых он навещал строго по определенным дням. Стефан не мог допустить, чтобы кто-то понес дальше его проклятие. – А у тебя, ты говорил, есть?

Марек улыбнулся, потянулся к висящей на стуле куртке и вытащил из кармана портретик. С миниатюры улыбалась пышная темноволосая красотка. Она выглядела доброй и настолько легкомысленной, что Стефан про себя пожалел брата.

– Ее зовут Сесиль, – сказал Марек, все еще улыбаясь, но теперь уже с грустью. – Она была очень добра ко мне, когда я только приехал в Люмьере... Но знаешь, если меня убьют, она без труда найдет себе другого... Это Флория. Там даже девушки куда свободнее наших.

– Тебе там нравится, верно?

Марек пожал плечами и убрал портретик на место.

– Я вернусь, Стефан, – сказал он – четко и громко, так что его голос неожиданно наполнил комнату. – Но в этот раз я вернусь не один.

Когда они спустились вниз, клавесин уже был закрыт, а в гостиной остались только отец и Вдова, которые играли в карты. Юлия тоже ушла спать: голова разболелась от музыки.

– Помогайте, – потребовал отец. – Пани воеводова решила устроить мне второй Креславль...

– Ваш отец клеветает на бедную женщину, – заявила Вдова, вынув изо рта трубку и сосредоточенно вглядываясь в карты. – Это мне тут нужна помощь рыцаря...

Рыцарем ее на вечер стал Стефан, рассудив, что Мареку не захочется даже в шутку быть против отца. Старый Белта проиграл. Расселись, начали новую игру. Вдова Яворского перед тем, как взять карту, сжимала губы и прикрывала глаза; Стефан догадывался, с кем она совещается. Возможно, воевода ей отвечал – карта шла необычайно. Вдова толкала Стефана локтем в бок, а старый князь ругался в усы, называл Марека непутевым сыном и жаловался на женское коварство.

Шкатулка лежала на столе в его комнате. Стефан не сразу ее заметил, потому что не полностью свыкся с обстановкой. А заметив, узнал сразу – лакированный ящик из темного дерева, в каких отец хранил переписку. Видимо, пан Ольховский решил окончательно нарушить слово. Больше некому – отец позвал бы Стефана в кабинет, а другие... не осмелились бы трогать шкатулку. И лучше не думать, как именно вешниц извлек ее из-под замка.

Стефан провел пальцами по гладкой крышке с семейным гербом. Стоило вернуть ящичек на место и не опускаться до чтения чужих писем. Но... вешниц семьи Белта ничего не

делал зря. Даже если с первого взгляда это казалось совершеннейшей глупостью и вздором. У Стефана до сих пор стоял перед глазами его танец – и ошалевшие лица повстанцев. Окружившие их державники тоже опешили на минуту, когда от кучки измотанных бойцов отделился толстый немолодой человек. Грузно и неловко отпечатывая шаги на размокшей глине, он изобразил какой-то странный гопак. Причмокивал губами, прищелкивал пальцами. По рядам остландцев пошли смешки, кто-то из своих натянул арбалет, пожалев спятившего старика. А потом под его ногами дрогнула земля, лес пошел кругом, слился в единое пятно, небо с землей на миг поменялись местами. Когда мир перестал крутиться и складки неба опали, оказалось, что лес вокруг совсем другой, а остландские солдаты куда-то исчезли. Пан Ольховский перенес их на несколько десятков миль, прямо к ставке Войты. Генерал тогда собственноручно приколот вешницу «сокола» на грудь...

В конце концов, если вернуть письма сейчас, отец все равно разозлится на пана Ольховского. Так пусть хоть будет за что...

Стефан сперва подумал, что найдет там письма к Беате – от... братьев и сестер по крови. Потом вспомнил, как Войцеховский взмыл в небо стайкой летучих мышей. Пожалуй, вздумай они поговорить с ней – пришли бы лично...

И все-таки он ненамного ошибся. Первое письмо было от Войцеховского.

Светлый князь, – писал он, сопроводив это обращение десятком поклонов и фиоритур, которые давно уж вышли из моды, – я знаю, что Вы не обрадуетесь, получив это письмо, и тем не менее моим долгом было написать его. Я догадываюсь, что Беата хранила свое истинное происхождение от Вас в тайне, и посему события, предшествующие ее гибели, как и сама эта трагедия, должны были стать для Вас истинным потрясением. Я нижайше прошу Вашу Светлость простить меня, понимая, что этим письмом касаюсь незажившей раны. Если я позволил себе эту бестактность, то исключительно из тревоги о сыне Беаты, который также является Вашим сыном и наследником. В жилах мальчика течет кровь Беаты, он унаследовал то, что мы называем Даром, а люди именуют проклятием, и потому его жизнь теперь под угрозой. Среди людей принято считать нас воплощением зла, и будет объяснимо, хотя и прискорбно, если Вы захотите избавиться от ребенка. Собственно, цель моего послания – просить Вас в том случае, в коем Вы не захотите оставить мальчика у себя, передать его нам, родичам Беаты, чтобы мы заботились о нем так, как и надлежит заботиться о родной крови. Я верю в Ваше милосердие, которое не позволит Вам выдать ребенка ордену истребителей.

Однако я надеюсь, что Вы не покинете своего сына и наследника. Я же, в свою очередь, обещаю всегда быть верным другом Вашей Светлости и мальчику и охранять его по мере моих сил от любой опасности. В память о давней дружбе рода Белта и рода Михала, остаюсь вашим преданным слугой и союзником, Ласло Войцеховский, принц крови.

Стефан опустил письмо обратно в шкатулку и машинально взялся за следующее. Послание датировалось на семь лет позже первого; в нем Войцеховский объяснял, что следует делать, буде у ребенка начнется приступ.

Первые симптомы припадка – бледность, слабость, шум в ушах, резкая и сильная жажда. Часты и обмороки. Чтобы привести ребенка в чувство, следует напоить его несколькими каплями свежей крови. Однако не давайте

ему больше, поскольку он воспитывался как человек и не имеет к крови привычки; излишек может стать для него смертельным.

Еще несколько – в них «принц крови» интересовался делами Стефана. Очевидно, что старый Белта отвечал на письма – может быть, сухо и скудно, но не прерывая переписки и задавая вопросы, на которые Войцеховский отвечал подробно и с удовольствием.

Последнее письмо в пачке пришло, судя по дате, в самом конце восстания – когда сам Стефан еще рыскал по Флории в поисках оружия.

...Без сомнения, мои письма скоро будут казаться Вам подобными воронам, что приносят лишь черные вести. Тем более мне жаль, что приходится писать это в такое тяжелое для Вас и княжества время. Но моим пером движет тревога за Стефана. Я боюсь, что наши усилия скрыть мальчика от анджеевцев не увенчались успехом. Орден знает о его происхождении; Вы, должно быть, уже получили письмо с просьбой рассказать им о ребенке. Поскольку теперь я знаю Вас, то могу догадаться, каким будет Ваш ответ. В нашу пользу играет лишь то, что анджеевцы не убивают, не убедившись предварительно, что имеют дело с нашей кровью. Это позволяет нам выиграть время. Я позволил себе поразмыслить о возможном убежище для Стефана. Оставаться во Флории для него было бы рискованно, у Ордена там многочисленные связи.

Есть, однако, другая земля, куда путь анджеевцам закрыт, ибо там не признают иного бога, кроме цесаря, и все ордена запрещены. Вам это покажется странным, но Ваш сын будет в наибольшей безопасности в Остланде. Никого не охраняют с таким рвением, как остландцы своих пленников. К сожалению, для нас также чрезвычайно трудно попасть за Стену. Однако мне повезло иметь родственника достаточно близко от трона; если Ваша светлость даст согласие, мы могли бы внушить цесарине мысль, что Ваш сын будет полезен ей как заложник...

Стефан еще раз взглянул на дату. Зачем-то очень аккуратно сложил письмо и долго правлял пальцем загнутый уголок. Потом развернул и перечитал снова.

Значит, то послание не стало для отца неожиданностью – так же, как и сама воля остландской цесарины...

За окном замолкли птицы, и Стефан очнулся в мертвой тишине. Дом молчал, старые его внутренности не скрипели и не вздыхали; только где-то на галерее безутешно рыдала пани Агнешка.

Глава 6

Марек уехал рано утром, ни с кем не попрощавшись. Стефан предчувствовал, что так и будет: брат никогда не любил долгих прощаний и слез, а дождавшись дня, рисковал получить и то и другое. Стефан, который лишь перед рассветом заснул вымученным сном на диване среди разбросанных писем, проснулся от стука копыт. Он успел только осенить брата знаком из окна, морщась от взошедшего солнца.

В следующий раз я вернусь не один.

Дай-то Матушка. Главное, чтоб вернулся.

На отца было больно смотреть. Он все время за каким-то делом поднимался в комнату Марека и оставался там надолго, разглядывая оставленный послеотъездный беспорядок, как судебный пристав – место преступления, будто выискивая доказательства того, что сын в самом деле тут был, не привиделся ему. Несколько раз он напоминал слугам, чтобы комнату пока не прибирали, хотя нужды в этом не было.

Стефан более всего на свете хотел бы подойти к нему и утешить; он не Марек и никогда не сумеет вот так – одним своим присутствием сминать и уплощать окружающий мир. Но он может хотя бы частично заполнить оставленную братом пустоту. Однако как подступиться к отцу, он не знал, и тем более – как сказать о шкатулке. Теперь, наутро, ему было стыдно за свое любопытство, будто он сам тайком стащил письма из отцовского стола.

Впрочем, об этом не пришлось беспокоиться долго. Ларец исчез так же, как и появился. А через некоторое время пришел слуга и доложил, что отец желает видеть Стефана в кабинете.

Среди своих книг и оружия на стенах старый Белта выглядел по-прежнему непоколебимым. Разве что губы поджаты чуть крепче прежнего.

Стефан молча стоял у стола. Неведомое смущение встало поперек горла, мешая говорить.

– Ну что ты как у цесаря на параде, – бросил отец. – Садись...

Он опустился в тяжелое железное кресло с узорами из мечей и корон на спинке. Провел пальцем по змейке, обвинившей жесткий подлокотник, вспоминая, как приходилось в наказание отсиживать на этом сиденье час или два. Для Стефана эти часы проходили незаметно, а бедняга Марек успевал весь извертеться и ненавидел кресло лютой детской ненавистью...

– Я видел, как ты шептался с Кордой. Он сказал тебе о завещании?

– Только о том, что вы взялись его составлять. Не в его воле рассказывать подробности.

Отец качнул головой. Стефан разглядывал его, пытаясь уловить признаки врага более серьезного, нежели возраст или усталость. Он уже заметил, как при ходьбе отец припадает на левую ногу и, сидя, часто потирает колено. Но от подагры не умирают... Князь, по меньшей мере, не хватался за сердце и не искал воздуха, как Вуйнович. Вот только старые раны должны его беспокоить – хотя бы та, что он получил при Креславле и которой отец был обязан свободой. Старому князю тогда стреляли в грудь. Будь его воля, он и раненым не покинул бы поле боя – но пролежал неделю в забытии, и врач велел везти его домой. Вернуться к повстанцам отец уже не успел. Юлия рассказывала – тогда еще, – как почти не отходила от окна, каждый день ожидая, что за отцом придут. Она распустила половину слуг по домам, от лиха подальше, а оставшиеся притихли – так, что можно спутать с призраками. В опустевшем доме легче прислушиваться к шагам за окном и стуку копыт.

Они пришли в конце концов, разворотили дом, но отца так и не арестовали. Будто и забыли о том, что он воевал. Может, это была необъяснимая милость цесарины, которую та неожиданно обрушивала на своих подданных – и тех, кого ими считала. У князя Белты отобрали дворец в столице и обоих сыновей и, видимо, посчитали, что этого достаточно.

– Матерь с тобой, Стефко, не смотри на меня так, – сказал отец, поднимаясь. – Я не помолодел за семь лет и знаю это без тебя.

Стефан потупился.

– Отец, – начал он осторожно, – вы уверены, что хотите сделать наследником именно меня?

– А что же должно мне помешать? – спросил тот нарочито ровным тоном. В детстве они такого тона боялись.

– Ни одна церковь не признает ваш брак с... с Беатой, если узнает о ее происхождении. Поэтому вашим законным наследником выходит Марек...

– Я венчался с Беатой в храме. И что-то не помню, чтоб икона Матушки кривилась или плакала, когда над нами читали молитву.

– Но...

– Стефко, следи за языком! Ты, во имя всех святых, говоришь о собственной матери!

– Простите.

Старый Белта устало подпер голову рукой. В бледном предполуденном свете, проникавшем в кабинет, он казался старше обычного.

Стефан сказал все-таки:

– Вы же понимаете, почему я спросил об этом. У Марека наверняка уже есть дети, а со временем появятся и те, о которых он будет знать...

– Марек... – начал отец и прервался, и в этой паузе Стефан отчетливо услышал «не жилец». – Ты мой первенец, Стефан. Я не понимаю, зачем здесь вообще разговоры

Старый Белта открыл выставленную на стол шкатулку с документами, нажал на потайной рычаг.

– Здесь все бумаги. Я хочу, чтоб ты посмотрел их вместе с Кордой.

Стефан удивился: вроде у отца были собственные стряпчие.

– Некоторые дела лучше доверять тем, кто здесь не задержится.

– Вы желаете, чтоб я решил, стоит ли тратить деньги на корабли?

Отец не показался удивленным.

– Вам и так пришлось слишком много решать за нас. Но ты имеешь право сказать «нет». Взгляд черных отцовских глаз был таким же четким и неумолимым, как и прежде.

– Я понимаю.

Прежде Стефан обрадовался бы, узнав, что отец на последние деньги решил помочь восстанию.

Отрадно сознавать, что люди все-таки взрослеют.

«Он умирает, – подумал Стефан. – Умирает и потому решил раздать последние долги. Мне, Мареку, Бялой Гуре. Так зовут родственников к сундуку с семейными реликвиями – доставить каждому последнюю радость, чтоб поминали покойного добрым словом».

Стефан передернул плечами от холодной, пронизывающей жути – той, что заставляла его ребенком вскакивать среди ночи, сознавая беспомощно, что его близкие смертны.

Его обида на отца, невысказанная вина – все опиралось на сознание, что отец вечен.

А теперь – после писем – и обид нет, только новая вина и глухая благодарность, ноющая, как старая рана. И как ее высказать?

– Завтра поедешь осматривать имение. – Отец замолчал, погружаясь обратно в угрюмое одиночество. Следовало уйти. Он и пошел, но на пороге запнулся – будто был он колдовской чертой, перейди ее – и возврата не будет, и ничего уже не скажешь.

Ты мой первенец...

– Я... – сказал Стефан звенящим голосом. – Я же... Вы же...

– Ну? – потребовал князь. – Вот и посылай сыновей в Остланд, они у тебя вовсе говорить разучатся...

– Я не знал, – выговорил Стефан. – Отчего вы мне не сказали?

– Да что такое, Стефко?

– Я не знал, что вы отправили меня в Остланд, чтоб защитить. Я думал, что... – Он прикусил язык и не знал, как продолжать.

Отец понял сразу.

– Ольховский, – сказал он тяжело. – Ах ты ж брехло, прости Матерь...

– Пусть брехло. Я предпочитаю знать. Знать, что всю жизнь вы заботились обо мне и оберегали, вместо того чтобы...

Стефан схватил отцовскую руку и поцеловал.

– Ну, – голос старого Белты дрогнул. – Ну, Стефко...

Он сжал его руку двумя своими – теплыми, железно-крепкими, вот и говори о возрасте...

Стефан почувствовал себя совсем ребенком – ребенком, которому отец простил наконец постыдный, тянущий душу проступок.

– А то бы до похорон моих ждал, чтоб отцу руку поцеловать, а? – Отец улыбнулся. – Да... сам я дурак, сам, знаю, что тут скажешь. Хоть благодари теперь Ольховского, старый он бес...

Отец выпустил наконец руку Стефана, что было кстати – тот спешно вытер глаза манжетой.

– Почему вы ничего не говорили? – спросил он после нескольких минут тишины.

– Ты и так всегда знал больше, чем я бы хотел. У тебя была и без того достаточно беспокойная юность.

Стефану пришло в голову, что о «посвящении» князь не знает, как и о том, что ожидает сына, если тот не захочет инициироваться. Возможно, Войцеховский не писал ему об этом. Или пан Ольховский решил, что и старому князю беспокойство ни к чему.

За бумагами Стефан просидел едва не целый день, забыв об обеде. Лужица света на столе сперва пожелтела, потом порозовела. Снизу доносились голоса, но к нему никто не поднимался и не тревожил.

Теперь он понимал, почему Корда решил, будто дела у них идут неплохо. Незадолго до восстания отец заложил почти все свое имущество. Ничего удивительного в этом не было, у многих, кому родина оказалась дороже состояния, после разгрома дела обстояли так же – или еще хуже. А что князь Белта не заложил, то отобрали остландцы. Но здесь, в отцовских бумагах, перечислено было то, что в цесарских документах не упомянули: вовремя убранные с глаз картины, безделушки, привезенные из путешествий и ценные только тем, что было каждой из них не по одной сотне, а то и тысяче лет. Крохи от того, чем владели Белта до захвата Бялой Гуры. Но и они, если удастся вывезти их в Чезарию, могут принести немалый доход.

Только продавать их Стефан не станет и Мареку запретит. А у отца, пожалуй, не достанет сил. После этого остается только заложить фамилию...

Неизвестно, чего добивался отец, отправляя его осматривать земли. Может быть, исподволь просил наконец у старшего сына совета. Поехали ранним утром: Стефан да хмурый управляющий, сказавший, что пусть его застрелят, но молодого хозяина одного по лесам скакать он не пустит.

– На дорогах разбойники, мой князь. И не все отличат ваш костюм от остландского, если вы понимаете, о чем я.

Выехали рано. Слава Матери, день выдался пасмурным, облака надежно скрыли солнце, и лошади бодро трусили под мелким, но упорным дождем. Стефан и сам взбодрился, вдыхая запах влажной, готовой к посеву земли, поднимая голову к мокрому, просторному небу. Он испытывал простую и древнюю радость возвращения на свою землю. Управляющий все молчал. Кажется, он злился на Марека, а заодно и на его брата. Ядзя последние дни ходила как в воду опущенная – теперь только Стефан вполне понял это выражение: с девочки будто смыли все краски, и даже волосы висели сосульками, как у утопленницы.

Только когда Стефан у дорожного креста собрался было по привычке повернуть направо, управляющий окликнул:

– Не туда, мой князь. Там не наши земли больше.

Не наши земли... На бумаге конфискация выглядела не так страшно, но теперь он своими глазами видел, мог сосчитать, если понадобится, – каждую кочку, каждый камень, который у них отняли. Слева и справа от дороги простиралась тоска. Опустевшие хутора, заколоченные окна, брошенные поля.

– Не везде так, – сказал управляющий. – Эти земли теперь державные. Мало кто из господ здесь живет, зато подати требует непомерной... Кое-кто и вовсе удрал на Шестиугольник, а доход продолжают получать. Наши многие не выдержали, уехали. Вроде в город подались на заработки, да только что там, в городе...

Земля без людей, князя... почти без княжества. Вот на что бы пустить отцовское наследство. На восстановление. Ведь опять будет то же самое, и только хуже...

– Что ж вы, не заметили, когда сюда ехали? – спросил управляющий.

Он ведь и в самом деле – не заметил.

– Наверное, я слишком сильно хотел домой...

– Вот так, – сказал пан Райнис, утирая с лица крапинки дождя. – Вот так теперь.

Обедали они у старого помещика, приходившегося Юлии какой-то дальней родней. Путникам повезло: едва въехали во двор, пригибая головы под старыми воротами с почерневшим гербом, как с неба хлынуло по-настоящему. Ливень хлестнул по спинам, вмиг промочил одежду и волосы.

– Вот те раз, – огорошенно сказал хозяин. – А вчера только было солнце...

В доме горел огонь, сустились слуги, собирая скромный ужин – картошка в разных видах да тощая птица.

– Не то чтоб нам плохо жилось, – солидно говорил хозяин, обсасывая крыло. – Пока справляемся, слава Матери. В тесноте да не в обиде. Только вот... гарнизон остландский от нас недалеко. Сначала вежливо себя вели... детишек вот сахаром подкармливали. Я им велел ничего у державников не брать. Говорил я вам? – окликнул он босоного мальчишку лет восьми, прибежавшего с кувшином пива.

Тот сгрузил кувшин на стол и сказал рассудительно:

– А что, дядько, вы б нам больше сладкого давали, так мы б разве у тех стали брать...

– Вот вам патриот отечества! – Хозяин потянулся было дать подзатыльник, но мальчишки и след простыл. – А теперь им самим сладенького захотелось. Дорога из кабака в гарнизон как раз через мои земли идет... Ну и взяли они привычку оттуда возвращаться, ваша милость, сами понимаете, в какой натуре... Вот и пойдешь девкам по воду под вечер... Что ты будешь делать, поехал я к их начальству, попросил, чтоб воздействовали, а то ведь солдаты бесчинствуют. С месяц все было тихо, потом опять – наведались. А девки мои... они, конечно, дуры, холопки, но не такого воспитания, чтоб с солдатней путаться. Одна вон чуть в озере не утопилась, будто у нас и так утопленников мало, прости Матерь. – Он торопливо осенил себя знаком. – А в гарнизоне надо мной только посмеялись. Мол, все знают, что девицы у вас легкого нрава, так что пусть пеняют на себя.

– Вы рассказали об этом князю?

Глаза помещика вдруг полыхнули; он резко выпрямился.

– А не настал еще тот день, когда я к вашему батюшке побегу жаловаться, как дитя к мамке. Я ни за мамкину юбку, ни за княжью власть не прячусь. Сами мы это дело уладили. Если гарнизон пары своих недосчитается, так, может, в следующий раз другой дорогой поедут.

Стефан уронил голову на руки.

Добрая Мать...

– Когда это было?

– Да уж недельку они в лесу мух кормят... А что, муха тоже живая тварь, ее кормить надобно, так лучше державниками, чем нашими...

Помещик гулко захохотал, откинувшись на спинку стула.

Неделю назад. Положим, пока обнаружат, что в лесу нехорошо пахнет, и поймут, что солдаты не дезертировали, пройдет еще неделя. Еще две – на письмо в Остланд с просьбой о разбирательстве.

А потом хозяин поместья сам отправится кормить дружественных мух...

– Вы-то что ж молчали? – напустился Стефан на управляющего. Но тот меланхолично жевал жесткое крылышко и озадаченным не казался.

«Солома, – подумал Стефан. – Хорошая сухая солома, которая может месяцами лежать в амбаре и давать приют всем влюбленным хутора. А потом в один прекрасный день в амбар попадает искра».

Перед восстанием Яворского все было по-другому – или так казалось теперь, а тогда юность туманила взгляд... Тогда Бяла Гура была сильнее, под знамена к Яворскому шли и шли люди, и казалось, что остландскую цепь они порвут шутя, как силач на ярмарке. Но и ненависть была крепче. А теперь и силы не те, ненависть – выцветшая, неяркая, больше похожая на отчаяние.

А желание бунтовать – осталось.

Под конец обеда помещик, изрядно развеселев, стал громко шептать ему, что если-де они с батюшкой все ж соберутся, так у него есть кого прислать в подмогу. То ли он все же доверял остландскому советнику, то ли рассказывал об этом всякому, стоило лишь достаточно выпить.

По пути домой Стефан сказал управляющему:

– Это плохой способ защищать отца.

Тот несколько шагов проехал молча – Стефан решил, что он не услышал. Но управляющий сказал себе в усы.

– Вы давно не были дома, мой князь. Его светлость сильно переменились.

Ваш отец уже не в том возрасте, чтобы травить оборотней...

– Я... понимаю.

– И беспокоить его я лишний раз не стану. Не впервой. Спишут на разбойников.

– Вы думаете, державники его не побеспокоят, когда узнают, что творится на его землях? Лошади разбрызгивали копытами грязь радостно, словно дети, шлепающие по луже.

– Ну хорошо, – сказал Стефан, начиная раздражаться. – Отца не тревожьте, но я хочу, чтоб о любом подобном случае вы извещали меня.

– Так ведь, мой князь, письма там читают. Будет весь Остланд знать, какие непотребности у нас творятся. Да и его светлость этого не позволит.

Захотелось зажмуриться, уткнуться лбом коню в гриву. Это не семья, это, право слово, паноптикум какой-то. Отец, который сколько угодно может просить сына за других и скорей умрет, чем попросит за себя. Брат, связавшийся с чезарскими бандитами и ускакавший под чужим именем неведомо куда. И эта круговая порука, достойная младших классов храмовой школы. Не на родину он вернулся, а в дом для умалишенных...

В разъездах они провели три дня. Раньше бы и за три недели не управились. Да и сейчас, если останавливаться в каждом доме, где князя просили задержаться, времени ушло бы куда больше. Но он и так уже непозволительно задерживался и предвидел объяснение с цесарем.

С угрюмого неба то накрапывало, то лило, и только к вечеру их возвращения дождь утих. На поля опустился мягкий белесый туман, мерцающий слегка, – хоть солнце так и не вышло.

Стефан не ожидал, что настолько устанет. Вдобавок рана на груди саднила, как сразу после дуэли. И хотелось пить. Он осушил свою фляжку, но жажда не унималась, хотя оба они были мокрые, как мыши, и плащ тяжело хлопал по коленям. Будто и не по залитым дождем полям ехал, а по раскаленному песку.

В первый раз он испугался своей жажды.

– Хочется выпить горячего, – пожаловался управляющему. – Может быть, поедем побыстрее?

– Надо было оставаться до утра, князь, я ж вам говорил...

– Я хотел побыстрее вернуться домой... да и сейчас хочу. Стойте, а разве нам не вправо? Управляющий, который решительно проскакал развилку, придержал коня.

– Разве так не будет быстрее? – Стефан озирался: по правде говоря, он был здесь давно и вполне мог что-то путать.

– Быстрее-то быстрее. – Голос управляющего прозвучал совсем близко, хотя его конь по-прежнему был на несколько шагов впереди. – Только дорога там плохая, не ездят по ней...

– А эта, по-вашему, хорошая? – спросил Белта, когда они миновали развилку. Впереди все успело превратиться в светло-желтую промоину, и конца ей во мгле видно не было. Лошадь Стефана прынула ушами, перебрала копытами, не решаясь ступить в холодную бурю воду.

– Ах ты ж пес!

– Так чем плох тот путь? – поинтересовался Белта, разворачивая лошадь.

– Место дурное, князь, – буркнул управляющий. Он был явно недоволен и поехал за Стефаном без всякого желания. Тот гадал, чего следует бояться – волков или разбойников? Никаких топей на его памяти здесь не было...

Жидкий туман загустевал, становился белым, непросматриваемым. Управляющий все озирался, будто пытаясь во мгле что-то рассмотреть, но все, что было теперь доступно взору, – дорога на несколько пядей вперед. Остальное скрыла пелена, Белте она напомнила Стену.

Стена – пожалуй, единственное, из-за чего стоит поднимать восстание. Бялу Гуру на картах уже полвека с лишним закрашивали остландским красным – но при этом она еще оставалась Пристеньем. Хоть выехать за границу и сложно, но, в конце концов, Марек смог... Да и после разгрома многие смогли сбежать, чтоб закончить жизнь в месте повеселее Ссылных хуторов. Нет еще такой безнадежной отгороженности от мира, как в Остланде. Здесь хотя бы воздух пахнет свободой... Оттого – он видел – многие рвутся в Бялу Гуру, хоть на самую незначущую должность, оттого – бросают должности и выделенные земли и сбегают – во Флорию, в Чезарию, куда угодно...

Если и княжество закуют в стены, как сделали до того с Эйреанной, ничего этого больше не будет: ни флорийских легионов, ни чезарского оружия, ни надежды. Там, за Стеной, они навсегда останутся частью Державы, забудут свой язык, забудут, кем были.

Туман оседал на лице, сползал мокрыми каплями по лбу и щекам.

– Отчего же вы не хотели здесь ехать? Дорога ровная, и волков не слышно...

Стефан прищурился: из белесой вязкости выплыла совсем рядом ржавая ограда особняка. Он приободрился: это может быть только Лосиная усадьба старого Креска, а от нее до дома не так далеко. Да и мысль о ночлеге в гостях теперь не претила ему так сильно.

– Смотрите, это ведь поместье Креска, если я не ошибаюсь...

– Ошибаетесь, – ответили ему хмуро. – До Лосиной усадьбы еще часа три езды, да не шагом...

Стефан нахмурился.

– Что же это? Здесь, кажется, никто больше не живет...

– Так и не живут, князь. Вы только родились, они уж отсюда съехали...

– Они? – По спине пробежал холодок, потому что он вдруг понял, о ком речь. – Уж не Стацинские ли?

– Верно. Я думал, ваша светлость их не помнит...

– Теперь припоминаю. – Он не стал рассказывать о заваленной камнями могиле за оградой кладбища. – Отчего же они уехали в Волчью волю?

– У них случилось несчастье. – В голосе управляющего появилась осторожная неловкость, с которой говорят о веревке в доме повешенного. – Дочь погибла, сестра того пана Стацинского, с которым ваша светлость на дуэли бились. Хозяева сильно были расстроены, вот и переехали.

Значит, все же сестра. И теперь по меньшей мере понятно, отчего он почти не знает здешних мест: видно, отец строго запретил показывать наследнику эту дорогу...

– А что же с домом? – Сквозь туман было слышно, как монотонно стучит под ветром забытая ставня. – Отчего говорят, что место дурное?

Ответа не последовало. Стефан обернулся – и никого не увидел.

– Пан управляющий! Пан Райнис! А, чтоб вас... – Вот так и не верь в «дурное место». – Пан Райнис! Эге-гей! Да где же вы?

Темно-серая пелена совсем съела мир; за два шага ничего не видно. Стефан остановился, замолчал, прислушиваясь. Ни звука. Белта раскаивался уже, что потащил управляющего этим путем. Он вертелся на коне, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, нерешительно двинулся дальше по дороге: возможно, Райнис поскакал вперед, потому его и не слышно. Ехал он медленно – пока вдруг не понял, что он совершенно один в тумане.

Жажда стала хуже прежнего, и Стефан понимал уже, что не воды ему хочется. И потому не удивился, когда ниоткуда донесся голос, тот, что он слышал уже после дуэли:

– *Стефан... Иди сюда, Стефан, иди ко мне...*

Он понимал, что идти на зов нельзя, хотел было сопротивляться, но колени его сами сжали бока лошади.

Неясная громада дома Стацинских осталась позади, а голос не утихал.

– *Иди ко мне, Стефан. Иди, дитя мое.*

Голос Беаты... матери.

В конце концов он снова выехал на развилку дорог и подумал было, что идет по собственным следам. Туман постепенно рассеивался, сквозь пелену проступали чистые сумерки. У перекрестка росла одинокая верба; кажется, на той развилке деревьев не было.

Женщина стояла у перекрестка, собрав под горлом шаль; стояла спокойно, непреложно, так что было видно: она ждет кого-то, и ждет довольно давно. Когда Стефан приблизился, она подняла голову, и он узнал ее – бледное лицо, черные горские косы, сверкающие глаза.

– *Стефан, – в мире не стало ничего, кроме ее голоса, – я ждала тебя. Тебе хочется пить, правда?*

Белта спрыгнул с коня и пошел к ней. Говорить он не мог, да и шел как во сне – будто с каждым шагом преодолевал какую-то силу.

– *Не стыдись того, что ты есть, Стефан.* – Голос нарастал. – *Пойди и возьми, что тебе надо. Пойди и утоли свою жажду.*

Он облизнул губы – даже язык был сухим.

– *Я знаю, ты хочешь пить. Ты сумеешь. Это не так страшно. Просто вспомни, кто ты...*

Ты Стефан Белта, сын Юзефа Белты...

Он не мог ответить, мог только вглядываться в ее темные глаза, светлое, будто серебрящееся лицо.

– *Сделай это, Стефан.* – Она протянула руку – там, в совсем прояснившемся воздухе, перемигивались огнями окна хутора. Люди. Жизнь. Кровь.

– *Не надо бояться.* – Голос стал совсем тихим, вкрадчивым, не стучал уже в виски, а мягко обволакивал. – *Я поеду с тобой, сын мой. Нечего бояться. Посмотри, какая яркая вышла луна, она осветит нам путь...*

Одна луна. Одна кровь.

Встало перед глазами перекошенное лицо оборотня. Умоляющие глаза.

– Нет! – Он попятился. Хотел было рвануть прочь, но ноги увязли. Он с трудом поднял руку, осеняя себя знаком. Но даже препоручая себя в руки Матери, он не мог перестать с жадностью глядеть в такие знакомые глаза Беаты.

Заржала лошадь, будто пробудившись ото сна. Поднялась на дыбы, ударила воздух копытами. Пока Стефан ловил поводья, удерживал и успокаивал скотину, женщина исчезла. А хутор стоял по-прежнему, манил огнями. Стефан рванул ворот куртки, ртом хватая воздух, съехал спиной по стволу вербы. Не хватало только в обморок упасть, что твоя барышня... Он прикусил кулак, чувствуя: еще немного, и он вправду поскачет за добычей. Кожу на руке он прокусил и слизывал струйку крови с таким остервенением, что самому стало тошно. Но по меньшей мере в глазах прояснилось – достаточно, чтоб отыскать в кармане флакон с эликсиром и как следует приложиться. И сидеть, отводя глаза от луны и с тоской осознавая, что так плохо не было прежде никогда...

В конце концов он с грехом пополам забрался в седло и спустился по дороге. И разглядел совсем недалеко знакомую церковную башню. Как же он сумел так быстро добраться почти до дома?

– Князь Белта! – вдалеке кричали, поднимали факелы. Управляющий успел уже собрать поисковую кампанию. Стефан пришпорил коня, обрадовавшись огню. С Райниса слетела вся мрачность. Он, похоже, струхнул не на шутку, потому что готов был Стефана едва не целовать.

– Я уж думал, потерял вас совсем, мой князь! Вот уж мне ваш батюшка бы голову снял вместе с шапкой! Говорил я вам – дурное место, говорил – гиблое? Слава Матери, хоть прояснилось, а то так бы и блуждали там до сих пор...

Белта смотрел на его радость и думал – хорошо, что управляющий не оказался в тумане вместе с ним. Иначе мог бы и не вернуться...

С неба и в самом деле светила налитая луна, полночи куда-то пропало. Набранные Райнисом крестьяне с факелами сопроводили их до дома, вполголоса вспоминая истории о нечистой силе и через слово призывая Матушку. Стефан был благодарен им за эти истории и за всполохи огня, расцветивающие придорожные кусты и траву. Он пытался прогнать из памяти образ черноглазой женщины, закутанной в шаль.

Стефану бы и в голову не пришло поведать отцу о случившемся; он ограничился рассказом о том, как потерялся в тумане. Но когда все разошлись, Стефан постучал в дверь пана Ольховского.

Тот, собираясь ложиться, обрядился в старинный халат с облезшей меховой подбивкой. На столе стояла бутылка вишневки, и у вешница уже хорошо покраснелись щеки. Он выслушал Стефана, кивая так, будто именно это и ожидал услышать.

– Это не могла быть твоя мать, панич. Она умерла, и такой смертью, от которой люди ее крови не поднимаются.

– Вампиры, – холодно сказал Белта. – Вурдалаки. Называйте уж вещи своими именами, пан Ольховский.

– Это был призрак, панич. Ты был на ее могиле, вот мать тебе и показалась.

Он покачал головой:

– Вешниц, мы с Марексом в детстве пани Агнешку по галереям выслеживали. И к Убитому кузнецу на кузницу в полночь бегали. Я знаю, как выглядят призраки, – я бы понял.

– Значит, морок. Им нужно, чтоб ты стал таким же, – они тебе и устроили... «живые картины».

– Она звала меня, – выговорил Стефан, глядя, как отражается на лаковой поверхности стола бок бутылки – прозрачно-красным. – Я слышал ее голос... как будто внутри себя. Глупо, но я не знаю, как объяснить по-другому. Так бывает во сне, когда знаешь, что нужно бежать, но не можешь.

Вешниц повел плечами, будто от холода.

– Зов это был, панич, – сказал он со вздохом. – Уж не знаю, отчего ты так дорог той своей родне, но они тебя Звали.

Ночь за окном была на удивление тихой и одинокой. Одиночество это будто пробиралось под одежду, пронизывало, как туман.

Стефан знал о Зове – вешниц рассказывал когда-то. И в трактатах о вампирах – тех, что наверняка были настольными у молодого Стацинского, – везде писалось о Зове. Так вампиры привлекают свою жертву – голос их, другим не слышный, до того настойчив, что у смертного не выходит сопротивляться, и он сам идет к собственной гибели.

– Я не знал, что они используют его против своих, – проговорил Белта. Ему все больше хотелось поговорить с Войцеховским – и все меньше хотелось его видеть.

– Благодарю Матушку, панич, что ты не такой, как мы. У тебя хватит сил им сопротивляться.

Стефан встал, чтоб поплотнее затворить окно. Стоя спиной к вешнице, он спросил сухо:

– Вы знаете, что со мной будет, если я не пойду на Зов?

Комната застыла в молчании.

– Кто тебе сказал? – спросил наконец вешниц.

Стефан не ответил.

– Ты умрешь. Но умрешь человеком... и у тебя на совести будет только твоя смерть.

– Ну, – сказал он, возвращаясь от окна, – на совести у меня и так хватает...

Диван закричал. Пан Ольховский тяжело поднялся и сочувственно тронул Стефана за плечо.

– Батюшке твоему я не говорил, – сказал он тихо. – Не надо ему. А ты бы, панич, пошел завтра в храм. Матушка ответит тебе лучше, чем любой из нас.

В храм он не успел – были другие дела, а отпуск и так затянулся. На следующий день подписали завещание. По воле старого князя часть состояния отходила Юлии («а то ведь у тебя все конфискуют, и девочка останется без средств»), еще часть – горожанину Луриччи Фортунато Пирло. Но основным состоянием, если с отцом вдруг что-то случится, распорядиться придется Стефану. И ему же – оплачивать мировую революцию...

Думая об этом – и стараясь не думать о предыдущей ночи, – он забрел в сад, который тут называли «женским»: он был разбит для Стефановой бабки и один сохранил теперь былое величие. Отдыхали на увитых розами постаментах белые мраморные девы с пухлыми локотками, играли на свирели, небрежно спустив ногу с постамента, мраморные юноши, темнел вечной зеленью лабиринт, и арки, не успевшие еще зарости цветами, просвечивали, будто крыши сожженных хат.

Было холодно для весеннего дня, и Юлия, вышедшая собрать анемоны, куталась в толстую белую шаль. Стефан следил издали, как она что-то выговаривает садовнику, как собирает, путаясь в шали, зябкие сиреневые цветы. И сам не заметил, как оказался рядом.

– Вы ведь вчера нарочно ушли, – сказал он, забирая букет из ее рук. – Держу пари, голова у вас не болела.

– Иногда семье необходимо побыть наедине.

– Вы и есть моя семья.

– Я? Ох, Стефан... Я сирота, которую ваш отец взял из жалости, и вряд ли я когда-нибудь смогу отблагодарить его за это. Но я не его семья.

Она проговорила это сухо, как-то беспощадно.

А ведь сколько лет прошло. Когда Стефан уезжал в Остланд, она уже не была той пугливой девочкой, которую старый князь привел в дом. Теперь ее было и вовсе не узнать, обязанности и горести ее нового положения обкатали ее, как морские волны – гальку. Теперь никто

не колебался, называя ее княгиней. Только со слугами она держалась порой чересчур холодно – оттого, что раньше была с ними на равных.

А в душе, оказывается, тот же самый страх...

– Какая милость, Юлия, о чем вы...

Она вздернула подбородок.

– Простите, Стефан. Не следовало мне говорить с вами об этом.

Конец шали соскользнул с ее плеча, Стефан кинулся подхватить, замер, коснувшись пальцев Юлии. Так и стоял – рука на ее плече, пальцы невольно переплетены, еще миг – и он снова не удержится, как в тот раз – и на сей раз уже не найдет себе оправданий.

Убрал руку. Отступил.

«А тогда – было оправдание?»

Но на отца он снова разозлился: разве тот не видит, что делает с ней? Отцу досталось сокровище, а он забывает его в кладовке и закрывает дверь.

– Что мне сделать?

– Не уезжайте, – сказала она тихо и совершенно искренне. Они стояли у самой садовой ограды, здесь их прекрасно видно из окон.

– Даже если бы я мог...

На миг Стефану представилось, что он и впрямь может остаться, настолько он сам этого хотел.

Отправить Лотарю письмо, что он болен и не приедет, послать наконец к бесам Державу, укрыться здесь, под крылом у отца, и тайком навещать его жену.

Поистине человеческая слабость – вещь порой весьма неприятная.

– Что это я... Простите меня, Стефан. – Юлия забрала у него букет и зашагала к дому.

О гарнизоне Белта тоже не стал говорить отцу. Сперва он думал надеть остландский мундир и съездить в гарнизон самолично. Но тут кстати пришло с нарочным письмо от льетенанта Швянта. В письме господин Фогель с супругой просили дорогого князя непременно приехать к ним на ужин и сообщали, что почтут за честь видеть и остальных членов семьи Белта, буде им не захочется расставаться с князем. Приглашение было тем более любезным, что всем членам вышеупомянутой семьи еще приказом цесарины было запрещено появляться в Швянте. Стефан не помнил, чтоб Лотарь этот приказ отменял; он только надеялся, что солдаты постесняются вывести под белы рученьки цесарского советника.

Он обещал своему цесарю вернуться быстро, но рассудил, что от приглашения самого льетенанта отказаться не сможет.

Желания ехать на обед не изъявил никто, кроме Корды. Тот давно вздыхал о поездке в Швянт, только манил его там не Княжий замок, а кабак пани Гамулецкой.

Стефан боялся отчего-то ехать в город. Будто попади он туда – и заплутает навсегда в знакомом лабиринте улочек, только чтоб не возвращаться в Остланд.

После сизо-серого, вечно подернутого влажной дымкой Цесареграда Швянт казался на удивление ярким. Стефан разглядывал увитые розами балконы и разукрашенные вывески с удовольствием ребенка, перебирающего цветные стеклышки. Он и солнцу радовался, хоть глаза слезились и кожу обжигало. Шли медленно, разговаривали о пустяках. Город – это не глухое поместье, скажешь слово – ветер подхватит и донесет неизвестно до чьих ушей.

Остландцев было много – везде. Гражданских, чинно гуляющих с женами по променаду, и в особенности военных. Швянт был полон красных мундиров. И хоть Белта привык к остландцам и мальчишеская ненависть давно выветрилась, здесь, в Швянте, они казались необыкновенно чужими. Не чужими – чуждыми.

Еще немного – и они останутся здесь навсегда. Слишком близко Остланд, слишком мало княжество, растворится – и никто не заметит...

Рассеянно слушая друга, он присматривался к городу, вглядывался в лица, сравнивая с тем образом, что складывался у него в Остланде, после чтения писем и отчетов. Донесения рассказывали о мирной столице, процветающей под мудрым и справедливым правлением цесаря.

Стефан видел мир и беззаботность: барышень в легких не по сезону платьях и пелеринах, на которых откровенно заглядывался Корда, грохотавшие по булыжникам золоченые повозки, фонтаны, уже бьющие, несмотря на раннее время года. Он видел и другое: наскоро покрашенные надписи на стенах, заколоченную дверь старой церкви, оживленные группки студентов, замолкающие, стоило с ними поравняться. Подчеркнуто хозяйские манеры красных мундиров. Повешенных на площади Адальберта. Памятник Адальберту снесли, когда Стефана еще на свете не было, и на его месте поставили виселицу. Стефан много раз доказывал цесарю, что теперь не темные времена и незачем помещать лобное место в центре города. Лотарь всякий раз проникался просьбой и собирался приказать, чтоб убрали.

– Что? – Корда взял его за локоть.

– Ничего. Пойдем.

Кабачок, по которому оба успели истосковаться, стоял в тени университетской стены. Стефан помнил еще покойного пана Гамулецкого, круглого приветливого мужичка, вечно суетившегося вокруг гостей. Теперь его жена заправляла заведением в одиночку, и удавалось ей это неплохо. Пани Гамулецка славилась умением готовить кровяную колбасу и презрением ко всякого рода титулам. Для нее все равно были «господами студентиками». По здешнему неписаному кодексу лучшие столы занимали те, кто придет первыми; и потом, зайти в кабачок хоть избранный князь Бялой Гуры, ему придется довольствоваться покосившимся столиком в углу. По тому же странному кодексу князь Белта имел такое же право на бесплатную порцию гуляша с хлебом, что и младший сын отставного писаря, не дождавшийся из дома денег. Стефан этой привилегией не пользовался, но знать о ней почему-то было приятно. Если кто-то вдруг начал требовать уважения к своему благородному происхождению, не менее благородные товарищи обычно сами выкидывали его из кабака.

У входа они задержались. Стефан услышал, как несется из-за стены «Песня патриота» – последнее стихотворение Бойко, которое уже положили на музыку – и уже распевали, не боясь державников...

*Высохла земля,
Не родят поля,
Заняты врагами.
Как посеешь рожь?
Землю чем польешь?
Кровью и слезами.*

На сей раз они с Кордой с порога направились в самый темный угол. Стоило им показаться в дверях, как несколько человек демонстративно встали, грохая стульями, и вышли – только что локтем не задев. Что ж, обрядился в остландский костюм – и кто тебе виноват?

Пиво им принесли сразу, и первое, что сделал Стан, – опрокинул кружку, едва не причмокивая. Говорят, в Чезарии пива и вовсе не пьют, предпочитают вино...

– Как жаль, что снова придется уезжать, – сказал Корда.

Стефан кивнул. Стан уже несколько раз говорил, что не собирается участвовать в том, что готовится. Сражаться он не умел и признавал, что как боец будет бесполезен.

– Вернусь в Чезарию, – сказал он. – Буду думать, как справиться с последствиями... авантюры.

Стефан надеялся, что ему удастся выбраться из Бялой Гуры – и что удалось Мареку. Гостей с чужеземными бумагами на границе не должны останавливать.

– Радует, что кто-то смотрит в будущее таким же светлым взглядом, что и я...

К столу приблизилась сама пани Гамулецка – худая светловолосая женщина лет сорока с длинной шеей и длинным серьезным лицом. Стан вскочил.

– Ну что, молодые люди, пиво здесь не стало хуже?

– Да какое там, пани Гамулецка! – воскликнул Корда. На его усах налипла густая желтая пена; торопливо смахнув ее, он приложился к ручке хозяйки.

– То-то же, – удовлетворенно сказала пани. – А то ездят тут по заграницам, а потом приедут – и пиво нам не то, и колбаса тоща...

– Покажите мне такого заграничника, пани Гамулецка, я его вызову на пару учтивых слов!

– Ну вот, – светлые глаза хозяйки потеплели, и осанка уже не казалась такой гордой и угрожающей, – вернулся мой защитник...

– Дражайшая моя пани! Да скажите вы мне тогда хоть слово, разве ж я бы уехал? Если б вы знали, как мое сердце кровью обливалось от разлуки...

– С кровяными колбасками, – сухо закончила хозяйка. Корда сник. Стефан никогда не понимал, ломает ли друг комедию или же все серьезнее, чем должно быть. Стоило Гамулецкой на него посмотреть, и Корда размягчался, как кисель.

– И вас, князь, как давно здесь не было. – Она глядела с мягким, не требующим слов сочувствием, и Стефан почти понял друга. – Ну пойдёмте, пойдёмте, сами выберете, что желаете. Раз уж такие дорогие гости...

Она торопливо провела их в чулан, где сытно и задушно пахло мясом и чесноком и на потолочных балках висели связки колбас.

– Значит, вот что, господа студентики. О деле чтоб у меня не говорили. Встретились, давно не виделись, еда, пиво – все прекрасно. А о деле лучше дома поговорить. Ходят тут у меня... разные. Слушают. У меня окна с видом на виселицу, и видеть там вас мне будет грустно.

– Да что ж вы, милая пани, – возмутился Корда. – Разве мы дети?

– Вы, революционеры, до старости дети, – отрезала Гамулецка.

– А кто ходит? – спросил Стефан. Он вспомнил отца и Вуйновича и подумал, что трактирщица права. Ему было приятно отчего-то, что Гамулецка причислила его к революционерам; он взял ее руку и поцеловал. Корда посмотрел зверем.

– Кто... Я не знаю, кто ходит и от какого ведомства. Но глаза их шныряющие различаю. Кто задает вопросы, слухами интересуется. Другие те же слухи сами распускают. Есть наши, есть остландцы. А здесь же... – Она понизила голос. – У меня тут студенты, сами знаете.

– Знаем. – Стефан вспомнил Бойко.

– Стишков-песенок наслушались и туда же. Вон, – хозяйка махнула за окно, – кому-то уже шею натерло, но эти ж не останются...

– А что с храмом Эммануила?

– Что... Добрый отец с кафедры не те речи говорил. – Пани Гамулецка осенила себя знаком. – Храм заколотили, а отца... вторую седмицу найти не могут.

Все трое замолчали; слышно было через перегородку, как кто-то тянет неуверенным голосом любовную песню.

– Я боюсь, что грохнет. Вот Мать мне свидетель, грохнет со дня на день. Одним словом, – пани подбоченилась, – одним словом, уехать бы мне отсюда, так ведь покойному мужу обещала...

Не переставая говорить, она ловко ухватила длинную, жирную на вид кровяную колбасу, на которую указал Стан, взяла завернутую в рушник головку сыра.

– Это же пан Гамулецкий, покойничек, взял с меня клятву, что я трактир не продам... Извел меня перед смертью этими просьбами. Уж все его уговаривала: не продам, спите спокойно... Ну вот он глаза закрыл, дух испустил, я заплакала, хотела свечку в руки вложить, а он как глаза раскроет – не продавай, Рута! Продышалась я, не продам, говорю, спите уж... Бдение с ним просидела, утром только поднимаюсь, а он опять: так ты обещала не продавать! Да чтоб тебя, говорю, до смерти не продам, старый бес, сдался на мою голову. Ну все, закрыл глаза, упокоился. В землю класть собрались, добрый отец над ним последнюю молитву читает, а мерзавец мой вострепнулся и ему: и вы, отче, скажите моей Руте, чтоб трактир не продавала... Ну я-то привыкшая, а с добрым отцом родимчик приключился, скандал на весь город...

История эта рассказывалась не в первый раз – и, как догадывался Стефан, для наостривших уши державников. Один с тяжелым остландским прононсом стал громогласно благодарить покойного Гамулецкого – ведь продай пани трактир, так и приютить их, сирот, было бы некому.

– Не забывай, нам еще на ужин, – вполголоса предостерег Белта. Стан набросился на колбаски так, будто был тем самым голодным студентом.

– Мать с тобой, до ужина я еще трижды проголодаюсь. Они же завели здесь остландскую моду, раньше полуночи за стол не сядут...

В Цесареграде действительно начинали ужин безбожно поздно. Шутили, будто это оттого, что в такой серости не разобрать, когда ночь, а когда день. При покойной цесарине двор еще соблюдал какие-то приличия, хотя и так расходились незадолго до рассвета, а вставали далеко после полудня. При Лотаре же веселое общество и вовсе стало просыпаться к вечеру, а в Швянте давно стало хорошим тоном не отставать от столицы.

Льетенанта Стефан знал: это был родственник цесаря, такой же голубоглазый и светловолосый – как, впрочем, большинство знакомых Стефану остландцев. Резиденцией ему служил Княжий замок, чудом сохранивший старое название. Первое, что бросалось здесь в глаза, – непомерная роскошь. Державники тащили в замок все трофеи, которые могли найти, будто их нагромождение могло служить защитной стеной; будто роскошь эта утверждала их власть над княжеством. Госпожа Фогель, солидная и чуть суетливая, с видимым удовольствием провела Стефана по коридорам, демонстрируя сверкающие люстры, древние вазы и картины на стенах. Наверное, задумайся он как следует, смог бы назвать все дома, в которых эти картины висели раньше. В Цесареграде поговаривали, что Швянтом правит не льетенант, а льетенантша; это не было правдой, но по гордому виду супруги Фогель Стефан понимал, что все трофеи были собраны здесь по ее просьбе.

Столовая тут была чуть ли не богаче, чем в Цесарском дворце. Возможно, этим богатством чета Фогелей утешалась при мысли, что из дворца их отослали. Собравшиеся гости приняли Стефана с подчеркнутым и неестественным радушием. Заговорщически посмеиваясь, напоили чикийским, которое дома считалось контрабандным. На обеде кстати оказался маршал Керер, которому подчинялся тот самый гарнизон. Вот и ездить не пришлось...

Стефан рассказал о том, что произошло, – хотя госпожа Фогель прикрывала рот рукой и зычно призывала не говорить об этом за столом. Маршал нахмурился.

– Это недопустимо. Я понимаю ваше негодование, князь. И я не в первый раз это вижу. Люди оказываются слишком далеко от дома. И думают, что им все позволено. Вернутся домой – так все спишется, что там!

Маршал не на шутку разнервничался, и Стефану показалось, что сейчас он схватится за воротник, как Вуйнович. Он вообще был чем-то похож на старого генерала – а может, все вояки мира каким-то образом походят друг на друга.

Маршал Керер занимал теперь палац Белта. Наверное, этих семи лет ему хватило, чтоб справиться с разгромом, который учинили там остландские солдаты. Стефан видел разоренный

палац только мельком, когда скакал по разрушенному Швянту, торопясь попасть домой. И сегодня избежал искушения пройти мимо. Не станет князь Белта, как нищий, заглядывать в окна собственного дома. Когда-нибудь...

– Я лично прослежу, чтоб такого не повторилось, – нахмурился маршал.

Льетенант сочувственно кивал и прищелкивал языком. Супруга косилась на него недовольно: видимо, прищелкивание это успело ей надоесть.

– Вот поэтому, – сказал Фогель, ловко ухватив с подноса рюмку рябиновки, – я и поддержал всецело ваше, князь, предложение о принятии белогорцев на военные должности. Не зная землю, нельзя с ней справиться.

– Верно. Военный верен не крови, а присяге, – веско сказал маршал.

– Я бы на вашем месте был более осторожен, – вступил в разговор еще один сиятельный гость. – Вы же знаете, как говорят – прекрасная страна, но дикий народ... Вас я, разумеется, не имел в виду, князь...

Весело было за ужином – и куда больше блеска, чем в поместье Белта. Белоснежные скатерти, сверкающий хрусталь, хрустальный смех. Перемены блюд Стефан отчаялся считать, а чикийское в этом доме, кажется, не переводилось. Супруга льетенанта неплохо играла на пианино и перемежала старинные белогорские мелодии – все больше печальные – залихватскими остландскими. Белта улыбался хозяйке и вспоминал виселицу на площади.

Когда от музыки начала болеть голова, Стефан отошел в небольшую залу, примыкающую к столовой. Тут горел свет, стояли кувшины с розовым вином и вазы с конфетами. А на стенах – снова картины, только на сей раз художника он не знал. Зато узнавал сюжеты – основание храма на Белой Горе, свадьба княгини Магды, вход князя Адальберта в Швянт...

– О, вам нравятся эти картины? – На рукав ему опустилась пухленькая ручка госпожи Фогель в белой перчатке. – Это, знаете ли, совсем новый художник, такое, видите ли, открытие... И рисует только вашу историю, но зато как рисует! Я сказала Георгию – давай закажем ему твой портрет, ты ведь теперь тоже часть белогорской истории! И посмотрите, посмотрите, как он нас изобразил! Такая красота!

Князя ухватили и потащили к портрету, где во весь рост были нарисованы льетенант и его жена. У Фогеля был величественный вид: он сидел на Княжьем троне в горностаевой мантии и сжимал булаву. Гордая его супруга стояла за спиной мужа, а на плече у нее сидела белая ласточка.

– Действительно, – сказал он льетенантше, – прекрасный портрет. Вы оба выглядите так... величественно.

Он узнал и князя в горностае, и его жену. Эту легенду знала вся Бяла Гура: об узурпаторе Матеуше, которого жена-ведьма подговорила на убийство избранного князя и на другие не менее достойные дела. Кончили оба плохо: Матеуша разорвала озверевшая толпа, а вдова его бросилась в реку...

«А ведь Бойко был прав, драться можно не только шпагой...»

Выбраться из гостей удалось им только к следующему вечеру. В дороге Корда, видно, пристыженный из-за чувства своего к пани Гамулецкой, начал вдруг говорить о деньгах.

– Они не понимают, – говорил он, пока они ехали мимо маленьких, аккуратных, уходящих в бесконечность полей. Непогода кончилась. Воздух потихоньку наливался теплом – уверенным, летним. – Не понимают, что найти деньги – это лишь полдела. Надо еще переправить их во Флорию так, чтоб не спохватились державники...

Стефан все больше замечал, что друг говорит – даже не с акцентом, но с другой интонацией, чуть задирая вверх каждую фразу. Да у него и самого наверняка есть акцент...

– За храмами следят, – сказал он. – Потому это безнадежный вариант. Едва не каждый священник у тайной службы на примете. Обожглись в прошлый раз, теперь дуют на воду.

– Через друзей пани Яворской...

– А ты думаешь, что за ее салоном не наблюдают? Конечно, они делают это вежливо, но она вдова Яворского, Стан, этого им хватает... Вот если б только... Может быть, ты знаешь кого-нибудь среди чезарских ростовщиков?

Тот мягко рассмеялся.

– Стефан, друг мой, чезарские ростовщики давно уж нашли себе работу, и если они станут хранить чьи-то деньги, то это будут деньги цесаря.

– Нельзя ли обратить их на нашу сторону?

– Разумеется, можно, но лишь в том случае, если ты сможешь заплатить больше...

Корда замолк. Потом вздохнул.

– И о чем нам приходится говорить, друг мой!

Стефан пожал плечами.

– Может быть, все это пойдет нам на пользу, – сказал он. – Насколько легче будет объединиться сейчас, когда ни у Белта, ни у Самборских ничего нет, все забрали и можно подумать наконец о чем-то, кроме себя... выше себя. И те, кто раньше зубами готов был вырывать друг у друга княжескую булаву, теперь заботятся о другом. О свободе, которую мы... чего уж там говорить, сами отдали. О единстве, которого среди нас никогда не было.

– Осторожней, Стефан, – засмеялся Корда, – еще немного и тебя примут за романтика!

– Не дай Матушка. – Белта повел плечами.

Потом ехали молча. У Корды выражение лица сделалось мечтательным – видно, грезил о пани Гамулецкой.

Поместье спало, крепко и глухо, даже собаки молчали. Стефан вспомнил вдруг те лихорадочные дни, когда Яворский остановился у Белта на пути в Швянт. Войско его было слишком большим, чтоб всем найти приют под крышей, и повстанцы отправились ночевать прямо в поле. Жгли костры и пели до самого рассвета – будто на праздник собирались...

Уже когда выезжали на ведущую к дому аллею, Корда спросил:

– Что ты собираешься делать?

– Я? – Белта скривился. – Ползать на коленях перед Лотарем, пытаюсь остановить войну. Только удержав ее, можно удержать... все остальное. Я плохой революционер, Стан, я знаю, но я могу еще стать хорошим сыном.

– А если не удастся?

– Вернусь домой, – сказал Стефан.

– Ты мог бы... – начал Корда.

– Не мог бы. И не стану.

Уезжал он первым; даже Корда проведет еще в Белта несколько дней, прежде чем скакать к границе. Когда он прощался с домашними, Юлия стояла чуть в стороне. Стефан подошел поцеловать ей руку, и она торопливо выпростала из кармана юбки образок Матери.

– Наденьте его и носите. Это не эликсир, но поможет...

Стефан взял образок, мимолетно коснувшись ее холодных пальцев. Спиной он ощущал – так же ясно, как это касание, – настойчивый взгляд отца.

Он обернулся. Старый Белта смотрел прямо на него. Подагра у отца совсем разыгралась, и стоял он опираясь на палку.

– Как же мне не хочется вас оставлять, – искренне сказал Стефан. Старый князь неловко шагнул ему навстречу, притянул к себе одной рукой.

– Ты вернешься, – сказал он сухо и яростно. – Вернешься. Скоро.

– Только, ради Матери, дождитесь от меня вестей...

Выспаться Стефан опять не успел и на окружающее смотрел тупо, будто через туман. Это было хорошо: когда чувства притуплены, боль меньше ощущается, а уезжать из княжества – возвращаться в Остланд – было больно. Он то дремал в карете, то просыпался и жадно смотрел в окно, пытаясь наглядеться напоследок, и в голове стучали слова той песни Бойко:

*Когда гром пробьет,
Помни, патриот,
О раз данном слове.
Как гроза пройдет,
Розой расцветет
Твоя капля крови.*

Вечер настал быстрее, чем Стефан ожидал. Они с кучером поужинали в придорожной таверне и снова двинулись в путь. Кучер будто понимал его желание поскорее разрубить нить, связывающую с домом.

Равномерное покачивание темноты за окнами в конце концов усыпило Стефана, и из забытья он вылетел, только когда карета резко встала, и едва не спросил: «Приехали?»

Лишь через несколько секунд он понял, что остановились они в глубоком лесу. Колесо слетело? Но толчка он не почувствовал...

Стефан сжал рукоять сабли и, резко открыв дверцу, выпрыгнул из кареты.

Их было трое. Три фигуры в длинных балахонах застыли на дороге, преграждая путь. Кучер, впрочем, уже никуда не торопился – сидел, свесив голову на грудь, будто так, посреди дороги, вдруг задремал.

– Зачем вы убили моего кучера? – только и хватило его сказать.

– Не убили, – сказала одна из фигур знакомым голосом. Стефан выдохнул.

– Пан Стацинский... Что, рана уже зажила?

Глава 7

Фигуры на дороге были странно неподвижны и в этой неподвижности неумолимы. Будто мертвецы, вставшие из гроба, чтоб перегородить путь убийце.

– Благодарю за беспокойство, – сказал один из них голосом Стацинского. – Рана вполне зажила.

– Генерал Вуйнович очень за вас переживал. – Стефан глядел поверх их голов и видел только пустую дорогу и ночь за ней. – Пошлите ему хотя бы письмо, у старика большое сердце...

– Это он? – спросил тот, что стоял справа, повыше и потолще двух других.

– Он, – подтвердил юнец.

– И что же вам теперь от меня нужно, пан Стацинский? Вам и вашим... друзьям?

Хотя он знал уже, что им нужно. Войцеховский писал в том письме – анджеевцы не могут начать охоту, не убедившись, за тем ли охотятся.

Что ж, теперь убедились. И дернул же его бес полезть в ту дуэль...

– Мы из ордена Святого Анджея. Мы пришли подарить вам покой и свободу.

Сабля легко выскользнула из ножен, удобно легла в руку.

– Зачем это? – спросил высокий и ступил вперед. Лица его было не разглядеть. – Не сопротивляйтесь. Для вас это не имеет смысла.

– Боюсь, я вас не понимаю.

– Мы знаем, кто вы, – продолжал тот, приблизившись еще. – Ваша мать – Беата Шалай, вампир. Вы еще не стали полноценным вампиром, но это дело времени.

– Вы ошибаетесь, – холодно сказал Стефан. – Кажется, вы с кем-то меня спутали. Я князь Стефан Белта, и я настоятельно прошу вас уйти с моего пути.

Он подошел к кучеру, дотронулся до шеи: жилка билась, хоть и медленно. Значит, в самом деле не убили. Можно выпрячь сейчас одну из лошадей, но это будет выглядеть как бегство.

– Полно, князь Белта, – сказал анджеевец. – Другим врать можно, но уж себе?

Он остановился.

– Что вам нужно?

– Я уже сказал вам. У вас не такой уж большой выбор, ваша светлость. – Ласковый, осторожный баритон с сочувственными нотками. Явно научен разговаривать с нечистью. – Умереть или самому стать убийцей и навсегда утратить Свет. Мне не представляется, что князю Белта захочется провести вечную жизнь в поисках очередного глотка крови...

– Вы же не думаете, что такое убийство сойдет вам с рук? Отойдите, мне нужно ехать.

Голос прозвучал слабо и одиноко, как у человека, говорящего с самим собой.

– Это честно, – сказал анджеевец. – Вы умрете человеком, более того – мучеником, так что сразу займете место в чертоге нашей Матушки.

Он помолчал.

– Ваша кровь не ваша вина, князь, вы не могли выбирать. Но сейчас выбирать вы можете. Вы еще никому не сделали зла.

Стефана вдруг взяла злость.

– Хороший же это выбор, если вы втроем явились убеждать меня одного...

– Нас трое для того, чтобы провести ритуал, – сказал анджеевец. – И позаботиться о том, чтобы ваша брэнная оболочка... не причинила никому вреда. Князь, вы сами разве не устали еще носить это проклятие?

Лес молчал. Ничто не трещало ветками, не ходило, не дышало за плотной еловой стеной. Как во сне. Колдовство какое-то... И очень четко говорил анджеевец – будто доктор, излагающий больному смертельный диагноз.

– Самое страшное, что, как бы вы ни сопротивлялись, чужая кровь все равно возьмет свое. Поверьте, я много видел таких, как вы. Тех, кто подходит к черте. Это кончается всегда одинаково.

В темно-голубом небе показалась на секунду луна. Не показалась даже – почудилась только неверным серебряным проблеском и пропала. Стефан отчего-то подумал о письме господарю Драгокраины, которое поручил составить помощникам, – наверняка же не составили, дожидаются начальника, ведь известно – пока гром не грянет... И что решат с чеговинской миссией? Не говоря уж о записке, которую он собирался подать цесарю по возвращении...

– Вы долго прожили... почти человеком и можете питать иллюзию, что так будет и дальше. Но только собаки уже начинают лаять при вашем приближении, и на солнце вы выходите все реже и реже... я прав, князь?

«Прав, – подумал Стефан. – И что я устал – тоже прав».

– Человеку этого не выдержать. Создание, наделенное Светом, не может долго жить без солнца. Посланный Матерью в этот мир не может питаться себе подобным. Вы этого не выдержите, князь. Или станете нечеловеком. И нам все равно придется... выполнить долг. Только Свет мы вам подарить уже не сможем.

– Как это будет? – спросил он против воли.

– Быстро. Брату Ротгару можно доверять.

Стефан медленно опустил саблю. И спохватился:

– Стойте. Что же вы сделаете с моей брэнной оболочкой?

– Зачем вам об этом знать? – В голосе монаха зазвучал легкий упрек.

Вряд ли тело найдут. Этих, наверное, в любом случае не свяжут с убийством – появились ниоткуда, никуда и сгинут. А погребение Стефану устроят на перекрестке, как... матери.

Как там в глупой песенке, которую пела Ядзя? «И никто не узнает, где могилка моя...»

Не узнает. Князь Белта уехал в Бялу Гуру и там исчез. И неясно, по какую сторону границы. Цесарский советник с соколом на гербе, будь он неладен. Этого хватит, чтоб поджечь солому.

– Простите, господа, – сказал Стефан, делая шаг назад, к лошадям, – но у меня сейчас другие планы.

Те не шелохнулись.

– Феликс, – сказал монах. Будто собаку натравливал.

Феликс кинулся. На сей раз Стефан этого ждал, ступил в сторону и тут же, не давая мальчишке опомниться – в атаку. Нечего ждать, со Стацинским дождешься, пожалуй... Второй раз он вряд ли попадет на тот же крючок... не попался. Парировать. Еще.

– Пан Стацинский, в прошлый раз я вас пожалел, но, видит Матерь, вы становитесь навязчивы...

– Вы... не совсем правы, князь. – Улыбка совсем дикая. – Это я вас пожалел, и вы... об этом знаете.

Неужто и сам Стефан был таким же наглецом лет в семнадцать? Тогда неудивительно, что воевода долго не вытерпел...

А в глазах у Стацинского было желание убивать. Голое, неприкрытое. Возможно – за братьев и отца. Возможно – за ту заброшенную могилу за оградой кладбища. Но ясно: насытиться убийствами брату-анджеевцу еще не дали.

Замедлиться. Сделать вид, что устал. Задыхается.

– Пан Стацинский, в той могиле – ваша сестра? Это вы ей носили цветы?

Юнец втягивает воздух, сбивается с ритма – на миг, но этого хватает. Короткий удар в голову – мальчишка валится в траву, тихо, как срубленное дерево.

– Отойдите, – говорит Стефан двум другим. – Достаточно. Не хочу драться с божьими людьми.

Крупный мягко смеется – зубы такие белые, что в темноте сверкают. Стефан еще успевает пригнуться, уходя от удара кривой сабли, – когда Ротгар успел зайти сзади?

– А ну иди сюда, нечистое семя. – В голосе должен бы звучать гнев, но его там нет – вообще нет эмоций. Анджеевец теснит Стефана подальше от дороги, от лошадей. В открывшемся вороте у него Белта видит тот самый медальон – а потом уже не видит ничего, кроме пляшущих лезвий. Сабля ходит размеренно, как мельничный жернов. Стефан задыхается – уже непритворно. Анджеевец быстрее, опытнее Стацинского; это вам, князь, не с детьми сражаться... Просто, без изысков, неумолимо. Смертельно.

Земля скользит под ногами. Только бы не оступиться, только бы...

Он забыл про третьего. Отступив – почувал его за спиной, рванулся в сторону.

– Смиритесь. – Голос как сквозь вату в ушах. – Смиритесь. Хватит. Умрите человеком.

– Князь, с двоими вам все равно не справиться, это глупо...

Он сумеет. Их всего двое. Отойти к дереву, быстрее... не пускать за спину... что ж он так устал, рука еле движется, а эти двое как заведенные...

И солнце светит с медальона, слепит, яркое, безжалостное...

Пот залил глаза, и Стефан не сразу увидел, как пикирует сверху что-то черное, крупное, вклинивается между ним и анджеевцами. Будто клочок ночного неба оторвался и слетел на землю. Монахи на миг застыли, вытаращив глаза, и тут же, опомнившись, разом бросились на крылатого. Но его было не достать, он скользил между монахами легко и бесшумно, как кусок черного шелка. Стефан едва успевал за ним следить – перед глазами было размыто. Увидел только, как сперва валится на колени брат Ротгар и тут же с разрубленным горлом отлетает третий.

Войцеховский остановился, отер темные капли со щеки и со вкусом облизал пальцы.

Стефану едва заметил своего спасителя; ему хватило увидеть кровь, выхлестнувшую из горла брата Ротгара. Голова закружилась, будто он не ел невесть сколько дней. Даже руки задрожали, когда он представил себе, как рухнет на колени у тела, прикинется к ране и станет пить, давясь и захлебываясь, слизывая яркие капли с кожи и с подгнившей травы. Это не могло быть плохо, не могло быть неправильно, что может быть плохого в утолении жажды?

– Постойте, – Войцеховский удержал его за локоть, – он уже мертв. Не стоит пить мертвое, это... не способствует пищеварению.

Стефан отшатнулся, судорожно нащупал на груди образок, сжал.

Мать добрая... да что ж это.

Образок был теплым на ощупь, будто все еще хранил тепло рук Юлии. Жажда слегка отступила. По крайней мере, он уже мог думать. Стефан отвернулся от тела, задышал глубоко, вбирая в себя влажную зябкую свежесть леса, кисловатый запах хвои, гнили от прошлогодних листьев.

– А, – сказал вампир, – вот этот живой... Только осторожнее, серебро...

Стацинский лежал в забытьи, жалостливо раскинув в стороны тонкие руки. Хоть рисунок картины – младая жертва на поле брани. И надо же было...

– Не нужно, – сказал Стефан.

Войцеховский отстранился торопливо, как человек, совершивший бестактность.

– Разумеется, это ваша добыча, князь. Я бы никогда не польстился на чужое...

– Я не собираюсь его трогать, – сухо сказал Белта.

– Медальон можно убрать. Попробуйте подцепить лезвием...

– Не собираюсь, – повторил Стефан.

Войцеховский посмотрел искоса.

– К чему такое милосердие? Это не невинная жертва, это человек, который сам пришел убить вас.

Стацинский дернулся, застонал, попытался перевернуться на бок.

– Вы просто не знаете, что это за кровь, – вздохнул Войцеховский. – Такой возраст, такой темперамент...

Мать предобрая. Они и в самом деле обсуждают это... как светский обед.

– Пойдемте, – позвал Стефан. – Пойдемте отсюда.

Дело сейчас было не в Вуйновиче и не в матери Стацинского – он просто не хотел, чтоб юнец становился добычей. Противник, враг, пусть и неприятный, – но не добыча.

Оставлять раненого волкам было неловко – но надо уходить, и быстрее. Дорога проезжая, Стацинского кто-нибудь подберет. Вряд ли тот станет объяснять, как именно заработал рану. Скорее всего, сюда пришлют следователя... здешним следователям не привыкать иметь дело с кровопийцами.

С людьми твоей крови, как сказал бы пан Ольховский.

Знать бы еще, как анджеевцы оказались на этой дороге...

– Кони у них привязаны недалеко, – пояснил усевшийся на облучок мрачный Войцеховский. Будто бы мысли читал... может, они и это умеют. – Я видел, когда летел над лесом. Что же вы ездите по таким дорогам без сопровождения, мой светлый князь?

Сейчас это и самому ему казалось глупым. Но так не хотелось брать с собой соглядатаев, и потом... Это ведь родная страна. Здесь никто не тронет.

– Наверное, потому, что могу рассчитывать на вашу помощь... – Голос Стефана слушался плохо.

Вампир поводит рукой перед лицом кучера, щелкнул пальцами: тот распахнул глаза, будто по команде. Войцеховский поморщился. Они забрались в карету, и кучер тронул, как ни в чем не бывало зычно погоняя коней. Стефан отыскал бутылек с эликсиром, торопливо отпил жгучей жидкости прямо из горлышка, откинулся на сиденье. В карете было тепло, надышано, тихо. Стефан на несколько минут прикрыл глаза, и ровный конский топот едва не усыпил его.

Он потряс головой. Сказал Войцеховскому:

– Я очень признателен вам за вмешательство.

– А по вам и не скажешь, – откликнулся вампир. Он барабанил белыми пальцами по дверце кареты и, кажется, был не в настроении.

– Отчего же.

– У вас есть пистолы?

– В ящике, – смутился Стефан.

– Я бы советовал вам зарядить их и носить при себе. По меньшей мере, по эту сторону Стены. Для человека в вашем положении вы непозволительно беспечны.

Стефан как замороженный глядел на его пальцы. Тонкие, неестественно гладкие и белые. Он не понимал, как другие обманывались, принимая Войцеховского за человека. Живого человека.

– Я на самом деле безмерно вам благодарен. Я недавно только узнал, что вы обо мне пеклись с рождения. Отец не хотел рассказывать.

Вампир рассмеялся:

– Зная князя, я не удивлен...

– Только теперь я понимаю, как многим вам обязан. Но мне хотелось бы знать причину...

– Не будьте так подозрительны, князь Белта.

– Прошу прощения, если оскорбил вас. Но из-за всех этих событий... я понимаю, что чувствовал мой прадед, когда разрывался между Остландом и Саравской унией...

– Ваш уважаемый предок был уверен, что сделал правильный выбор. А вы теперь расплачиваетесь...

– Если бы только я...

За окошком кончился лес и начались поля. Далеко и бесконечно одиноко промелькнули огни какого-то хутора.

– Нас мало, – сказал Войцеховский. – И каждый из нас под угрозой. Поэтому не удивляйтесь моему желанию защитить родную кровь. Увидь вы вашего соотечественника в беде, разве не попытались бы ему помочь?

– Возможно.

«Но не с такой же настойчивостью...»

– Коли уж мы заговорили об истории... что это был за Михал, о котором вы упоминали в письмах? Неужто тот самый?

Единственный Михал, которого смог припомнить Стефан, был давним, почти сказочным господарем Драгокраины. Кажется, он оказался последним властителем своего имени. После его смерти страна погрузилась во тьму и смуту, из которых спустя время поднялась нынешняя династия, Костервальдау. Судя по старинным текстам, Михал был крепким правителем и блестящим военачальником. Но запомнили его прежде всего вампиром, при котором распивать кровь считалось грехом не бóльшим, чем согреться рябиновкой.

Войцеховский кивнул.

– В его время наша кровь считалась благородной...

– И свергли его, если я не ошибаюсь, за то, что он пил слишком много неблагородной крови...

– Нет, – сухо сказал вампир и замолчал надолго, но потом, видно, не в силах уйти от большой темы, заговорил снова: – У людей превратное представление о роде Михала. Тогдашние правители пили у подданных не меньше крови, чем нынешние... но хотя бы делали это честно. Господаря убили не противники нашей крови, но сторонники унии. Разумеется, народу объяснили, что сражаются с кровопийцей. Михал видел дальше их, он понимал, что уния по сути своей невозможна... Посмотрите на них сейчас! Благородные саравы! Николае, который прибегает, стоит Остланду посвистеть. Но кто будет прислушиваться к голосу разума, когда в нем говорит честолюбие?

– Никто, – тихо сказал Стефан.

Вампир будто опомнился.

– Простите. Теперь я и вас задел.

– Ну что вы. Это я, кажется, обидел вас, рассуждая о том, чего не знаю...

Удивительно было, как оживала древняя, давно ставшая мифом история. Будто поднялась пыль со страниц дряхлого учебника. Войцеховский говорил о тех событиях так, будто был им свидетелем... а ведь, пожалуй, и был...

– Вы драго?

– Только частично. Но в моих венах течет кровь Михала – как и в ваших, князь. Глупо это отрицать и так же глупо с этим бороться.

С двоими вам все равно не справиться, это глупо...

Стефан снова погладил ладанку на груди.

– Что же вы так за нее цепляетесь? Поклоняетесь чужой Матери, в то время как вашей собственной матери такие же... адепты отрубили голову?

Слова его прозвучали горько – он и впрямь обвинял Стефана в предательстве.

Как будто других обвинений недостаточно.

– И если вы так упорны в своей вере, зачем же сражались против тех, кто нес вам Свет? Вы хотели жить, правда, князь Белта? Каждый из нас хочет жить...

– Я... – начал Стефан, но в нос ему снова ударил терпкий, стойкий запах крови; вспомнились тела в придорожной траве. Съездил на родину, ничего не скажешь...

Чтобы не думать об этом, он спросил:

– Я хотел узнать – кто тот ваш «родственник», которому я обязан протекцией при остландском дворе? Не мешало бы поблагодарить его...

– О, с той поры много воды утекло. Не думаю, что он все еще при дворе; да и в любом случае имя его ничего вам не скажет.

Стефан хотел было настоять, но вампир вдруг оживился:

– Вот мы и подъехали к границе. Что ж, до Стены я вас проводил, но дальше – заклинаю вас! – будьте же осторожны, племянник.

– Хорошо... дядя, – только и сказал Стефан; а в следующую минуту он остался в карете один.

Остаток дороги ему было о чем подумать. Не об анджеевцах – их оказалось неожиданно легко выкинуть из памяти, как и женщину в черной шали на перекрестке дорог. Образы эти развеялись вместе с ночью и вспоминались смутно, как плохой сон, только рука саднила по-настоящему. Он баюкал ее неосознанно, занятый куда более реальными заботами. Стефан и до отъезда знал, что ему не рассказывают всего о Бялой Гуре, но теперь смог в этом убедиться. Ведь не сообщили ни о крамоле среди студентов, ни о бунтаре-священнике... Он отчасти понимал тайную полицию – сам бы не стал лишним раз напоминать о таком бывшем инсургенту. Тем более что *бывших* инсургентов, как оказалось, не бывает. Но если бы речь шла только о Бялой Гуре. А теперь поди узнай, какие еще иностранные дела скрывают от советника по этим самым делам.

Сделать вид, что ничего не заметил, не выйдет. Придется составлять оскорбленную записку в адрес Кравеца, заранее предвкушая, как будет над ней потешаться вся служба.

С другой стороны – хотелось бы знать, сколько из известного полиции известно самому цесарю...

Когда подъезжали к границе, в воздухе потянуло морозом. Как будто из-под Стены сквозило. Все-таки в Бялой Гуре была уже весна, а здесь зима доживала свои последние озлобленные дни. Словно дверь захлопнулась за Стефаном, когда карета миновала Стену и стражников с белесыми невыразительными лицами. Захлопнулась – и Мать знает на сколько еще отрезала его от дома. У пограничной деревни земля все еще сияла по-весеннему темными прогалинами, но позже повозка зачавкала по размытой подмороженной глине, а потом и вовсе выехала на нетронутый снежный наст. Стефан поежился, вытащил из саквояжа бумагу и чернила, кое-как пристроил на коленях. До столицы еще полтора дня пути, у него хватит времени на подробный доклад...

Он продолжал писать и в трактире, где остановились на ночь. Постояльцы давно затихли, безжалостно чадающие свечи догорели почти до основания, а перо все носилось по бумаге, подхваченное лихорадочным вдохновением.

Прискорбная ошибка, которую совершают Ваши слуги, желая лучше служить Вашему Величеству, в том, что, хотя Бяла Гура уже более века является в той же степени частью Остланда, что и любая другая его провинция, ее все еще рассматривают как завоеванную территорию. Все печальные случаи, о которых узнавал я от Ваших слуг и от моих соотечественников, подтверждают эту мысль. С населением завоеванного княжества надлежит обращаться со строгостью, если не с жестокостью, иначе не удастся удержать его в повиновении; трофеи следует немедленно вывозить, чтобы в случае внезапного контрнаступления не лишиться полученных богатств. Беспчинства, творимые на чужой территории и с чужим народом, не будут оценены так сурово, как преступления, совершенные на родине. После восстания, в котором и автор сего имел несчастье участвовать, понятны сомнения в преданности некоторых из нас остландской короне. Но то отношение, что я описал выше, еще более вредит Бялой Гуре. Если с человеком вести себя подозрительно, напоминая все

время о его порочности, он может вступить на порочный путь, лишь чтобы подтвердить чужое мнение о себе. Так же и провинция, с которой ведут себя как со вражеской территорией, может вспомнить о бунте.

По этой причине я и осмеливаюсь напомнить Вашему Величеству о пользе «домашнего правления»...

Спал Стефан недолго, и ему снилась кровь.

В карете он перечитал написанное, надеясь, что цесарь не бросит его в тюрьму за вольномыслие. Варианты другого доклада он безжалостно выбрасывал один за другим, и скоро пол кареты был весь усыпан бумажными комками – свидетельствами его бессилия. Все аргументы против открытой войны разбивались об одно: Лотарь никогда не подумал бы об этом сам. А его величество в последнее время принимал только те доводы, до которых со временем мог прийти своим умом. Стефан под конец уже в голос проклинал судьбу, сделавшую его дипломатом, но не давшую надлежащих качеств для этой должности. От огорчения он даже не заметил, как подъехали к столице, и поднял голову только на знакомый звон башенных часов, тяжело разносящийся по воздуху.

Удивительно – как одна реальность стирает другую. Перезолоченные дворцовые залы снова окружили его, в окна дохнуло влажным, дурно пахнущим холодом, и через несколько часов Бяла Гура уже казалась далеким воспоминанием, едва не сном.

– Князь Белта! Вы все же вернулись!

Стефан обернулся. Антон Кравец, начальник унаследованной от цесарины тайной полиции. После своего прихода к власти Лотарь эту службу было упразднил – но что поделаешь, когда столько крамолы вокруг, пришлось восстанавливать.

– Надеюсь, вы не слишком много поставили на мое невозвращение?

– Ну что вы, право, князь... Нам вас здесь очень не хватало.

Странно было возвращаться сюда теперь. Дворец уже не был чужим. Стефан не смутился больше его вымороженной роскоши, не плутал в анфиладах, знал уже, к каким из врагов не стоит поворачиваться спиной, а какие только пошипят и успокоятся.

Начальник тайной службы пока только шипел – но довольно громко.

Хотя расстались они почти друзьями. Назревающим союзом с Чезарией тайная служба была озабочена не меньше Стефана и, как ни странно, удивлена. Белта спрашивал себя грешным делом, не для того ли ему дали в руки флорийское письмо, чтобы рассорить с цесарем. Подумав, решил, что вряд ли. Скорее всего, Кравец просто выводил свою службу из-под удара – на случай, если Лотарю письмо не понравится. Так дети в семье подсылают к отцу любимчика, чтоб признаться в общей шалости.

Кравец был постарше Лотаревой «золотой молодежи», сражался при Креславле, кажется, даже был ранен. Но теперь предпочитал, по его же словам, «предотвращать сражения, нежели сражаться».

– Как вы нашли свою родину после такого долгого отсутствия?

– Не такой спокойной, как ваши агенты, когда ее покидали, судя по донесениям. – Что ж, обойдемся без записки... – Порой у меня создается впечатление, что вы чересчур печетесь о моем спокойствии и не желаете ранить мои чувства плохими известиями из Бялой Гуры...

– Мне действительно казалось, что списки ваших повешенных соотечественников могут испортить аппетит...

Разговор их оборвался – из кабинета вышел Лотарь, что-то рассеянно отвечая суetyающемуся рядом придворному.

Стефан собирался просить аудиенции после, но цесарь уже увидел его. Осекся на полуслове, отослал докладчика нетерпеливым жестом.

– Князь Белта! – шагнул к нему, не улыбаясь еще, но глаза уже потеплели, обрадовались.

Стефан не знал, какой будет его встреча с цесарем, и опасался ее. И оказался не готов к этой искренней радости, к явному нетерпению, с которым Лотарь здоровался с остальными – будто отодвигая их с дороги.

И к тому, как плохо он выглядел, Белта тоже оказался не готов. Посеревшее больное лицо, синяки под глазами, плечи, опустившиеся будто под безмерно тяжелым грузом. Стефан удивлялся спокойствию придворных – но они видели Лотаря каждый день и, наверное, успели притерпеться к его изможденному виду.

– Наконец-то вы вернулись, Стефан!

– Прошу прощения за долгую отлучку, ваше величество. Я писал вам...

– Да, мы получили ваше письмо, князь. И были рады узнать, что вашему отцу лучше.

– Лекарь сказал, что непосредственной опасности нет, – солгал Стефан. Ему хотелось бы знать, что лекари говорят о самом Лотаре...

Стоят посреди коридора, близко друг к другу, едва за руки не держатся. Все могут видеть; все могут сделать выводы. Князь Белта снова в фаворе – знать бы, по какой причине.

Стефан удивлялся не тому, что Лотарь сменил гнев на милость, а собственной глупой, мальчишеской радости от того, что цесарь принял его с улыбкой, что они, кажется, снова друзья. «Я его предаю», – снова напомнил себе Стефан. Можно сколько угодно оправдываться, что предаешь цесаря Остланда, а не друга юности, – и прекрасно понимать цену таким оправданиям.

Остаток вечера он провел в кабинете, просматривая каждую поданную в его отсутствие бумагу, выискивая, что важного пропустил. Один из помощников – напудренный по старой моде, почти не скрывающий негодования от того, что вынужден подчиняться белогорцу, – долго и выспренне излагал события трех прошедших недель. Обо всем Стефан или знал, уезжая, или прочел в газетах по дороге в столицу. Встревожила его только обильная переписка с Чезарией. И прошение Кравца о высылке чеговинского посла.

Вечер застал Стефана врасплох. На Совете его едва не сморил сон. Было уютно, слуги задернули темно-красные шторы, отгораживая мрачный весенний вечер. Зажженные лампы отражались в полированной столешнице красного дерева. Белта пропустил мимо ушей доклад казначея, но встрепенулся, когда Кравец заговорил о Драгокраине.

Неожиданные перемены в Совете бойар удивили не только Стефана, мало кто понимал, зачем менять коней перед самой переправой. Но уж раз этим интересуется тайная служба – значит, есть о чем беспокоиться. Тем более что обычно Кравец докладывал цесарю с глазу на глаз – а теперь решил вдруг выступить публично.

Стефан поднялся. Вопреки ожиданиям, его помощники успели не только составить письмо к господарю Николае, но и получить на него ответ. Дражанский государь отвечал, что о переменах этих его остландскому кузену беспокоиться не нужно: некоторые из бойар показались ему недостаточно готовыми к войне.

– Но вы так обеспокоены по этому поводу... Кто-то из новых советников внушает вам опасения?

Кравец помедлил. Задумался. Покачал головой.

– Ни в коей мере, ваша светлость. Меня волнует только поспешность этого решения.

Говоря, он не сводил глаз непонятного цвета – неопределимого оттого, что взгляд был слишком ярким, слишком цепким, и только эта цепкость запоминалась, – с лица Стефана. Будто выжидал. Знает что-то и не желает делиться знанием с «чужим» советником – это можно понять. Но зачем тогда приходиться на Совет? Сказать «А», и промолчать о «Б», и смотреть при этом так многозначительно...

Уж не стал ли и дражанский совет заглядываться в сторону Чезарии?

У Стефана по спине пробежал холодок. Надо бы поговорить с тайником наедине и по возможности без чужих ушей...

Не успел. Лотарь придержал его за локоть.

– Вы ведь придете в гостиную, Белта? Нам нужно поговорить...

По традиции в Зеленой гостиной, прилегающей к цесарским покоям, Лотарь отдыхал от праведных трудов – и принимал только очень близких. Или по очень важным делам.

Или же Лотарь действительно соскучился по старому другу... или собрался обсудить что-то важное касательно иностранных дел.

Официальное начало войны, к примеру...

Зеленая гостиная, хоть и не уступала в роскоши остальным дворцовым залам – все та же богатая драпировка стен, позолота, куда ни кинешь взгляд, малахитовые столики и подсвечники, украшенные изумрудом, – все же казалась более уютной. Тут горел огонь, и Стефану показалось, что попал он в пасторальное семейное гнездышко. На дражанском ковре перед камином возился шестилетний наследник, а рядом в кресле сидела с вышивкой цесарина.

Лицо ее против огня вырисовывалось темным бумажным силуэтом – такие вырезают барышни в салонах ради потехи. Платье на цесарине было самого простого покроя, единственное украшение – одинокий рубин на шее, но именно строгость наряда выделяла ее среди расфуфыренных придворных девиц и ясно указывала – кто здесь правительница. Как бы ни любил Лотарь охотиться по чужим постелям, ни одна фаворитка не удерживалась рядом надолго. Видно, часы, проведенные рядом со свекровью, не прошли даром...

Стефан и цесарина всегда относились друг к другу холодно. Он – из-за Лотаря, из-за того, что Доната оставила мужа одного, когда тому больше всего был нужен союзник. Сама она, очевидно, инстинктивно – как всякая женщина недолюбливает мужчин, слишком тесно дружащих с ее избранником, если не она сама причина этой дружбы.

Доната Слобода, урожденная Костервальдау, приехала в Остланд из Драгокраины. Мать Лотаря пожелала скрепить союз, который, по ее мнению, слегка пошатывался, и ее сыну привезли невесту – чернявую девочку лет четырнадцати. Привлечь в ней могли разве что глаза, томные, с поволокой и тайной. Но цесарю тогда было не до дамских глазок, а сама Доната слишком хотела выжить при дворе, чтоб позволить кому-нибудь еще собой увлечься. Цесарина Доната жила при Остландском дворе уже восемь лет, и до сих пор о ней не ходило слухов – таких слухов, по крайней мере, которые могли представлять опасность. Можно было восхищаться тем, как прямо, не сворачивая шла она по тонкой линии, на которой другая оступилась бы. Была цесарю ровной и спокойной женой и, хоть не стала по-настоящему союзницей, по меньшей мере не мешала. Произвела на свет здорового, красивого сына; покровительствовала сиротам и утешала страждущих – одним словом, заняла все те ниши, которые должна занимать правительница, ни разу не переступив границы, за которой ее присутствие показалось бы излишним. Лотарь как-то сказал, что из всех решений покойной матери это, пожалуй, единственное, которое он не стал бы оспаривать.

Не потому, что любил жену, разумеется.

Ее присутствие удивило Белту. В те минуты, когда он не был занят государственными делами, цесарь держал сына при себе – все равно, сидел ли он у отца на коленях или ползал под столом и хватал советников за ноги, – только б на виду. Но цесарина общества не любила, и в гостиную наследника приводили фрейлины.

Стефан поцеловал ей руку; Доната одарила его обычным холодным приветствием. Наследник обрадовался Стефану больше: вскочил с ковра, на котором расставлены были в боевом порядке оловянные рыцари, поздоровался церемонно – оттого, что мать была рядом.

– Я очень лад, что вы велнулись ко двору, князь Белта, – тщательно выговорил мальчик.

– Благодарю вас, ваше высочество. – Стефан присел, глядя в темные – дражанские – глаза ребенка. – Надеюсь, вы здоровы...

– У меня была простуда, – гордо объявило высочество и, не дав Стефану выразить сожаления, заявило: – Сморглите, это у меня Клеславль!

Белта пригляделся. Солдатики на ковре изображали самую знаменитую битву Яворского. Похоже, цесаревича мало беспокоило, что остландская армия в той битве потерпела поражение. В отличие от его матери.

– Весьма любезно с вашей стороны, князь, было рассказать нашему сыну о восстании, – сказала она, обрывая нитку и отмеривая следующую. – Лучше всего узнаешь историю из уст участника событий. Вот только теперь он, кажется, считает бунтовщика Яворского лучшим воином всех времен...

– Я искренне сожалею об этом, ваше величество... Я пытался лишь объяснить наследнику, что армия его страны сражалась против достойного противника...

– О, я ничуть не сомневаюсь в ваших добрых намерениях – кто бы мог в них сомневаться? Но все же хорошо, что нас не слышит покойная цесарина... она могла бы истолковать ваши слова неправильно.

Цесарь нахмурился. Напрасно она при нем – о матери...

– Так что же, – Лотарь сделал усилие и улыбнулся, – Стефан, расскажите нам о путешествии, о Бялой Гуре...

«И о зреющем заговоре, – уныло подумал Стефан. – Непременно, государь...»

– Я взял на себя смелость и записал некоторые размышления о том, что происходит на моей родине. Может быть, вашему величеству угодно будет с ними ознакомиться...

Протянутую бумагу цесарь взял без интереса, скользнул взглядом и отложил.

Стефан рассказывал долго, хотя Лотарь явно думал о другом. Помянул и охоту на оборотня (ребенок забыл о битве и уселся на ковре, раскрыв рот). Но скоро цесарина заявила, что с нее хватит ужасов, а наследнику давно пора спать. Лотарь поднял ребенка с пола, поцеловал в макушку. Стефан отвел глаза, ощутив мгновенный укол зависти. Его цесарь не отпустил.

– Мне неловко, – признался Стефан. – Кажется, я совершил ошибку, рассказав вашему сыну о Яворском...

– Он, по крайней мере, заинтересовался историей. Залез в книгу и сам отыскал там расклад битвы. Вот – посмотрите, как стоят солдатики.

– В шесть лет читать книги о баталиях... Наследник не по годам умен.

– Ум не обязательно приносит счастье. – Лотарь угрюмо смотрел в камин.

– Вы несчастливы, ваше величество?

Цесарь молчал, не отрывая взгляда от огня. Потом выдохнул, резко поднялся и спросил, не желает ли князь Белта прогуляться при луне по весеннему саду.

Худшего места для прогулки вряд ли можно было найти. Холод, талый снег, голые еще ветви деревьев и скелеты кустарников. В такое время если и гуляют, то по оранжерее...

Стефан плотнее прихватил у горла тяжелый воротник, ожидая, пока Лотарь заговорит. Одни на пустынных дорожках, со стороны они походили, наверное, на двух призраков, гуляющих по кладбищу.

– Мне это напоминает наши самые первые прогулки, – осмелился Стефан. Тогда Лотарь мог говорить свободно только вне дворцовых стен, но в то время жива была цесарина – а сейчас?

– Верно, – кивнул Лотарь. – Я хотел бы знать... Вы по-прежнему друг мне, как тогда?

Снова «мне», а не «нам».

– Ваше величество, вы же знаете. Всем, что у меня есть, я обязан вам...

– Я говорю не об обязанности, – оборвал Лотарь.

– Что случилось, мой цесарь? – тихо спросил Стефан. Обычно он избегал называть Лотаря своим цесарем. У Бялой Гуры цесаря не было, был выборной князь...

Кажется, Лотарь понял.

– Помните, Стефан, – начал он, глядя в сторону, – когда-то вы развлекали меня рассказами о Дикой Охоте, о призраках вашего замка, о красавице, которая сохраняла молодость, купаясь в крови девственниц?

– Помню, ваше величество, – кивнул князь. Кажется, правы ученые, от безумия в роду не убежать, будь ты на вид хоть самым здравомыслящим человеком.

А ведь в самом деле – было время, когда он рассказывал наследнику страшные истории... чтобы отвлечь его от других страхов.

Цесарь будто услышал его мысли.

– Я прошу вас: если то, что я скажу, покажется вам бредом умалишенного, скажите мне это прямо. Вы всегда были честны со мной...

Белта осторожно кивнул.

– Вы отговаривали меня от союза с Чезарией, Стефан. Не только вы, каждый здравомыслящий человек при этом дворе. Вы считаете его гибельным, верно?

– Я лишь считаю, ваше величество, что капо Чезарии сложно доверять...

– Он гибелен! – Лотарь впечатал кулак в ствол подвернувшегося дерева. – И я не настолько глуп, чтобы не понимать этого. Но видите ли, Стефан... Моя покойная мать толкает меня на этот союз. И я не могу противостоять ее воле, никогда не мог...

Он затих. Потом рассмеялся – смехом таким же ледяным, застывшим, как скованные морозом лужицы под ногами.

– Ну что, испугались? Цесарь ваш все-таки унаследовал семейную болезнь...

– Постойте, государь... Отчего вы решили, что покойная цесарина... влияет на вас?

– Я слышу ее, Белта. – Лотарь переглотнул. – Я часто ее слышу, стоит только шуму во дворце затихнуть. Она говорит со мной. Приказывает. И я не в силах ей противиться...

Я поеду с тобой, сын мой. Тебе нечего бояться. Посмотри, какая луна...

– Так, – медленно сказал Стефан, – как если бы все было во сне... из которого вы хотели бы вырваться, но не можете?

Лотарь резко обернулся.

– Откуда вы знаете?

– Я не знаю, ваше величество. Я пытаюсь понять. Вы говорили об этом с вашими магами?

– Нет, – угрюмо ответил цесарь. – Вы первый, кто узнал об этом.

– Я чрезвычайно ценю ваше доверие, государь. Но подумайте сами, вы всегда были человеком здравомыслящим, особенно учитывая, что вам пришлось пережить. И мне гораздо легче увидеть в этом попытку... магического влияния, чем, простите, внезапное помешательство.

– Это невозможно, Белта, – сухо. – Дворец недоступен для магии.

И именно поэтому кто-то мог догадаться воздействовать на Лотаря вампирьим Зовом. Просто – и вряд ли маги поймут – считается, что вампиров в Остланде искоренили.

– Дворец защищен. Но от всего ли?

Лотарь сорвал с ветки одинокий почерневший листок. Растер между пальцами. Повернулся к Стефану.

– А ведь вы знаете, что это за воздействие, Белта. Только не рассказывайте, что прочитали об этом в книгах...

– Не в книгах, ваше величество, но в легендах – в таких же, как истории про призраков и Дикую охоту. Были и другие – про рыцарей, которые сбивались с пути вот по такому же Зову.

Да вам, князь Белта, нужно книги писать, а не меморандумы. И лучше всего – дамские романы.

– Всем известно, что вы были потрясены гибелью цесарины. А играть на чужом горе подчас очень удобно...

Сколько же Лотарь терпел, пытаясь не поддаваться Зову, толком не понимая, что с ним. Теперь понятно, откуда круги под глазами... И ведь сопротивляется, что удивительно! Распознал чужую волю, сумел отличить от собственных мыслей... Голубая кровь? Или выдержка, неизбежная для человека, живущего в стране, где жить – уже подвиг?

– Так что же, – цесарь помрачнел еще сильнее, – раз легенда пришла из ваших краев, так и Зов, наверное, оттуда...

– Нет, ваше величество, – ответ вышел чересчур поспешным, но и, подумав, он не дал бы другого.

– Отчего же? Или в Бялой Гуре не осталось никого, кто желал бы ее освобождения?

– Их очень мало, государь. И ваша дружба с Чезарией им невыгодна. Многие патриоты, вынужденные оставить страну, перебрались туда – пользуясь тем, что капо не выдает со своих земель. Если же это положение изменится...

– Вы патриот, Белта?

Спросил резко, как ударил. Будто почву хотел выбить из-под ног. «Мать предобрая, он все знает, – подумал Белта. – Они перехватили Марека на границе... или за ним самим все же была слежка... он все знает».

– Да, государь. – Смотреть в глаза. Прямо. – И вы понимали это, когда брали меня на эту должность.

Лотарь кивает:

– Понимал.

Проходит еще несколько шагов по серебрящейся тропинке.

– Это могут быть и сами чезарцы.

– Или любая другая страна, желающая Остланду поражения...

– Иначе говоря, весь мир, – невесело улыбается цесарь. – Что ж, советник, посоветуйте мне, что делать.

– Для начала обратитесь к вашим магам. Возможно, кто-то из них слышал о таком, а если нет – может справиться в Ученом совете. Будет проще, если мы хотя бы узнаем, что это за... воздействие и откуда оно идет – из-за границы или же прямо из дворца.

Он говорил очевидные вещи, понимая: Лотарю не совет сейчас нужен, а подтверждение, что он не безумен.

– Позвольте мне приглядеться к Чезарцу. Нужно понять, чего хочет капо и не он ли все это задумал. И, ваше величество... Мне кажется, сейчас не следует принимать военных решений.

– Разумеется, – сказал тот с раздраженным облечением. – Неразумно воевать, не зная настоящих врагов.

Стефан мысленно вздохнул. Теперь только чуть подправить меморандум, написанный в дороге, и Лотарь воспримет его как продолжение собственных мыслей.

Если бы только удалось не затевать большой войны... Послать в Чеговину обычных «добровольцев» – плохо, подлю, но катастрофы удастся избежать. И Марек останется сидеть в Люмьере со своими легионами – пусть себе сидит. Да хоть бы и в Чезарии задержался – теперь не страшно.

– Ваше величество... Если завтра вы забудете о нашем разговоре и прикажете выступить против Флории... что нам делать?

Цесарь остановился, засмотревшись на невидимые брызги в опустевшем мраморном фонтане.

– Я подписал указ сегодня, – сказал он глухо. – О том, чтобы ни одно решение касательно войны не принималось без одобрения Совета. Вы получите копию завтра утром.

Он стоял ссутулившись, сунув озябшие руки под мышки. Стефан сказал бы, что восхищается им, – но Лотарь примет это за обычную лесть.

– Вернемся, государь, – сказал он вместо этого. – Здесь становится неудобно. Я не медик, но осмелюсь посоветовать вам горячего вина перед сном или рябиновки...

Возвратившись к себе, Стефан зажег все нашедшиеся свечи и лампы – будто так было светлее думать. Он понятия не имел, могут ли цесарские маги определить, откуда Зов – да и Зов ли это на самом деле. А если Лотарь все-таки помешался из-за убийства матери и слышит голоса? А самому Стефану Зов теперь будет мерещиться даже в криках уличных зазывал?

Лотарь никогда не заговаривал о той ночи. Стефан выучил перемены в настроении цесаря, когда взгляд его наливался тяжестью, он становился угрюм, срывался по пустякам. Следовало разговаривать с ним, отвлекать – но даже в такие моменты о цесарине речь не заходила. Возможно ли, что, перебродив в молчании, невысказанное ударило теперь Лотарю в голову?

Вот только получается слишком много совпадений. Непростительно много.

Надо было удержать Войцеховского, расспросить его как следует про то «знакомство». Стефан перебирал в памяти придворных, в особенности тех, с кем говорил в первые свои дни в Остланде, но, ей-Матери, не мог припомнить ничего подозрительного.

Хотя... при такой жизни во дворце, с поздними приемами и днями, полными серого тумана, скрыться не составит труда. Цесареград – прекрасный город для вампиров, сам как могила... Но невозможно, чтобы больной не узнал свою болезнь.

Хорошо, попробуем по-другому, Чезария – худший из союзников, что могут быть сейчас у Остланда. Значит, вполне вероятно, платит человеку «нашей крови» либо Чеговина, либо король Тристан.

И, возможно, Кравец прав, когда желает избавиться от послов.

Послы...

Стефан застыл посреди кабинета.

Добрый Ладислас, который говорил с молодым заложником на белогорском, одалживал ему книги и у которого можно было разжиться весточкой с родины... Который замазывает лицо пудрой и носит кафтан еще, пожалуй, времен господаря Михала...

И которого, если подумать, Стефан никогда не видел при свете дня.

Глава 8

Следующие несколько дней сердце то и дело прихватывало острой, резкой тоской по дому. Стоило закрыть глаза, и Стефан снова оказывался в старом особняке и слышал нежные, будто приглушенные временем звуки клавесина. Он не знал, удалось ли Мареку выбраться из Бялой Гуры, и не мог придумать, как связаться с домом. Незамысловатый семейный шифр годился, только чтоб писать о чувствах, которые не хочется выказывать перед цензором. Священников проверяли, как проверяли и студентов Цесарской Академии, на каникулы уезжавших домой. Нарочного советника еще могли выпустить за Стену, не перетряхнув перед этим весь багаж, – но перед поездкой такой нарочный проходил через Тайный отдел. Всем известно, что люди Кравеца могут вытрясти из человека и то, чего он не знает.

Птице с посланием не перелететь Стену. Старинные трюки – фолианты с помеченными страницами, которые книжники провозили за границу, ожерелья с разноцветными камнями, что торговец забирал в Остланде и отдавал особому покупателю в Бялой Гуре, – все давно известны тайной службе. Оставались, пожалуй, контрабандисты...

Над этим Стефан ломал голову, когда не был занят депешами драгокраинскому господарю и перепиской с чезарцами.

Послания от капо становились день ото дня все более сердечными. В хитрой вязи вычитывалось, что Чезария обещает Остланду поддержку против короля Тристана с расчетом на давно уступленную Флории провинцию. Вокруг Галленце было немало споров, и века два назад такое предложение никого бы не удивило. Но поверить сейчас, что капо захочет вот так нарушить договор Шестиугольника, подписанный с согласия всех семей Чезарии, – и, значит, отвечать потом перед Семьями... У каждой во Флории есть свое дело, а чего чезарцы делать не станут, так это рубить сук, на котором неплохо сидится... Разве что капо ведет свою игру – но тогда он не стал бы предлагать открытую военную помощь. Золото, оружие, в лучшем случае – отряд наемников... одним словом, то, чем соблазнился Марек.

Капо оставался хитрой лисой; будь он чуть более откровенен, и можно было бы сказать, что Флория, наверное, в курсе переписки. Но посол на личной аудиенции намекал, что можно сплотить остландские и чезарские силы на южной границе Флории и ударить оттуда. По его мнению, такое нападение стало бы для Тристана сюрпризом.

– Из чего мы можем предположить, – сказал Стефан на следующем Совете, отодвигая рапорт, – что Остланду пытаются расставить ловушку и делают это не очень вежливо...

Рапорт этот, с выкладками из писем капо и чезарской миссии, он составлял с удовольствием. Стефану нравилось его занятие. Нравилось, как скользит перо по плотной, чуть желтоватой бумаге с отпечатанным внизу страницы остландским львом, нравилось оттачивать фразы до того, чтоб они звенели, отсекал от слов всякий лишний смысл, добивался четких формулировок. Так, пожалуй, на службе у цесаря станешь чернильной душой...

Подобным образом разобранный по косточкам и выставленный на дневной свет проект казался подозрительным. Но если знать, что решения по таким вопросам принимаются единолично, а советникам – да и генералам – остается лишь кивать, как фарфоровым собачкам на камине... то отчего бы не попробовать? И не заставить цесаря это решение принять?

О Зове Лотарь не говорил пока никому, кроме магов и, возможно, тайника. Однако после того разговора в кулуарах снова принялись обсуждать Чезарца. Неожиданный союзник опять превратился в давнего врага, и не только Стефан вздохнул с облегчением.

– Все же, согласитесь, это выглядит соблазнительно, – сказали из-за стола, – если б мы могли приблизиться к флорийцу через Чезарию...

Такие вопросы должны бы обсуждаться на совете другого толка – но здесь говорили не о войне, а о намерениях... Из генералов Державы присутствовал только самый молодой, полу-

чивший свой чин милостью нынешнего цесаря. Ему хотелось во Флорию через Чезарию; хотелось в какую угодно битву, только бы доказать, что он достоин назначения. Державе пригодились бы более опытные командующие, те, кто служил еще при матушке цесаря, кого Яворский перед битвой показывал издали своему порученцу. Но они со временем совсем перестали появляться при дворе и в столице...

И все-таки совет не военный, и за это Стефан неизвестного вампира готов был благодарить.

– Как гласит их собственная поговорка, самые красивые яблоки растут на отравленном дереве, – негромко возразил Кравец. – Не стоит бросаться их срывать...

– Ваш совет, барон Кравец? – сощурился Лотарь.

Он сидел, подперев руками голову, слегка горбясь, будто под тяжелым грузом. На спину ему и впрямь давил невидимый доспех – тяжелая магическая защита, которую ставили только на крайний случай, кажется, в последний раз он надевал ее на коронацию... Но коронация – это в худшем случае несколько дней, а теперь предстояло носить доспех, пока не выяснится, откуда Зов. Цесарь и ступал медленно, и передвигался неловко, как старинный рыцарь в полной броне. Но голосов больше не слышал.

– Я согласен с князем Белтой, ваше величество. Следует продолжать переписку.

Остальные переглянулись. Как вдруг умудрились оказаться на одной стороне бывший бунтовщик и тот, кто без усталости бунтовщиков отлавливает?

– Мне, – сказал Кравец, – не сообщали ни о каких переменах в Чезарии, которые могли бы повлечь такое решение капо.

Послы пока оставались в столице. Чезарский, за которым тайная служба ходила и смотрела теперь как за родным ребенком. Дражанский, который почти не покидал дворца, пытаясь добиться вместо смутных обещаний четкой даты начала войны. И чеговинский – ведь война официально не объявлена, и высылать его повода нет. Ладислас, прекрасно зная, что за тучи собрались у него над головой, продолжал созывать балы в Посольском доме, охотиться за картинами и покровительствовать художникам. Казалось, что балы его стали еще более шумными, а поступки – более экстравагантными. То ли пир во время чумы, то ли вызов. Даже люстры сверкали ярче обычного – так что Стефану, когда он зашел в залу, захотелось прикрыть глаза рукой.

Несмотря на невидимую стену, что окружала Ладисласа в последнее время, гостей у него не поубавилось. Всем было интересно, на что похож посол, которого не высылают де-юре, хотя его стране уже объявили войну де-факто. Среди приглашенных попадались, как обычно, безродные поэты и бедные студенты, в жизни не видевшие заморских фруктов.

На двоих таких указал ему Ладислас – тощие и юные, они беседовали в дальнем углу и, хоть бросали голодные взгляды в сторону стола, подойти не пытались.

– Ваши соотечественники. Они недавно поступили в здешнюю Академию.

Соотечественники воззрились на Стефана с интересом и опаской. Фамилии обоих, насколько Стефан помнил, были записаны в Книгу, но, судя по осунувшимся лицам и протертым локтям камзолов, от состояния семей осталось немного. К пани Гамулецкой бы их, покормить гуляшом...

– Значит, вы выбрали Цесарскую Академию... Похвально, не все на это решаются, она слишком далеко от дома.

Не все – но самые дальновидные, понимающие, что Бяла Гура всего лишь провинция, а столичное образование всегда ценится больше.

– На самом деле, князь, – сказал студент, неприятно похожий на Стацинского, – не то чтобы нам дали выбирать.

Стефан взгляделся в обоих повнимательнее. Видимо, из родного Университета их выгнали – за запрещенные стихи, за надписи на стенах, за сходки... чему еще они могли

научиться у профессора Бойко. Странно, правда, что с «волчьим билетом» их приняли в столице...

Протекции они не просили – такие, кажется, вообще не умеют просить, но ясно было, зачем Ладислас их позвал. Стефан пригласил студентов к себе на обед – приятно будет хоть один вечер провести, слушая за столом родную речь. И можно расспросить, каким именно ветром их занесло в Остланд...

– Кажется, – он улыбнулся графу Назари, – я был таким же, когда впервые приехал в Цесареград. Весь двор тогда смотрел волком, а вы первый подали мне руку...

Они сидели в низких креслах с широко расставленными гнутыми ножками, укрывшихся за колонной. Сюда падал только свет из зала – выходил уединенный уголок всего в нескольких шагах от танцующих. Возможно, уединение здесь было более надежным, чем в посольском кабинете...

– Моя страна, – с нажимом сказал Ладислас, – никогда не враждовала с Бялой Гурой. А вы, насколько я помню, были чуть постарше...

– И все же мне повезло, что вы приняли меня. Хоть я и отправился напрямик ко двору цесарины, роли моей в то время вряд ли можно было позавидовать...

– Господь с вами, князь. Какую бы роль вы ни играли, вы потомок рода Белта. Любой на моем месте счел бы за честь принимать вас у себя...

– Не все так гостеприимны. Согласитесь, находясь на чужбине, мы скорее стараемся поддерживать *свою кровь*...

Ладислас пожал плечами, взял с подноса очередной бокал чикийского. За высоким окном все сыпался дождь, создавая ощущение непрочного уюта.

– Для послов, ваша светлость, чем шире круг знакомств, тем лучше, – что ваш пример, к слову, блестяще подтверждает... Жаль только, что многие из знакомств будут утрачены, когда я покину вашу гостеприимную столицу...

– Думаю, это время наступит еще не скоро. Вы же сами видите, как неспешны наши с вами правители. Иногда мне кажется, что они следуют максиме того давнего полководца, который считал, что угроза войны подчас действеннее самой войны...

– И требует меньше затрат. Как же, помню...

В голосе Ладисласа слышалось сомнение. Если тот полководец и был прав, то не насчет Чеговины. И ей, и всему Шестиугольнику любое промедление только на руку. Будь Стефан на месте господаря... или на месте Лотаря – атаковал бы сейчас, ничего более не ожидая, без предупреждения, сминая все на своем пути, вспарывая страну по швам... как когда-то атаковали Бялу Гуру...

– А я было подумал, что вы со мной прощаетесь, князь, – проговорил граф Назари, вертя в пальцах бокал чеговинского стекла.

Пришлось рассмеяться.

– Да что вы. Просто... одолела ностальгия. Съездил домой и расчувствовался.

Он затеял разговор о Бялой Гуре, об обеде в Швянте и сказал будто между прочим:

– Кстати, один мой родственник говорил мне о вас... Мой дядя по матери, Ласло Войцеховский.

Стефан вдруг понял, что абсолютно не знает, какой приставить титул – да и есть ли титул у новоиспеченного дяди?

– Войце... ховский? – Ладислас еле выговорил. – Нет, ей-Разорванному, не припомню.

Он мог врать или говорить правду – это не имело значения. Потому что Стефан давно понял: Ладислас – не тот, кто ему нужен. Он выглядел молодо, но на лбу его пудра забила складки морщин, которые призвана была скрыть, у губ обвисли складки, и рука в тонкой белой перчатке дрожала, когда он потянулся налить еще вина.

Теперь ему и самому казалось это смешным – подозревать Ладисласа. Наверняка, будь он вампиром, Стефан бы почувствовал...

Лотарь только раз заговорил о Зове. Цесарю сообщили, будто воздействие это близко к магии крови. Она считалась настолько древней, что ни в одном из королевских домов Пристенья или Шестиугольника ее не употребляли. На колдовство есть своя мода, и эта магия оказалась позапрошлогоднего сезона...

И все-таки уже заговорили о крови, и выходит, что Стефан прав. А Лотарь упорен и не оставит поисков. Значит, вампира, кем бы он ни был, скоро найдут.

Стефану хотелось найти его раньше.

Это раздражало его, будто слово, которое вертится на языке и которое никак не можешь вспомнить. Раньше он избегал светских увеселений, появляясь на приемах, только когда его отсутствие сочли бы за невежливость. Теперь же Стефан каждый вечер отправлялся в бальный зал, в театрик или зимний сад. Завязывал пустые разговоры, отплясывал с дамами, смотрел живые картины – и непрерывно вглядывался и вслушивался. И всякий раз возвращался ни с чем. Да и с чего он взял, что вампир обязательно во дворце? Он мог скрываться в любом из посольств, на тайной квартире, в рыбацкой хижине...

А ему самому такая жизнь давалась все тяжелей. Слишком много было бьющихся сердец вокруг, слишком много трепещущих жилок, обнаженных запястий, глубоких вырезов, подчеркивающих изгиб шеи... И все труднее сдерживаться. На приемах порой становилось так плохо, что он сбегал на балкон, а то и за пределы дворца, благословляя здешний холодный и мокрый воздух.

Пан Ольховский рассказывал ему, как в молодости прятался по лесам от державников и как после нескольких недель блуждания и он, и товарищи его не могли думать ни о чем, кроме еды. Раньше Стефан этого не понимал, теперь – почувствовал. Ему снилось, что он пьет – наконец-то может напиться. Он стоял на коленях рядом с телом брата Ротгара и, не стесняясь, лакал кровь. Во сне это было так естественно – и так сладко...

Он чаще, чем раньше, навещал дом на Малой набережной, пытаясь заглушить зов крови зовом плоти. Не помогало; он так четко слышал запах горячей девичьей крови сквозь дешевый парфюм, что голову кружило, – и не от того желания, которое в нем старались возбудить. Как-то Стефан будто бы шутя прикусил свою любимицу Лизу за шею. Та захохотала, а он на какую-то страшную секунду подумал, что вот, можно, – ведь ее никто не хватится потом, мало ли таких пропадает на улице каждый день – а ради такого клиента мамаша на все закроет глаза...

Он вылетел как оглашенный в мокрую весеннюю ночь, нырнул в туман, клубящийся по переулкам; забыв о кучере, шагал куда глаза глядели, пытаясь успокоить дыхание. И привычно уже сжимал у сердца ладанку.

«Что же это со мной такое, Мать добрая...»

Стефан часто молился, хоть выходило плохо. Он не мог не думать о Юлии, когда смотрел на образок – как она дотронулась до его руки, как обратила на него такой же пронзительный, полный света взгляд...

Пасмурный и влажный мартовский день. Торжествующе, оголтело кричат птицы. Быстрая и громкая в тот год выдалась весна, с бурлением освобожденных ручьев и шумом новой листвы под ветром. Со свадебными колоколами.

Отец первый выпрыгивает из кареты, сам открывает дверцу с заново покрашенным гербом. Подает руку худенькой, небогато одетой девушке. Голова у нее замотана белым платком, как у простолюдинки. Она шурится: серые глаза заново привыкают к свету после полумрака кареты.

Стефан, кажется, видел ее раньше. Когда-то, в детстве, они вместе играли...

– Это панна Юлия, – говорит отец. – Моя нареченная.

На высоких ступеньках крыльца она оскальзывается, и Стефан первым успева­ет подать ей руку. Удержать. Быстрый – будто украдкой – взгляд серых глаз из-под длинных ресниц.

«Да ведь ей страшно», – думает Стефан.

– Не бойтесь, – говорит он вполголоса, так и не отпустив ее руку.

– Не буду, – отвечает Юлия.

Шестнадцатилетний Марек сидит на софе в комнате брата, подобрал под себя длинные ноги.

– Нет, ты видел? Верно говорят: седина в бороду, бес в ребро.

Стефан поворачивается от окна.

– Даже не вздумай...

– Не вздумаяю, – хмуро говорит Марек. – Девушка-то хорошая. Но старый хрыч каков!

– Брат... Катажины нет уже три года, а отец... не привык без внимания. Не злись.

Но Марек злится, поджал губу, выставил подбородок. Он скучает по матери.

– У него был долг перед паном адъютантом. Вот подрастешь – узнаешь, что такое долг.

Марек кидает в него диванной подушкой. Промахивается.

– Пан адъютант просил, чтоб семьи породнились. Но почему б отцу за тебя ее не отдать? Тебе-то она куда больше по возрасту подходит...

– За меня? – цедит Стефан. – Ты забыл, что я такое? За тебя уж скорее...

Марек смеется – весело и громко, того и гляди, весь дом поднимет.

– Ну ты, Стефко, скажешь.

– Вот и не суди отца. Не тебе судить.

Брат замолкает. Потом из темноты доносится его шепот:

– А ведь верно, она красивая, а, Стефко?

Он поворачивается к окну. Бездумно чертит на стекле, запотевшем от тумана.

– Верно. Красивая.

В храме, когда жених и невеста опускаются на колени перед образом Матери и давно про­тивший отца Марек подает им кольца, Стефан вдруг думает: это навсегда. У отца совсем седой затылок.

Навсегда. До конца жизни. После свадьбы Стефан то и дело оказывается с ней рядом. Делает то, на что у вечно занятого отца не хватает времени, – а у него времени сколько угодно, он приехал на лето из Университета и слоняется по дому бездельно. Он знакомит Юлию со слугами, показывает имение, растолковывает семейные обычаи. Приносит книги, приходит в гостиную, заслышав звуки клавесина. Сталкивается на лестнице. Все это выхо­дит не специально; просто у него не получается долго ее не видеть. В конце концов отец гово­рит в шутку:

– Осторожней, Стефко, а то подумают, что ты за отцовской женой ухлестываешь...

Тем вечером они встречаются наверху лестницы – случайно. Застывают, робея вдруг, как дети, которым родители не разрешают друг с другом водиться.

– Я уеду за границу, – говорит Стефан. – Я уже решил.

Он бы и в самом деле уехал – в Чезарию, во Флорию, к черту на рога, – если б не восстание.

– Возьмите, Стефан, я сделала это для вас.

Юлия протягивает ему расшитый кушак. Глаза у нее красные, припухшие – явно шила всю ночь. По белому шелку бежит зеленая вышивка; мягко спадают разноцветные кисти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.